

ПРАВДА И ЗАКОН

1(35)/2026

Научно-практический журнал
Издается с 2017 года

ISSN 2587-8387

Выходит один раз в три месяца

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Скиба Андрей Петрович
доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Петрянин Алексей Владимирович
доктор юридических наук, профессор

Ответственный редактор

Степкин Сергей Михайлович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-69137

Научно-практический журнал «Правда и закон» публикует оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы по отраслям науки:

Право 5.1

Педагогика 5.8

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям **5.1.1, 5.1.2, 5.1.3, 5.1.4, 5.8.2**

Ответственность за содержание статей и достоверность фактов, изложенных в них, а также версий английского перевода несут авторы статей.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова приводятся автором в обязательном порядке на английском и русском языках.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Правда и закон» ссылка на журнал обязательна.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бастрыкин Александр Иванович, председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва)

Безручко Евгений Валерьевич, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Бессонов Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент (Москва)

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва)

Готчина Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, кандидат социологических наук (Санкт-Петербург)

Кондаков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Коршунова Ольга Николаевна, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Кутузов Александр Владиславович, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Латышов Игорь Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Никишин Владислав Васильевич, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Сазин Сергей Тихонович, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Тюнин Владимир Ильич, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Уткин Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Фролов Владислав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Харченко Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Чельшева Ольга Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Шадрин Виктор Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Шарапов Роман Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Шебалин Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Ялышев Станислав Алимович, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Ячменев Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ		
Бастрыкин А.И.		
Вопросы противодействия экстремизму и терроризму на территории Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации	3	
Харченко С.В., Гирько С.И.		
К вопросу о сущности документирования действий проверяемых и разрабатываемых лиц и его соотношении с уголовно-процессуальной деятельностью	8	
Скиба А.П.		
Конституционно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное регулирование: вопросы взаимосвязи (часть 1)	15	
Тимченко П.А.		
Процессуальный статус лиц – участников проверки сообщения о преступлении: проблемы реализации и пути их решения	22	
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ		
Готчина Л.В.		
О направлениях и эффективных мерах противодействия наркопотреблению молодежи	33	
Тепляшин П.В.		
Обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц как основная задача оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях	39	
Никитин Д.А., Богданов М.Н.		
Криминологический портрет личности «таможенного преступника» в механизме совершения таможенных преступлений	47	
Дроздова Н.Ю.		
Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания за преступления в сфере незаконного оборота древесины	55	
Дулкарнаев М.С.		
Проблемы уголовно-правового противодействия незаконному обналичиванию денежных средств	62	
Круподеров Н.В.		
Законодательство при рецидиве: проблемы теории и практики	69	
Сугатов М.С.		
Правовая природа ответственности осужденных к лишению свободы за нарушение установленного порядка отбывания наказания	75	
ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ		
Липский В.А.		
Международно-правовые основы борьбы с сексуальным насилием как элемент обусловленности уголовно-правового противодействия преступлениям против половой неприкосновенности личности	81	
Харашкин К.А.		
Бремя опровержения доводов защиты в российском уголовном процессе: декларация или работающий механизм?	88	
Цветков А.А.		
Международно-правовые основы противодействия диверсионной деятельности: современное состояние и перспективы развития	97	
ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ		
Одиноков К.В.		
Оперативно-розыскные аспекты обеспечения процесса достижения целей уголовно-исполнительного законодательства	104	
НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ		
Шеслер А.В.		
Отзыв официального оппонента на диссертацию Ольги Валерьевны Шмыгиной «Угроза как способ совершения преступлений против собственности», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки», выполненную на кафедре уголовного права и процесса Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	113	
ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ		120

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ

УДК 343.9

Вопросы противодействия экстремизму и терроризму на территории Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации

Александр Иванович Бастрыкин

Следственный комитет Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. В статье с использованием статистических данных проведен анализ противодействия террористической деятельности в Северо-Кавказском федеральном округе Российской Федерации. Внесены предложения по профилактике терроризма в молодежной среде. Подчеркивается, что именно эффективное сотрудничество между всеми заинтересованными ведомствами позволяет добиться положительных результатов в противодействии терроризму.

Ключевые слова: Национальный антитеррористический комитет, Следственный комитет Российской Федерации, безопасность, противодействие терроризму, профилактика

Для цитирования: Бастрыкин А.И. Вопросы противодействия экстремизму и терроризму на территории Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 3–7.

Issues of countering extremism and terrorism in the North Caucasus Federal District of the Russian Federation

Alexander I. Bastrykin

Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article uses statistical data to analyze the counteraction to terrorist activities in the North Caucasus Federal District of the Russian Federation. Proposals have been made to prevent terrorism among young people. It is emphasized that it is the effective cooperation between all interested agencies that makes it possible to achieve positive results in countering terrorism.

Keywords: National Anti-Terrorism Committee, Investigative Committee of the Russian Federation, security, counter-terrorism, prevention

For citation: Bastrykin A.I. Issues of countering extremism and terrorism in the North Caucasus Federal District of the Russian Federation // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 3–7.

Следственный комитет Российской Федерации (СК России) выполняет значительный объем работы по противодействию преступности. Сотрудники ведомства работают в сложных условиях, оперативно реагируя на нарастающие

вызовы и угрозы. В их числе наибольшую опасность представляют преступления террористического характера.

Так, в первом полугодии 2025 г. в следственных органах СК России, дислоцирующихся в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) Российской Федерации, в производстве находилось 264 уголовных дела (за 6 месяцев 2024 г. – 199) о преступлениях террористического характера. Направлено в суд 62 дела (за 6 месяцев 2024 г. – 30) в отношении 68 лиц. Из числа направленных в суд 4 дела о преступлениях, связанных с финансированием терроризма.

С учетом того, что терроризм продолжает оставаться одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации, необходимо принять дополнительные меры по координации действий всех противодействующих экстремизму и терроризму структур, а также активно пресекать вербовочную деятельность со стороны международных террористических организаций.

В нашей стране такая координация осуществляется в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму»¹ Национальным антитеррористическим комитетом (НАК).

Так, 14 октября 2025 г. состоялось заседание НАК, на котором рассмотрен вопрос эффективности противодействия распространению идеологии терроризма, неонацизма и религиозного экстремизма на территории СКФО.

На заседании отмечено, что в результате комплексной реализации силовых и профилактических мер в СКФО более чем в два раза по сравнению с прошлым годом снизилось количество совершенных террористических преступлений. Скоординированными действиями силовых структур с начала года на стадии подготовки предотвращено 33 таких преступления, в том числе 27 терактов². К примеру, в целях профилактики преступлений террористического характера следственными органами СК России, дислоцирующимися в СКФО, по уголовным делам, направленным в суд, внесено 64 представления об устранении причин и условий совершения преступлений террористического характера.

В то же время в СКФО не снижается активность международных террористических организаций и украинских спецслужб, в том числе вербовочная деятельность в сети Интернет. В текущем году в СКФО за подготовку и совершение терактов, оправдание терроризма и пособничество бандитам, а также попытки выезда за границу для вступления в международные террористические организации и украинские националистические формирования задержано свыше 280 лиц, большинство из которых являлись сторонниками нетрадиционных для России радикальных религиозных течений.

Среди лиц, вовлекаемых в террористическую деятельность, растет доля молодежи, в том числе несовершеннолетних, радикализация которых нередко происходит под воздействием зарубежных религиозных образовательных организаций и служителей культа, получивших образование за пределами Российской Федерации.

С учетом складывающейся обстановки на заседании НАК перед исполнительными органами в сферах контрольно-надзорной деятельности, образования, молодежной политики, культуры и спорта поставлены конкретные задачи. Даны указания по совершенствованию подготовки специалистов регионального и муниципального звена, повышению требований к аттестации священнослужителей, обучавшихся за рубежом. Указано на необходимость исключения доступа лиц, причастных к экстремистской деятельности и отбывших

---

¹ О мерах по противодействию терроризму: Указ Президента Рос. Федерации от 15 февр. 2006 г. № 116 (в ред. от 25 нояб. 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Директор ФСБ России Бортников А.В. провел заседание Национального антитеррористического комитета. URL: <https://nac.gov.ru/view/f6c3ce82-b2ab-4564-8c53-d6c79c186460> (дата обращения: 12.12.2025).

наказание за совершение террористических преступлений, а также к воспитательной работе и образовательному процессу. Акцентируется внимание на необходимости своевременного реагирования на факты распространения радикальных идей среди учащихся и преподавателей.

Региональным антитеррористическим комиссиям и их аппаратам дано поручение сосредоточить усилия на повышении эффективности профилактической работы, активизации адресной и индивидуальной профилактики, исключении формально-бюрократического подхода к осуществлению профилактических мероприятий, использовании положительного опыта, приобретенного в субъектах Российской Федерации.

Вместе с тем нарастающая активность противника по радикализации наших граждан, прежде всего молодых людей, их вовлечению в диверсионно-террористическую деятельность, а также выявленные на заседании НАК проблемы в организации профилактической работы на данном направлении требуют дальнейшей корректировки сформированной системы профилактики терроризма в сфере образования и молодежной среде. Поэтому важно уделять приоритетное внимание вопросам задействования потенциала воспитательной работы в привитии подрастающему поколению традиционных ценностей, как основного инструмента укрепления «иммунитета» к идеям экстремистской и террористической направленности.

В настоящее время особую значимость приобретает дальнейшее расширение психологической службы во всех образовательных организациях, которое, к сожалению, идет слишком медленно. К этой работе представляется целесообразным привлекать студентов юридических вузов и студентов-психологов.

Как уже отмечалось, профилактика – важнейшая составляющая противодействия идеологии терроризма в первую очередь среди несовершеннолетних. В связи с этим необходимо активно продолжать реформирование системы образования, непрерывно усиливая его воспитательный потенциал со стороны педагогов и психологов. В целях исключения случаев безнадзорности и бесконтрольности несовершеннолетних активно развивать систему дополнительного образования, создавать досуговые центры для несовершеннолетних и детских общественных организаций.

Таким образом, приоритетными задачами следует считать изучение положительного опыта использования практик выявления угроз в молодежной среде, организацию индивидуальной и адресной профилактики, совершенствование механизма выявления обучающихся, требующих профилактического внимания.

В завершение следует отметить, что средства массовой информации располагают огромными возможностями привлекать к участию в решении стоящих перед нами задач наиболее авторитетных специалистов в разных областях деятельности (руководителей различного уровня, ученых, писателей, публицистов, социологов, политологов, экспертов). Такие лица своими выступлениями, комментариями и оценками способствуют воспитанию у граждан правосознания, духа уважения к закону, настраивают общество на всемерную поддержку органам, занимающимся борьбой с терроризмом и экстремизмом. Эта деятельность средств массовой информации, направленная на предупреждение терроризма и экстремизма, крайне важна. Необходимо ее продолжать и активно поддерживать.

Помимо этого, полагаю целесообразным привлекать научное сообщество к исследованию проблем насилия в образовательных организациях, к разработке образовательных программ, в том числе школьных, направленных на формирование знаний и навыков в духе освоения традиционных отечественных ценностей – чести, долга, справедливости и милосердия, а также по защите подрастающего поколения от воздействия манипуляторных технологий. При исследовании указанных проблем необходимо учитывать то обстоятельство, что

своевременное пресечение насилия в отношении ребенка в семье и в школе является предотвращением неправомерного поведения в будущем самих несовершеннолетних.

Кроме того, целесообразно тщательно проработать вопрос о создании единой государственной системы непрерывного социального сопровождения несовершеннолетних с девиантным поведением. Только объединив усилия на данных направлениях, можно активно проводить в жизнь государственную политику, национальным приоритетом которой является благополучие людей и укрепление единства общества.

Список источников

1. О мерах по противодействию терроризму: Указ Президента Рос. Федерации от 15 февр. 2006 г. № 116 (в ред. от 25 нояб. 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму: Указ Президента Рос. Федерации от 26 дек. 2015 г. № 664 (в ред. от 6 сент. 2024 г.) (вместе с «Положением о Национальном антитеррористическом комитете») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 8. Ст. 897.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 1 апр. 2025 г.) // Рос. газ. 1999. № 121. 30 июня.

References

1. O merah po protivodejstviyu terrorizmu: Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 15 fevr. 2006 g. № 116 (v red. ot 25 noyab. 2019 g.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

2. O merah po sovershenstvovaniyu gosudarstvennogo upravleniya v oblasti protivodejstviya terrorizmu: Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 26 dek. 2015 g. № 664 (v red. ot 6 sent. 2024 g.) (vmeste s «Polozheniem o Nacional'nom antiterroristicheskom komitete») // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2006. № 8. St. 897.

3. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 2 iyulya 2021 g. № 400 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2021. № 27 (ch. II). St. 5351.

4. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej: Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 9 noyab. 2022 g. № 809 // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2022. № 46. St. 7977.

5. Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih: Feder. zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ (v red. ot 1 apr. 2025 g.) // Ros. gaz. 1999. № 121. 30 iyunya.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 18.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Информация об авторе

А.И. Бастрыкин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Председатель Следственного комитета Российской Федерации (Россия, 105005, г. Москва, Технический пер., 2).

Information about the author

A.I. Bastrykin – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation (Russia, 105005, Moscow, Technical Lane, 2).

УДК 343

**К вопросу о сущности документирования действий проверяемых
и разрабатываемых лиц и его соотношении
с уголовно-процессуальной деятельностью**

Сергей Владимирович Харченко^{1✉}, Сергей Иванович Гирько²

¹Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия

²Центр исследования проблем безопасности РАН, Москва, Россия

¹kharchenko.sv@spba.sledcom.ru✉, SPIN-код: 2391-3477

²SPIN-код: 5499-4049

Аннотация. Рассматриваются различные аспекты документирования действий проверяемых и разрабатываемых лиц, а также проводится его соотношение с уголовно-процессуальной деятельностью. Обращается внимание на негласные способы получения информации, так как большинство преступлений заранее готовятся втайне от окружающих, при их совершении участники используют различные ухищрения, чтобы замаскировать свои преступные действия. Особый акцент авторами делается на использовании негласных сил, средств и методов, а также проведении различного вида оперативно-розыскных мероприятий и фиксации необходимых сведений в делах оперативного учета для выявления таких лиц и их преступных намерений или действий, использования затем в процессе дознания, следствия и суда в качестве доказательств при условии их последующего процессуального закрепления.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; использование негласных сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности; доказательства

Для цитирования: Харченко С.В., Гирько С.И. К вопросу о сущности документирования действий проверяемых и разрабатываемых лиц и его соотношении с уголовно-процессуальной деятельностью // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 8–14.

**On the essence of documenting the actions of persons under investigation
and development and its relationship with criminal procedural activity**

Sergey V. Kharchenko^{1✉}, Sergey I. Girko²

¹SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia

²Center for Research on Security Issues of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹kharchenko.sv@spba.sledcom.ru✉, SPIN: 2391-3477

²SPIN: 5499-4049

Abstract. Discusses various aspects of documenting the actions of persons under investigation and development, as well as their relationship to criminal proceedings. Attention is drawn to the use of covert methods to obtain information, as most crimes are planned in advance and involve various tactics to conceal criminal activities. The authors place a special emphasis on the use of covert forces, means, and methods, as well as conducting various types of operational and investigative activities and recording the necessary information in operational records in order to identify such individuals and their criminal intentions or actions, which can then be used as evidence during the investigation, trial, and court proceedings, provided that they are subsequently processed.

Keywords: criminal procedural activities; operational and investigative measures; use of covert forces, means, and methods of operational and investigative activities; evidence

For citation: Kharchenko S.V., Girko S.I. On the essence of documenting the actions of persons under investigation and development and its relationship with criminal procedural activity // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 8–14.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности (ОРД) сотрудники оперативных подразделений в необходимых случаях фиксируют действия проверяемых и разрабатываемых лиц с использованием возможностей имеющихся в их распоряжении сил, средств и методов и, как правило, негласным путем. Такие мероприятия имеют своей целью выявление (обнаружение) и закрепление (фиксацию) в различных документах информации о фактических данных, касающихся подготавливаемых, совершаемых или совершенных правонарушений, причастных к ним лиц, а также иных сведений, имеющих значение для предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, обеспечения розыска различных категорий граждан, включая установление личности неопознанных трупов.

В теории ОРД сбор и фиксирование данных, имеющих значение для решения ее задач, принято обозначить термином «документирование» [1]. Однако до сих пор в теории ОРД и уголовно-процессуального права имеется ряд проблем в этой области, активно обсуждаемых в юридической литературе [2; 3; 4, с. 57–61; 5; 6].

В общем плане с учетом оперативно-розыскного законодательства под документированием действий проверяемых и разрабатываемых лиц следует понимать специфическую деятельность с использованием правил конспирации сотрудников оперативных подразделений по обнаружению (выявлению) и закреплению (фиксации) фактических данных, имеющих отношение к подготовке либо совершению преступлений, установлению личности и места нахождения разыскиваемых лиц для успешного предварительного расследования дел о преступлениях, последующего их судебного разбирательства и решения других задач борьбы с преступностью.

Это направление ОРД обусловлено, прежде всего, тем, что доказательствами в уголовном процессе являются фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке устанавливается наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Необходимость документирования объясняется как требованиями Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – ФЗ № 144-ФЗ), Уголовного кодекса Российской Федерации² (УК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (УПК РФ), так и особенностями поведения определенной категории преступников, совершающих замаскированные преступления, и в условиях их неочевидности зачастую прибегающих при этом к различного рода уловкам по сокрытию своей преступной деятельности.

Для получения фактических данных, касающихся обнаружения самих криминальных фактов и лиц, к ним причастным, оперативным работникам следует использовать все имеющиеся в их распоряжении силы, средства и методы, а если потребуется помощь общественности, то и отдельных граждан, в том числе оказывающих содействие и сотрудничающих с ними на конфиденциальной основе.

---

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г. с изм. и доп. от 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г. с изм. и доп. от 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В целях углубленного понимания сущности документирования и его соотношения с содержанием уголовно-процессуальной деятельности необходимо обратиться к некоторым положениям УК РФ и УПК РФ.

Так, в соответствии с требованиями УК РФ, уголовной ответственности и наказанию подлежит лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или неосторожно совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом.

В свою очередь, виновность лица, событие преступления и другие обстоятельства, связанные с преступлением, устанавливаются путем доказывания, то есть путем собирания, исследования, проверки и оценки доказательств органами дознания, следствия и судом.

В ст. 74 УПК РФ отмечается, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Этим же законом (ст. 74, 75) определено, что в качестве доказательств допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; протоколы следственных и судебных действий; иные документы. Причем законом оговорено, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми (то есть не имеющими юридической силы – прим. авторов).

Однако практика борьбы с преступностью свидетельствует, что в ряде случаев получить гласным процессуальным путем необходимые данные в ходе предварительного расследования трудно, а порой просто невозможно. Это происходит потому, что большинство преступлений заранее готовятся втайне от окружающих, при их совершении участники используют различные ухищрения, с целью замаскировать свои преступные действия. Желая остаться не разоблаченными, преступники стремятся уничтожить следы преступления, доказательства, разрабатывают линию своего поведения на следствии, готовят ложное для себя алиби и т.д. Известны случаи, когда преступники изучают юридическую литературу, методы борьбы с преступностью, анализируют организацию и действия оперативных работников, дознавателей и следователей при раскрытии различных совершенных правонарушений, допускаемые при этом ими промахи и ошибки.

Поэтому в целях предотвращения и раскрытия тяжких, особо тяжких и иных преступлений и используются возможности ОРД. Сотрудники оперативно-розыскных аппаратов органов внутренних дел с помощью имеющихся в их распоряжении негласных сил, средств и методов, проводя различного вида оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), втайне от проверяемых и разрабатываемых лиц собирают и фиксируют необходимые сведения в делах оперативного учета, что позволяет им не только выявлять таких лиц и их преступные намерения или действия, но и фактические данные, которые могут использоваться затем в процессе дознания, следствия и суда в качестве доказательств при условии их последующего процессуального закрепления.

В итоге тайный и законспирированный характер документирования обеспечивает успешное собирание фактических данных, способствующих изобличению лиц в преступных действиях.

Для этих целей ФЗ № 144-ФЗ в ст. 6 предусмотрел обширный перечень ОРМ, которые целесообразно использовать в ходе документирования: исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка, оперативный эксперимент; прослушивание переговоров и др.

Придавая важность ОРМ для обеспечения процесса доказывания по уголовным делам, в УПК РФ была введена ст. 186 (контроль и запись переговоров), положения которой предусматривают проведение ОРМ по ходатайству следователя (с санкции суда), относя его в перечень следственных действий, но проводимого сотрудниками оперативных служб.

Документирование применяется сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел как в процессе предварительной оперативной проверки первичной информации, так и в ходе оперативной разработки лиц, совершающих замаскированные преступления.

Как в ходе осуществления предварительной оперативной проверки, так и оперативной разработки, осуществляемые при этом ОРМ направляются, во-первых, на выявление (обнаружение) фактических данных о всех подготавливаемых и уже совершенных преступных действиях; во-вторых, на закрепление их процессуальной значимости как доказательств по уголовному делу.

Выявление фактических данных, которые могут быть в дальнейшем доказательствами, означает:

а) поиск (обнаружение) источников – носителей такой информации. Ими могут быть лица, предметы, документы, фото- и киноматериалы и т.п.;

б) закрепление – установление доказательственного значения обнаруженных фактических данных;

в) сохранение установленных источников (фактических данных) до момента их изъятия и использования в процессе расследования;

г) создание возможностей для процессуального оформления выявленных фактических данных и использование их в процессе расследования.

Таким образом, для того чтобы выявленные оперативно-розыскным путем фактические данные могли стать процессуальными доказательствами, они должны быть не только выявлены, обнаружены, изъяты, но соответствующим образом документально зафиксированы и сохранены.

Документирование в соответствии с требованиями ФЗ № 144-ФЗ осуществляется сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, иных субъектов ОРД в процессе:

а) поиска (выявления) первичных данных о лицах, криминальных событиях, представляющих оперативный интерес;

б) оперативно-профилактического наблюдения за лицами, склонными к совершению преступлений, с целью недопущения с их стороны действий криминального характера;

в) оперативной разработки, которая в основном и направлена на документирование действий проверяемых и разрабатываемых лиц;

г) оперативно-розыскного обеспечения (сопровождения) процесса расследования преступлений.

Следует отличать документирование от процессуальных действий по сбору доказательств. Необходимо учитывать, что документирование никоим образом не подменяет предварительного расследования, сбора и оценки доказательств, осуществляемых дознавателями и следователями в уголовно-процессуальном порядке.

Фактически документирование – это ОРД, осуществляемая путем проведения различных ОРМ, предусмотренных ФЗ № 144-ФЗ, а не процессуальная, которая регламентируется в ст. 176–207 УПК РФ.

Роль документирования состоит в том, чтобы обеспечить своевременное и быстрое обнаружение доказательственной базы (источников доказательств), их местонахождения (например, орудий преступлений, сведений о свидетелях и т.п.), не дать возможности уничтожить или утратить доказательства до момента начала расследования, а в ряде случаев и в процессе его проведения, сохранить их до процессуального закрепления (изъятия вещественных доказательств, допроса лиц, располагающих сведениями об обстоятельствах преступления и т.д.).

В процессе документирования обнаруживаются и закрепляются всевозможные данные, которые станут доказательствами лишь после того, как они будут процессуально оформлены и приобщены к уголовному делу в порядке, предусмотренном УПК РФ.

В этом и находит проявление обеспечивающая роль ОРД по отношению к уголовному процессу, поскольку документирование обеспечивает предварительное расследование сведениями о данных, имеющих значение для установления истины по уголовному делу. Поэтому участвующие в документировании оперативные работники должны четко разбираться в обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовным делам, то есть в предмете доказывания.

Здесь необходимо обратиться к положениям ст. 73 УПК РФ, которая предусматривает, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, и т.д. Подлежат выяснению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

В процессе проверочного производства, осуществляемого в ходе выявления оперативно-розыскной информации о лицах и фактах, имеющих значение для предотвращения и раскрытия преступлений, а также оперативно-профилактического наблюдения и оперативной разработки, оперативные работники, используя негласные силы, средства и методы, выявляют указанные обстоятельства в действиях проверяемых и разрабатываемых и, в зависимости от складывающейся обстановки, обеспечивают этими фактическими данными органы предварительного расследования.

С учетом того, что в уголовно-процессуальном законе (ст. 74, 75) четко определены источники, посредством которых устанавливаются фактические данные, могущие быть доказательствами, то не могут быть использованы в качестве их источников анонимные письма, слухи, поведение розыскной собаки и т.п. В силу конспиративного характера ОРД не используются в качестве источников доказательств негласные силы, средства и методы (материалы, полученные путем скрытого наблюдения, прослушивания телефонных переговоров и т.п.), без надлежащего их процессуального оформления в соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной приказом МВД России, Министерства обороны Российской Федерации, ФСБ России, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68⁴.

В процессе осуществления документирования действий проверяемых и разрабатываемых лиц комплекс ОРМ в своей основе должен охватывать:

– выявление граждан, которым известны сведения об обстоятельствах преступления и лицах, его совершивших, а также закрепление известных им сведений;

---

⁴ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Министерства обороны Российской Федерации, ФСБ России, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сент. 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– выявление предметов и документов, имеющих значение в качестве вещественных доказательств, а также закрепление их доказательственного значения;
– фиксирование конкретных действий, осуществленных разрабатываемыми лицами для достижения своих преступных целей.

Полученные в ходе документирования закрепленные и сохраненные в различных материалах оперативного характера (делах, справках, актах, на аудио- (видео-) и фотоизображениях и т.п.) данные в последующем могут быть «трансформированы» в доказательства по уголовным делам, при условии их процессуального закрепления в соответствии с требованиями УПК РФ путем производства следственных действий (допросов, обысков, выемок, осмотров, экспертных исследований и т.п.).

Таким образом, можно сделать вывод, что успешное осуществление мероприятий по выявлению и закреплению фактических данных оперативно-розыскным путем во многом определяется тем, насколько оперативные работники и должностные лица, организующие ОРД, будут соблюдать требования не только ведомственных нормативных актов, регламентирующих организацию и тактику проведения ОРМ, документируя действия проверяемых и разрабатываемых лиц, но также знать и неукоснительно соблюдать положения уголовно-процессуального закона, касающиеся процесса доказывания виновности (невиновности) подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам.

Список источников

1. Самойлов В.Г. Документирование по делам оперативной разработки: учеб. пособие. Горький: ГВШММ МВД СССР, 1978.
2. Кустов А.М., Данильян С.А. Оперативно-розыскная деятельность: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025.
3. Ларичев В.Д., Панин Д.А. Противодействие преступлениям экономической и коррупционной направленности, совершаемым в сфере здравоохранения: монография. М.: Юрлитинформ, 2020.
4. Омелин В.Н., Иванов А.А. Проблемные вопросы реализации документирования в рамках оперативно-розыскной деятельности в пенитенциарной системе по ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Занятие высшего положения в преступной иерархии» // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: сб. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2020. С. 57–61.
5. Хромов И.Л., Калачева М.С. Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: криминологический анализ, оперативно-розыскное противодействие: монография. М.: Юриспруденция, 2025.
6. Основы оперативно-розыскной деятельности / Р.Э. Адамян [и др.]: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М., 2021.

References

1. Samojlov V.G. Dokumentirovanie po delam operativnoj razrabotki: ucheb. posobie. Gor'kij: GVSHMM MVD SSSR, 1978.
2. Kustov A.M., Danil'yan S.A. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': ucheb. posobie. M.: YUNITI-DANA, 2025.
3. Larichev V.D., Panin D.A. Protivodejstvie prestupleniyam ekonomicheskoy i korrupcionnoj napravlenosti, sovershaemym v sfere zdravoohraneniya: monografiya. M.: Yurlitinform, 2020.
4. Omelin V.N., Ivanov A.A. Problemnye voprosy realizacii dokumentirovaniya v ramkah operativno-rozysknoj deyatel'nosti v penitenciarnoj sisteme po st. 210.1 Ugolovnog kodeksa Rossijskoj Federacii «Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoj

иерархии» // Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii: sb. M.: FKU NII FSIN Rossii, 2020. S. 57–61.

5. Hromov I.L., Kalacheva M.S. Izgotovlenie, hranenie, perevozka ili sbyt poddel'nyh deneg ili cennyh bumag: kriminologicheskij analiz, operativno-rozysknoe protivodejstvie: monografiya. M.: Yurisprudenciya, 2025.

6. Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti / R.E. Adamyan [i dr.]: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki «Yurisprudenciya». M., 2021.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 13.02.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 13.02.2026.

Информация об авторах

С.В. Харченко – доктор юридических наук, профессор, проректор (по учебной и научной работе) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96);

С.И. Гирько – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра исследования проблем безопасности РАН (Россия, 119334, г. Москва, ул. Гарибальди, 21Б).

Information about the authors

S.V. Kharchenko – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector (for Academic and Scientific Work) of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96);

S.I. Girko – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences (Russia, 119334, Moscow, Garibaldi str., 21B).

УДК 343

**Конституционно-правовое, уголовно-правовое,
уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное
и иное регулирование: вопросы взаимосвязи (часть 1)**

Андрей Петрович Скиба

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия,
apskiba@mail.ru, SPIN-код: 7422-9870

Аннотация. Дается краткий сравнительный анализ ряда норм Конституции Российской Федерации, а также Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Делается вывод, что конституционный подход о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора, по-иному реализован вышеуказанный конституционный подход в уголовно-исполнительном, уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Аналогичная ситуация выявлена с конституционным правом каждого человека обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты, а также с запретом лишения гражданства России ее гражданина, избрания и быть избранными лицами, содержащимися в местах лишения свободы по приговору суда. Формулируется вывод, что недостатки законодательства требуют продолжения комплексного переосмысления конституционно-правового и отраслевого регулирования различных вопросов, в том числе при исполнении уголовных наказаний.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, обращение в межгосударственные органы, лишение гражданства, обращение в межгосударственные органы, исполнение наказаний, осужденные

Для цитирования: Скиба А.П. Конституционно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное регулирование: вопросы взаимосвязи (часть 1) // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 15–21.

**Constitutional, criminal, criminal-executive, criminal-procedural
and other regulation: issues of interconnection (part 1)**

Andrey P. Skiba

SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, apskiba@mail.ru, SPIN: 7422-9870

Abstract. Provides a brief comparative analysis of a number of provisions of the Constitution of the Russian Federation, as well as the Penal Code of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The article concludes that the constitutional approach, which states that the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation are an integral part of its legal system, and that if an international treaty of the Russian Federation establishes different rules than those provided for by law, then the rules of the international treaty shall apply, is differently implemented in the penal, criminal, and criminal procedure legislation. A similar situation has been identified with regard to the constitutional right of every individual to appeal to interstate bodies for the protection of human rights and freedoms,

if all available domestic legal remedies have been exhausted, as well as with regard to the prohibition of deprivation of Russian citizenship, election, and being elected.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, norms of international law, international treaties of the Russian Federation, appeal to interstate bodies, deprivation of citizenship, appeal to interstate bodies, execution of sentences, convicts

For citation: Skiba A.P. Constitutional, criminal, criminal-executive, criminal-procedural and other regulation: issues of interconnection (part 1) // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 15–21.

Основы уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иных отраслей права традиционно закреплены на конституционном уровне. Более того, в ст. 71 Конституции Российской Федерации¹ прямо предусмотрено, что уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, амнистия и помилование, процессуальное законодательство и т.д. находятся в ведении Российской Федерации (то есть федерального уровня – прим. авт.).

Конституция Российской Федерации содержит достаточно большое количество норм, как напрямую определяющих те или иные положения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства (в данной статье преимущественно будет сделан акцент на этих отраслях – прим. авт.), так и имеющих опосредованное значение в области применения наказаний.

Между тем не всегда конституционно-правовое и отраслевое регулирование надлежаще взаимосвязано, и даже имеют место коллизии законодательства [1, с. 57–61; 2; 3, с. 325–340; 4, с. 69–78; 5, с. 81–85; 6, с. 165–167; 7, с. 67–77] (несмотря на то, что Конституция Российской Федерации обладает высшей юридической силой, прямое действие и применяется на всей территории нашей страны, а законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 15) – прим. авт.).

В этой связи затронем отдельные проблемы взаимосвязи конституционно-правового, уголовно-правового, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного регулирования (акцент будет сделан на положениях нормативных правовых актов Российской Федерации и безотносительно изучения судебной практики, в том числе Конституционного суда Российской Федерации – прим. авт.).

Во-первых, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Положение ч. 2 ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации² (УИК РФ) дублирует данный конституционный стандарт в части приоритета международных договоров перед национальным законодательством; аналогичная ситуация прослеживается в ч. 3 ст. 11 и ч. 2 ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации³ (УК РФ), а также в ч. 3 ст. 1 и ч. 1 ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (УПК РФ).

В то же время содержание рассматриваемого конституционного положения влечет появление, например, таких вопросов: имеют ли «приоритет» нормы

---

¹ Конституция Рос. Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовно-исполнительный кодекс Рос. Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 17 дек. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правового портала «Гарант».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правового портала «Гарант».

международного права перед национальными законами наравне с международными договорами Российской Федерации; вышеуказанное распространяется только на уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное отраслевое национальное законодательство или включает также конституционный уровень (особенно в случае установления прямой коллизии положений конкретного международного документа и Конституции Российской Федерации – прим. авт.); нормы международного права насколько являются (не-)обязательными к исполнению на территории Российской Федерации и т.д.

Рассматриваемые сомнения также исходят из положений некоторых международных документов: Минимальных стандартных правил в отношении обращения с заключенными («Правил Нельсона Манделы»)⁵, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 г., Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинских правил»)⁶, принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 г., и пр. В таких международных документах недвусмысленно предусмотрено, что они реализуются на территории соответствующих стран с учетом их экономических, социальных и иных условий (вероятно, это предполагает условную возможность государств не применять в полном объеме данные международные требования – прим. авт.).

Получается, что ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации выглядит более императивной, нежели положения самих международных документов, что вряд ли логично.

Продолжая критическое восприятие вышеизложенного, заметим, что в большей степени соответствует смыслу международных документов, нежели Конституции Российской Федерации, позиция, предусмотренная в ч. 4 ст. 3 УИК РФ, о том, что рекомендации/декларации международных организаций (не относящиеся к международным договорам, согласно Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»⁷ (далее – ФЗ № 101-ФЗ) – прим. авт.)) относительно исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей. В этом случае фактически российский уголовно-исполнительный закон в ч. 4 ст. 3 закрепляет аналогично международным документам ООН условное право отказа от обязательного исполнения в нашей стране положений международного права, предусмотренных в виде рекомендаций/деклараций международных организаций.

В российском уголовном законе также имеется ряд положений, способствующих формированию альтернативного взгляда на рассматриваемый конституционный подход. В частности, ч. 3 ст. 12 УК РФ гласит о «приоритете» не только международных договоров, но также документов международного характера (без уточнения, что под этим понимается – прим. авт.) при рассмотрении вопроса об уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства. В этом случае в уголовном законодательстве за счет «документов международного характера» (хотя данный термин отсутствует в ФЗ № 101-ФЗ – прим. авт.) возрастает по сравнению с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации перечень международных актов, имеющих безусловное преимущество перед национальными актами.

---

⁵ Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными («Правила Нельсона Манделы») приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 дек. 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁶ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») приняты Генеральной Ассамблеей ООН 40/33 от 10 дек. 1985 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁷ О международных договорах Российской Федерации: Федер. закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Небезынтересна в этом контексте также ч. 3 ст. 1 УПК РФ, согласно которой не допускается применение правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации. Получается, что уголовно-процессуальный закон предусматривает дополнительное условие реализации конституционного положения о приоритете международного договора перед российским законодательством в виде отсутствия противоречия международного положения самой норме российского Основного закона.

Таким образом, очевидно, что отраслевое законодательство в некоторой степени «корректирует» подход, изложенный на конституционном уровне, о безусловном приоритете исключительно международных договоров перед российскими законами.

Во-вторых, в вышеуказанном контексте также вызывает интерес ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации, закрепляющая право каждого лица обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека на основе международных договоров Российской Федерации, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Данная модель определяет, что обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека допускается исключительно после надлежащего взаимодействия лица со всеми соответствующими судебными и иными инстанциями в нашей стране. Рассматриваемый конституционный подход представляется вполне логичным и обоснованным, поскольку ориентирует граждан России на всестороннюю защиту своих прав и свобод в первую очередь через взаимодействие с органами прокуратуры, судебными инстанциями и иными российскими государственными организациями.

В то же время в ч. 4 ст. 12 УИК РФ отсутствует вышеуказанное конституционное требование в виде обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, в результате чего осужденным предоставляется безусловное право обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, в вышестоящие органы управления учреждениями и органами, исполняющими наказание, суд, органы прокуратуры, другие государственные органы, в общественные наблюдательные комиссии, общественные объединения, а также в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Более того, согласно ч. 4 ст. 15 УИК РФ такие предложения, заявления, ходатайства и жалобы осужденных цензуре не подлежат (что, к слову, не позволяет администрации учреждения, исполняющего наказание, всесторонне учитывать соблюдение положения ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации – прим. авт.).

Представляется, что позиция, отраженная в уголовно-исполнительном законе, вряд ли является обоснованной и фактически позволяет осужденным, игнорируя отечественную систему обеспечения прав и свобод человека, сразу обращаться в межгосударственные органы.

В-третьих, в ст. 6 Конституции Российской Федерации, посвященной вопросам гражданства, предусмотрено, что гражданин России не может быть лишен своего гражданства (ч. 3).

Данное положение вполне логично в контексте того, что совершение общественно опасного деяния, запрещенного УК РФ под угрозой наказания, являющегося мерой государственного принуждения, назначаемой по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающейся в лишении или ограничении прав и свобод этого лица в целях восстановления социальной справедливости, его исправления и предупреждения совершения новых преступлений, не должно автоматически влечь лишение его гражданства Российской Федерации. Между тем некоторые преступления, такие как государственная измена, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный

мятеж, диверсия, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, организация экстремистского сообщества и пр., предусмотренные в ст. 275, 279, 281, 282.1 и др. УК РФ, по меньшей мере свидетельствуют о крайне негативном отношении лица, его совершившего, к самому государству и его институтам. Представляется, что совершение подобных преступлений теоретически может рассматриваться как основание для рассмотрения вопроса о лишении гражданства Российской Федерации такого осужденного.

В УИК РФ вопрос о лишении/изменении гражданства осужденного не затрагивается. Аналогичная ситуация имеет место и в УПК РФ в отношении подозреваемого и обвиняемого (к слову, обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным, согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ – прим. авт.).

В то же время согласно ст. 22, 24, 26 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»⁸ (далее – ФЗ № 138-ФЗ) гражданство Российской Федерации прекращается, помимо прочего, при сообщении заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, выразившееся в том числе:

– если гражданин Российской Федерации приобрел гражданство нашей страны на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации и совершил одно из преступлений (осуществил приготовление к преступлению или покушение на преступление), предусмотренных ст. (или их частями) 131, 134, 135, 186, 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207.3, 208, 209, 210, 210.1, 211, 212, 212.1, 222, 222.1, 222.2, 223.1, 226, 226.1, 228, 228.1, 229, 229.1, 230, 239, 243.4, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 280.1, 280.2, 280.3, 281, 281.1, 281.2, 281.3, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 283, 284.1, 284.2, 295, 317, 328, 329, 330.1, 338, 339, 354, 354.1 и 361 УК РФ либо сопряженных с осуществлением террористической или экстремистской деятельности и предусмотренных ст. 318, 360 УК РФ, независимо от времени совершения соответствующего преступления, даты вынесения приговора суда об осуждении лица за совершение соответствующего преступления и даты принятия решения о приеме в гражданство Российской Федерации;

– если гражданин Российской Федерации, приобретший гражданство на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации, совершил действия, создающие угрозу национальной безопасности по заключению органов федеральной службы безопасности.

Положения ФЗ № 138-ФЗ все же предусматривают прекращение гражданства Российской Федерации в случае совершения преступлений и иных правонарушений, несмотря на конституционную норму (в данном случае не затрагивается вопрос о (не-)тождественности понятий «лишение» или «прекращение» – прим. авт.).

Кроме того, положение ч. 4 ст. 23 ФЗ № 138-ФЗ о том, что выход из гражданства Российской Федерации не допускается, если, помимо прочего, лицо привлечено в качестве обвиняемого по уголовному делу либо в отношении его имеется вступивший в законную силу и подлежащий исполнению обвинительный приговор суда (то есть он уже осужденный – прим. автора), заставляет задуматься, почему в указанной норме закона не упомянут подозреваемый, статус которого не идентичен обвиняемому по уголовно-процессуальному законодательству. Не понятно, в данном случае речь идет о неточности положения ФЗ № 138-ФЗ либо все же о потенциальной возможности рассмотрения вопроса о лишении российского гражданства лица, являющегося подозреваемым, основы процессуального статуса которого предусмотрены в ст. 46 УПК РФ?

Таким образом, конституционное положение, закрепляющее, что гражданин России не может быть лишен своего гражданства, возможно, требует своего

⁸ О гражданстве Российской Федерации: Федер. закон от 28 апр. 2023 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

переосмысления ввиду совершения им определенных видов общественно опасных деяний.

В-четвертых, согласно ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации не имеют права избирать и быть избранными граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

При всей логичности данной позиции возникает вопрос о том, какие же конкретно учреждения следует относить к «местам лишения свободы» (в данном случае не обсуждается вопрос о (не-)правильности/корректности использования данного термина в Основном законе страны – прим. авт.). В уголовном законе, на котором традиционно «базируется» уголовно-исполнительное законодательство, данный вопрос не решен, и условно используются как тождественные такие термины: «место лишения свободы» (ст. 18 УК РФ), «исправительное учреждение» (ст. 58 УК РФ) и т.д. Похожая ситуация – в уголовно-исполнительном законе, где, например, в ст. 173 УИК РФ «Установление административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы» одновременно используются понятия «место лишения свободы» (чч. 1, 2, 4 и 5), «место отбывания наказания» (ч. 1) и «исправительное учреждение» (чч. 3, 4 и 5), а также в УПК РФ, когда в ч. 21.1 ст. 42 «Потерпевший» также с одинаковым смыслом используются обозначения в виде «исправительное учреждение», «учреждение, исполняющее наказание в виде лишения свободы», «место отбывания наказания» и «место лишения свободы».

Вне зависимости от применения того или иного термина, в законодательстве также отсутствует унифицированное понимание того, что же относить к соответствующему учреждению (месту), предназначенному для содержания осужденного к лишению свободы. Так, согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму (сразу отмечаем отсутствие здесь, например, лечебно-профилактических учреждений или воспитательных колоний – прим. авт.). Иной подход закреплен в ч. 9 ст. 16 УИК РФ, согласно которой наказание в виде лишения свободы исполняется колонией-поселением, воспитательной колонией, лечебным исправительным учреждением, исправительной колонией общего, строгого или особого режима либо тюрьмой, а также следственным изолятором.

Более общепринятый подход к перечню учреждений (мест), предназначенных для содержания осужденных к лишению свободы, представлен исправительными учреждениями, указанными в ст. 74 УИК РФ: колониями-поселениями, исправительными колониями общего режима, исправительными колониями строгого режима, исправительными колониями особого режима, воспитательными колониями, тюрьмами, лечебными исправительными учреждениями, а также следственными изоляторами, выполняющими функции исправительных учреждений в отношении отдельных категорий осужденных (ч. 1). В то же время в ч. 8 ст. 74 УИК РФ также обозначены лечебно-профилактические учреждения, которые «выполняют функции исправительных учреждений в отношении находящихся в них осужденных» (по всей видимости, их также можно причислять к исправительным учреждениям или местам лишения свободы – прим. авт.).

Однако в ч. 7 ст. 76 УИК РФ также говорится о транзитно-пересыльных пунктах, создаваемых для временного содержания осужденных, следующих к месту отбывания наказания либо перемещаемых из одного места отбывания наказания в другое, при исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Это положение уголовно-исполнительного закона также заставляет задаться вопросом о том, насколько транзитно-пересыльные пункты будут относиться к «местам лишения свободы», которые указаны в ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, представляется, что вышеуказанные и иные подобные недостатки законодательства требуют продолжения комплексного переосмысления

конституционно-правового и отраслевого регулирования различных вопросов, в том числе при исполнении уголовных наказаний.

Список источников

1. Антипов А.Н., Строгович Ю.Н. Предваряя решение конституционного суда // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 2(12). С. 57–61.
2. Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий): монография / под общ. ред. А.А. Крымова; под науч. ред. А.П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.
3. Кудрявцева Е.П. Проблемы правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства // *Российское правосудие*. 2016. № S1. С. 325–340.
4. Кузнецова Н.Ф., Огурцов Н.А. О соотношении международного и внутреннего уголовного права // *Законодательство*. 2007. № 5. С. 69–78.
5. Скиба А.П. Положения международных документов и российское законодательство: некоторые проблемы взаимосвязи конституционно-правового, уголовно-исполнительного и иного регулирования // *Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. в 2 ч.* СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2025. Ч. 1. С. 81–85.
6. Содиков Ш.Д. Проблемы несоблюдения равноправия участников уголовного процесса // *Образование и право*. 2018. № 12. С. 165–167.
7. Феоктистов М.В. Международно-правовые основы уголовного законодательства Российской Федерации // *Лоббирование в законодательстве*. 2024. Т. 3. № 2. С. 67–77.

References

1. Antipov A.N., Strogovich Yu.N. Predvaryaya reshenie konstitucionnogo suda // *Ius Publicum et Privatum*. 2021. № 2(12). S. 57–61.
2. Kollizii zakonodatel'stva Rossii i ryada stran (kratkij nauchnyj kommentarij): monografiya / pod obshch. red. A.A. Krymova; pod nauch. red. A.P. Skiby. 3-e izd., ispr. i dop. M.: YUNITI-DANA, 2018.
3. Kudryavceva E.P. Problemy pravoprimeritel'noj deyatel'nosti v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva // *Rossijskoe pravosudie*. 2016. № S1. S. 325–340.
4. Kuznecova N.F., Ogurcov N.A. O sootnoshenii mezhdunarodnogo i vnutrennego ugovolnogo prava // *Zakonodatel'stvo*. 2007. № 5. S. 69–78.
5. Skiba A.P. Polozheniya mezhdunarodnyh dokumentov i rossijskoe zakonodatel'stvo: nekotorye problemy vzaimosvyazi konstitucionno-pravovogo, ugovolno-ispolnitel'nogo i inogo regulirovaniya // *Aktual'nye problemy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. v 2 ch.* SPb.: Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta, 2025. Ch. 1. S. 81–85.
6. Sodikov Sh.D. Problemy nesoblyudeniya ravnopraviya uchastnikov ugovolnogo processa // *Obrazovanie i pravo*. 2018. № 12. S. 165–167.
7. Feoktistov M.V. Mezhdunarodno-pravovye osnovy ugovolnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii // *Lobbirovanie v zakonodatel'stve*. 2024. T. 3. № 2. S. 67–77.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Информация об авторе

А.П. Скиба – доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96).

Information about the author

A.P. Skiba – Doctor of Law, Professor, dean of the Faculty of Scientific and Pedagogical Staff Training and Organization of Research work of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96).

УДК 343.13

Процессуальный статус лиц – участников проверки сообщения о преступлении: проблемы реализации и пути их решения

Павел Андреевич Тимченко

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, kakapa@mail, SPIN-код: 5714-4407

Аннотация. Затрагиваются значимые проблемы, касающиеся установления процессуального положения лиц, участвующих в проверке сообщений о преступлениях на стадии возбуждения уголовного дела, в связи с чем автором проводится комплексный анализ доктринальных подходов, норм действующего законодательства и правоприменительной практики, на основании которых делается вывод о том, что отсутствие четкого нормативного закрепления процессуального статуса участников доследственной проверки сообщения о преступлении приводит к правовой неопределенности их прав и обязанностей.

Ключевые слова: рассмотрение сообщения о преступлении, предварительная (доследственная) проверка, возбуждение уголовного дела, доказательственная база, процессуальное положение лиц в уголовном судопроизводстве, принятие решения о начале уголовного преследования, право на оказание квалифицированной юридической помощи

Для цитирования: Тимченко П.А. Процессуальный статус лиц – участников проверки сообщения о преступлении: проблемы реализации и пути их решения // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 22–32.

The procedural status of persons participating in the verification of a crime report: implementation issues and solutions

Pavel A. Timchenko

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, kakapa@mail.ru, SPIN: 5714-4407

Abstract. Significant issues related to the establishment of the procedural status of persons involved in the verification of reports of crimes at the stage of initiation of criminal proceedings are touched upon, in connection with which the author conducts a comprehensive analysis of doctrinal approaches, norms of current legislation and law enforcement practice, on the basis of which it is concluded that the lack of a clear normative consolidation of the procedural status of participants in the pre-investigation verification of reports on the crime leads to legal uncertainty of their rights and obligations.

Keywords: consideration of a crime report, preliminary (pre-investigation) verification, initiation of a criminal case, evidence base, procedural status of persons in criminal proceedings, decision-making on the initiation of criminal prosecution, the right to qualified legal assistance

For citation: Timchenko P.A. The procedural status of persons participating in the verification of a crime report: implementation issues and solutions // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 22–32.

В условиях современных реалий правоприменительной практики этап проверки информации, поступившей в государственно-властный орган о совершенном или готовящемся преступлении (проверка сообщения о преступлении), все чаще воспринимается как самостоятельное структурированное расследование.

Тем самым, несмотря на то что общая теория уголовно-процессуального права рассматривает стадию возбуждения уголовного дела, прежде всего, как этап установления поводов и основания для возбуждения уголовного дела и начала деятельности по осуществлению уголовного преследования, однако фактически деятельность уполномоченных должностных лиц органов предварительного расследования и дознания начинается с момента поступления сообщения о преступлении и до принятия по результатам его разрешения законного, обоснованного процессуального решения сопровождается осуществлением следственных и иных процессуальных действий.

По своему содержанию и направленности данная стадия уголовного судопроизводства во многом приближается к расследованию, что позволяет рассматривать этап процессуальной проверки сообщения о преступлении как особую, самостоятельную форму предварительного расследования обстоятельств противоправного деяния. Характерным признаком, выделяющим этот этап, является ограниченность у правоприменителей инструментария и мер государственного принуждения, которые могут быть осуществлены в отношении граждан и организаций.

Между тем выделение данного этапа расследования обуславливается своего рода «фильтром» деяний, схожих по своим признакам с преступлениями, однако не несущих в себе как таковой общественной опасности, либо не запрещенными нормами уголовного закона. Этот этап также играет ключевую роль в обеспечении законности и обоснованности всей последующей уголовно-процессуальной деятельности, включая проведение следственных и иных процессуальных действий в целях собирания доказательств и установления иных обстоятельств совершенного преступления.

При этом, несмотря на значимость проверки сообщения о преступлении как в процессе практического применения, так и для анализа перспектив модернизации уголовно-процессуального законодательства, рассматриваемый правовой механизм обнаруживает совокупность неурегулированных положений, наличие которых негативно сказывается на соблюдении требований законности в ходе расследования уголовных дел.

Особое место среди существующих проблем занимают вопросы, во-первых, придания доказательственного значения результатам проведения экспертизы и иных следственных и процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела, во-вторых, определения правового положения лиц, вовлекаемых в процесс проверки сообщений о преступлениях, что на протяжении значительного времени составляет предмет оживленных дискуссий как среди представителей юридической науки, так и должностных лиц правоохранительных органов в их практической деятельности.

На эти проблемы в своих работах неоднократно указывал и Б.Я. Гаврилов, обращая внимание при этом на то, что, например, правовые последствия использования результатов судебных экспертиз, проведенных в ходе процессуальной (доследственной) проверки с точки зрения их доказательственного значения по уголовному делу. Данное обстоятельство объясняется тем, что в правоприменительной деятельности прокуратуры и судьи в большинстве случаев сохраняют ориентацию на назначение и проведение судебной экспертизы именно на стадии предварительного расследования. Если же экспертное заключение получено еще в ходе проверки сообщения о преступлении, следователь либо дознаватель с учетом положений ч. 1.2 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (УПК РФ) должен учитывать возможность обращения стороны защиты или потерпевшей стороны с ходатайством о проведении дополнительной либо повторной судебной экспертизы после возбуждения уголовного дела, что влечет за собой обязанность удовлетворения такого ходатайства [1].

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г. с изм. и доп., вступ. в силу с 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Раскрывающие основополагающие положения правового статуса лиц, привлекаемых к участию в проверке сообщения о преступлении, содержатся в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Указанная норма предусматривает обязанность уполномоченных должностных лиц разъяснить участникам процессуальных действий, проводимых на данном этапе, их права и обязанности, установленные уголовно-процессуальным законодательством, а также обеспечить возможность реализации этих прав в пределах, обусловленных спецификой совершаемых процессуальных действий и принимаемых решений, затрагивающих права и законные интересы данных лиц.

При этом, наделяя лиц – участников проверки сообщения о преступлении общими правами, УПК РФ не регламентирует особенности реализации отдельных процессуальных возможностей органа расследования, в связи с чем возникает конфликт двух уголовно-процессуальных норм.

Так, нормы ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ при буквальном толковании предполагают возможность ознакомления заинтересованного лица (пострадавшего от совершенного преступления и заподозренного в его совершении) с постановлением о назначении судебной экспертизы и с заключением эксперта, однако как общие нормы УПК РФ, так и положения ст. 198 УПК РФ предполагают возможность ознакомления этих лиц лишь после возбужденного уголовного дела. В этой связи автором делается вывод о том, что действующий УПК РФ не регламентирует механизм реализации права указанных лиц – участников уголовного процесса на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и соответственно с его заключением, проведенного в стадии возбуждения уголовного дела.

По мнению автора, значительное количество дискуссионных вопросов, касающихся круга участников уголовного судопроизводства, возникает вследствие эволюции нормативного регулирования отдельных его стадий в связи с принятием УПК РФ 2001 г. В первоначальной его редакции предусматривалась возможность назначения судебной экспертизы, проведения освидетельствования и осмотра трупа уже на этапе возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ).

Указанные обстоятельства предопределили необходимость включения эксперта в круг участников рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, повлекло за собой потребность в нормативном оформлении его процессуального положения, в определении пределов и содержания предоставляемых ему процессуальных полномочий, а также было призвано предоставить правоохранительным органам возможность использования специальных знаний уже на начальном этапе реагирования на сообщение о преступлении и соответственно обеспечить законность и обоснованность принимаемых следователем, дознавателем, органом дознания процессуальных решений по результатам рассмотрения сообщения о преступлении.

Однако отсутствие в ст. 195 УПК РФ (Порядок назначения судебной экспертизы) и ст. 179 УПК РФ (Освидетельствование) указания о возможности их проведения до возбуждения уголовного дела повлекло за собой исключение с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ² из ч. 4 ст. 146 УПК РФ норм, допускающих проведение освидетельствования и назначение судебной экспертизы до вынесения решения о возбуждении уголовного дела. Тем самым законодатель существенно сузил возможности применения специальных знаний в ходе проведения доследственной проверки, фактически пересмотрев ранее сложившийся подход к допустимым процессуальным средствам доказывания на этапе проверки сообщения о преступлении.

---

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (в ред. от 22 дек. 2014 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830.

Вместе с тем последующими изменениями, внесенными УПК РФ Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ³, вновь была предусмотрена возможность проведения освидетельствования и осмотра трупа на стадии возбуждения уголовного дела, чем реализованы предложения практических работников.

Распространение законодателя на стадию возбуждения уголовного дела процессуальных правил производства следственных и иных процессуальных действий непосредственно затрагивает реализацию конституционных прав и свобод личности. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство, несмотря на внесенные в него за годы действия УПК РФ изменения более, чем 350 федеральными законами и научно-прикладной интерес к данной проблематике, по-прежнему не содержит достаточных и эффективных механизмов их защиты.

В этой связи заслуживает внимания позиция О.В. Гладышевой [2], справедливо отмечающей, что любые лица, так или иначе вовлекаемые в деятельность по проверке информации о совершенных либо подготавливаемых преступлениях с использованием инструментов как уголовно-процессуального, так и оперативно-розыскного характера, не могут оставаться вне сферы правовой защиты. Аналогичную позицию занимает и Т.Р. Устов [3], по мнению которого такие лица должны быть обеспечены комплексом гарантий соблюдения их прав и свобод, включая реальную возможность защиты своих интересов, а также право на обжалование решений и действий должностных лиц, принимаемых в ходе соответствующей проверки. На это в своих работах указывает и Ф.Н. Багаутдинов, выделяя в качестве одного из самостоятельных направлений исследования анализ процессуального статуса заявителя [4].

В русле современных научных подходов к определению круга участников стадии возбуждения уголовного дела все более обоснованной представляется и необходимость разрешения вопроса о реализации положений Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴, поскольку именно в рамках его регулирования на этапе рассмотрения заявлений, сообщений о преступлении нередко осуществляется фактическая проверка поступивших сведений о преступлении.

Подобный подход позволяет рассматривать стадию возбуждения уголовного дела не только как формально-процессуальный этап, но и как сферу, в которой уже возникают отношения, требующие полноценного правового регулирования прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [5]. При этом процессуальный статус таких лиц обуславливается характером и формой их участия в проверочных мероприятиях. По своему содержанию он должен соотноситься с правовым положением участников уголовного судопроизводства и основываться на конституционных нормах, а также на принципах уголовного процесса, закрепленных в ст. 6–19 УПК РФ.

В рамках научного дискурса последовательно отстаивает данную точку зрения Б.Я. Гаврилов. В своих работах он обращает внимание на то, что при определении объема процессуальных прав и обязанностей лица, привлекаемого к совершению процессуальных действий на стадии проверки сообщения о преступлении, недопустим формальный подход. Исходным ориентиром, по мнению ученого, должно служить восприятие такого лица именно как субъекта уголовного судопроизводства, а не как вспомогательного или временного участника процессуальной деятельности [6].

При этом наделение лица соответствующим процессуальным статусом возлагается на уполномоченное должностное лицо органа предварительного расследования либо органа дознания. Указанное решение, как подчеркивает автор,

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 2 дек. 2008 г. № 226-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 49. Ст. 5724.

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 1 апр. 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

должно приниматься с учетом не абстрактных нормативных конструкций, а реального участия конкретного лица в уголовно-процессуальных отношениях. Существенное значение при этом имеют фактическая роль данного лица в процессе, характер выполняемых им действий, а также степень и интенсивность его вовлеченности в осуществление процессуальной деятельности. Такой подход позволяет обеспечить соразмерность предоставляемых процессуальных прав и возлагаемых обязанностей реальному содержанию участия лица в уголовном судопроизводстве [7].

Таким образом, наметившаяся тенденция к расширению круга участников уголовно-процессуальной деятельности обусловлена, прежде всего, стремлением обеспечить более высокий уровень гарантий защиты прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства уже на первоначальном этапе расследования уголовного дела. Тем самым увеличение числа субъектов, наделенных определенным процессуальным статусом, позволяет снизить риск произвольного ограничения прав личности на ранних этапах уголовного процесса, а также способствует формированию дополнительных механизмов их реализации и защиты.

В условиях активного использования на этапе проверки сообщения о преступлении процессуальных средств такое расширение приобретает особое значение, поскольку затрагивает интересы лиц, формально еще не обладающих статусом участников уголовного судопроизводства, но фактически вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. В этой связи законодательная регламентация их правового положения рассматривается как необходимое условие обеспечения принципов законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, а также справедливости уголовного судопроизводства в целом.

Развивая обозначенный научный подход, А.В. Капранов предлагает существенно расширить традиционные представления о составе субъектов стадии возбуждения уголовного дела. По его мнению, ограничение данного круга лишь «классическими» участниками уголовного судопроизводства (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и др.) не отражает реального характера процессуальных отношений, складывающихся на этапе проверки сообщения о преступлении, поэтому обосновывает необходимость включения в число субъектов данной стадии всех лиц, которые фактически вовлечены в осуществление проверочных мероприятий и своими действиями или сведениями оказывают влияние на принятие следователем, дознавателем, органом дознания процессуального решения по результатам процессуальной проверки сообщения о преступлении [8].

Конкретизируя свою позицию, данный автор указывает, что к таким субъектам следует относить не только заявителя, понятого, переводчика, эксперта и специалиста, но и пострадавшего от совершенного преступления, а также лицо, в отношении которого решается вопрос о начале уголовного преследования. Помимо этого, в сферу участников рассматриваемой стадии, по мнению А.В. Капранова, должны включаться граждане, добровольно сообщившие сведения о совершенном преступлении, представители потерпевшего, очевидцы произошедших событий, а равно лица, осуществившие задержание предполагаемого правонарушителя непосредственно на месте происшествия либо при задержании с поличным [8]. Такой расширительный подход позволяет более адекватно отразить многообразие процессуальных связей, возникающих на первоначальном этапе уголовного судопроизводства, и создать предпосылки для обеспечения правовых гарантий всех фактически вовлеченных в уголовный процесс лиц.

Проблема процессуальной регламентации статуса участников уголовного судопроизводства особенно актуальна, как справедливо отмечают А.В. Демченко и А.В. Васечкина, для лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, в том числе и по причине различного толкования в практике органов предварительного расследования и судебных инстанций статус данного фактического участника уголовного судопроизводства [9].

Поскольку круг субъектов, участвующих в проверке сообщения о преступлении, и их правовой статус остается недостаточно регламентированным, то на основании комплексного анализа норм раздела II УПК РФ, определяющего круг участников уголовного судопроизводства, а также положений ст. 144 УПК РФ, регулирующих порядок проверки сообщения о преступлении, представляется возможным осуществить классификацию субъектов, непосредственно задействованных по отдельным категориям.

К первой группе относятся представители государственных органов, наделенные властными полномочиями и обеспечивающие осуществление расследования и правосудия. Данная категория является наиболее многочисленной по своему составу и включает, прежде всего, должностных лиц, уполномоченных на принятие процессуальных решений и проведение соответствующих процессуальных действий. В их число входят: следователь и руководитель следственного органа; дознаватель и начальник подразделения дознания; иные, кроме дознавателя, должностные лица органа дознания, включая сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; начальник органа дознания; прокурор; суд.

Вместе с тем требует правового разрешения вопрос относительно лица, которое, предположительно, будет выступать со стороны обвинения в качестве потерпевшего. Поскольку соблюдение его прав и законных интересов уже на этапе проверки сообщения о преступлении имеет существенное значение для всего уголовного процесса в целом, что позволяет отнести данное лицо к первой группе участников, поскольку от включения его в процессуальную деятельность совместно с перечисленными выше должностными лицами позволяет обеспечить достижение положительного результата расследования по уголовному делу.

В научной литературе достаточно распространенной является позиция, согласно которой к числу участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела следует относить и юридическое лицо. Данный подход обосновывается по аналогии с положениями ст. 42 УПК РФ, закрепляющей возможность признания юридического лица потерпевшим. Подобная точка зрения находит отражение, в частности, в трудах В.Б. Шабанова [10], К.З. Во [11] и ряда других авторов, которые указывают на фактическое вовлечение юридических лиц в процессуальную деятельность уже на первоначальных стадиях уголовного судопроизводства и, как следствие, на необходимость учета их прав и законных интересов.

Среди участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела научным сообществом «заявитель» определяется как достаточно сложная в процессуальном плане в рамках уголовного дела. Его статус после возбуждения уголовного дела может изменяться как на потерпевшего, так и на свидетеля, а в некоторых случаях и на обвиняемого (подозреваемого) [12].

Касаемо вопроса статуса подозреваемого следует учитывать позицию Конституционного Суда Российской Федерации, отраженную в п. 4 постановления в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова⁵, с которым прямо указывает на то, что момент начала осуществления уголовного преследования в законодательстве не отражен, как следствие и процессуальный статус лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, законодателем в УПК РФ не регламентирован. При этом согласно вышеуказанному постановлению Конституционного Суда Российской Федерации уголовное преследование начинается, прежде всего, с момента производства одного из процессуальных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ либо следственных действий, направленных

---

⁵ По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2019 г. № 23-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 25. Ст. 3315.

на изблечение лица в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым.

Переходя к исследованию положений действующего уголовно-процессуального законодательства, следует указать, что закон закрепляет определенный минимум процессуальных прав, предоставляемых участникам следственных действий вне зависимости от того, какое место они занимают в системе уголовного судопроизводства и какова их функциональная роль в конкретном уголовном деле. Наличие такого общего правового ядра свидетельствует о том, что законодатель исходит из принципа равной необходимости обеспечения базовых гарантий для всех лиц, вовлеченных в процессуальную деятельность.

Вместе с тем нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие объем процессуальных прав и обязанностей лиц, участвующих в следственных действиях, характеризуются наличием определенных внутренних противоречий и недостаточной системной согласованностью.

Так, согласно ч. 5 ст. 164 УПК РФ на следователя возлагается обязанность разъяснять процессуальные права и обязанности участникам производства следственных и иных процессуальных действий, перечисленным в гл. 6–8 УПК РФ (участники со стороны обвинения, защиты и иные участники). Вместе с тем специальные нормы, регламентирующие проведение конкретных следственных действий, допускают привлечение иных лиц, процессуальное положение которых прямо не охватывается указанными главами, что объективно обуславливает необходимость разъяснения им соответствующих прав и обязанностей.

В развитие проведенного исследования и сформулированных теоретических выводов автор считает необходимым обозначить ряд предложений, направленных на устранение изложенных выше недостатков уголовно-процессуального регулирования положения участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела, исходя из того, что:

– несмотря на то, что правовой статус участников уголовного судопроизводства до момента возбуждения уголовного дела и после принятия соответствующего процессуального решения формально существенно различается, фактическое содержание их участия в проверочных мероприятиях свидетельствует о наличии у них признаков полноценных субъектов уголовного процесса;

– ограниченный («усеченный») характер процессуального положения участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела не отражает реальной степени вовлеченности в уголовный процесс таких лиц и выполняемых ими функций. В этой связи представляется целесообразным пересмотреть подход к разграничению процессуального статуса, закрепив его возникновение с момента начала проверки сообщения о преступлении и дополнив действующее законодательство условиями приобретения соответствующего статуса, обеспечивающими адекватный объем процессуальных прав и гарантий уже на первоначальном этапе уголовного судопроизводства;

– разъяснение прав всех участников следственных действий обусловлено, прежде всего, широким спектром лиц, вовлекаемых в производство проверки сообщения о преступлении. Важно обеспечить не только разъяснение прав и обязанностей для тех, кто непосредственно указан в уголовно-процессуальном законе, но и для иных субъектов, чье участие не всегда регламентируется специальными нормами. Например, если к следственному действию привлекаются другие лица, такие как специалисты или лица, сопровождающие процесс с точки зрения специальных познаний, то необходимо предусмотреть в законодательстве процедуру разъяснения им соответствующих правовых норм;

– следует уделить внимание процессуальному статусу заявителей на стадии возбуждения уголовного дела, так как этот статус является по существу не регламентированным. Необходимо прописать точные требования и процедуру уведомления заявителя о его правах и обязанностях с отражением их в УПК РФ,

а также обеспечить возможность обжалование действий правоохранительных органов на этой стадии;

– юридические лица как участники уголовного процесса также заслуживают четкого определения их правового статуса и выделения своих прав и обязанностей, особенно когда их имущество или репутация затрагиваются следственными действиями на этапе проверки сообщения о преступлении, и в этой связи установить для них в законе процессуальные гарантии.

Эти предложения направлены на устранение существующих пробелов и противоречий в законодательстве и создание более комплексного подхода к регулированию прав участников следственных действий.

Таким образом, дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства должно быть направлено на устранение существующих пробелов в регулировании статуса участников стадии возбуждения уголовного дела, что позволит повысить эффективность правоприменительной практики и гарантировать соблюдение прав и свобод граждан.

В качестве обобщающего вывода представляется обоснованным утверждение о необходимости дальнейшего развития и системного совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части уточнения и расширения содержания прав и законных интересов лиц, фактически вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность на стадии возбуждения уголовного дела. Современная правоприменительная практика свидетельствует о том, что именно на данном этапе формируются предпосылки для последующего уголовного преследования, а принимаемые решения способны оказывать существенное влияние на правовое положение участников процесса.

В этой связи особого внимания требует нормативное закрепление процессуальных гарантий для заявителя, лица, прямо или косвенно обозначенного в сообщении о преступлении, а также лица, в отношении которого осуществляется проверка поступивших сведений. Указанные субъекты, не обладая в большинстве случаев четко определенным процессуальным статусом, оказываются в ситуации повышенной уязвимости, поскольку фактически участвуют в уголовно-процессуальных отношениях, не располагая достаточными правовыми механизмами защиты своих интересов. Устранение данного дисбаланса посредством законодательного уточнения их процессуального положения и объема предоставляемых гарантий представляется необходимым условием обеспечения справедливости и законности на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Наряду с этим представляется обоснованным распространение соответствующих гарантий и на иных участников, фактически вовлеченных в проверочные и процессуальные мероприятия на данной стадии, включая лиц, ранее охарактеризованных в рамках проведенного анализа. Закрепление их правового положения на законодательном уровне позволило бы обеспечить большую определенность в вопросах объема предоставляемых прав и обязанностей, создать дополнительные механизмы их реализации и защиты, а также повысить уровень законности принимаемых процессуальных решений. В конечном итоге внесение таких изменений будет способствовать укреплению принципов справедливости, уважения прав и свобод человека и гражданина, а также повышению эффективности уголовного судопроизводства в целом, особенно на его первоначальном, наиболее уязвимом для прав личности этапе.

Список источников

1. Гаврилов Б.Я. К вопросу о доказательственном значении результатов использования специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела: противостояние законодателя и правоприменителя // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, практика, опыт: сб. науч. трудов Всерос. форума / сост. И.В. Тишутина. М.: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. С. 38–42.
2. Гладышева О.В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2012. 188 с.
3. Устов Т.Р. Обеспечение прав участников следственных и иных процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 32 с.
4. Багаутдинов Ф. Процессуальное положение заявителя // Законность. 2003. № 1. С. 29–30.
5. Верещагина А. Субъекты стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2008. № 6. С. 35–39.
6. Гаврилов Б.Я. О некоторых проблемах использования специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3(3). С. 8–14.
7. Гаврилов Б.Я. О позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу использования специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2023. Ч. 1. С. 90–96.
8. Капранов А.В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. 26 с.
9. Демченко А.В., Васечкина А.В. Проблемы реализации юридической помощи на этапе проверки сообщения о преступлении // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. статей по материалам 74-й науч.-практ. конф. студентов по итогам НИР за 2018 г. / отв. за вып. А.Г. Коцаев. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. С. 1143–1145.
10. Шабанов В.Б., Буданова Л.Ю. Актуальные вопросы деятельности отдельных субъектов на стадии возбуждения уголовного дела // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 60–66.
11. Во К.З. Обеспечение прав и законных интересов юридических лиц, заявивших о преступлении, на стадии возбуждения уголовного дела: сравнительно-правовой анализ УПК России и УПК Вьетнама // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 153–157.
12. Зарицкий О.П. Актуальные проблемы порядка рассмотрения сообщения о преступлении // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2. № 6(18). С. 107–114.
13. Самсонов П.А. Дистанционное участие в досудебном уголовном производстве: правовое регулирование и правоприменение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 34 с.

References

1. Gavrilov B.Ya. K voprosu o dokazatel'stvennom znachenii rezul'tatov ispol'zovaniya special'nyh znanij v stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela: protivostoyanie zakonodatel'ya i pravoprimeritelya // *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza: nauka, praktika, opyt: sb. nauch. trudov Vseros. foruma / sost. I.V. Tishutina. M.: Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii im. V.Ya. Kikoty, 2021. S. 38–42.*
2. Gladysheva O.V. *Teoreticheskie osnovy obespecheniya zakonnyh interesov lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve. M.: Yurlitinform, 2012. 188 s.*
3. Ustov T.R. *Obespechenie prav uchastnikov sledstvennyh i inyh processual'nyh dejstvij pri proverke soobshcheniya o prestuplenii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2016. 32 s.*
4. Bagautdinov F. *Processual'noe polozhenie zayavitelya // Zakonnost'. 2003. № 1. S. 29–30.*
5. Vereshchagina A. *Sub"ekty stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela // Ugolovnoe pravo. 2008. № 6. S. 35–39.*
6. Gavrilov B.Ya. *O nekotoryh problemah ispol'zovaniya special'nyh znanij v stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2014. № 3(3). S. 8–14.*
7. Gavrilov B.Ya. *O pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii po voprosu ispol'zovaniya special'nyh znanij v stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela // Sovremennoe ugovno-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. k 30-letiyu prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii. Orel: Orlovskij juridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii imeni V.V. Luk'yanova, 2023. Ch. 1. S. 90–96.*
8. Kapranov A.V. *Optimizaciya stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D., 2005. 26 s.*
9. Demchenko A.V., Vasechkina A.V. *Problemy realizacii juridicheskoy pomoshchi na etape proverki soobshcheniya o prestuplenii // Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa: sb. statej po materialam 74-j nauch.-prakt. konf. studentov po itogam NIR za 2018 g. / otv. za vyp. A.G. Koshchaev. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet imeni I.T. Trubilina, 2019. S. 1143–1145.*
10. Shabanov V.B., Budanova L.Yu. *Aktual'nye voprosy deyatel'nosti otdel'nyh sub"ektov na stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i juridicheskie nauki. 2022. № 1. S. 60–66.*
11. Vo K.Z. *Obespechenie prav i zakonnyh interesov juridicheskikh lic, zayavivshih o prestuplenii, na stadii vozbuzhdeniya ugovnogo dela: sravnitel'no-pravovoj analiz UPK Rossii i UPK V'etnama // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 2. S. 153–157.*
12. Zarickij O.P. *Aktual'nye problemy poryadka rassmotreniya soobshcheniya o prestuplenii // Teoriya prava i mezhdunarstvennyh otnoshenij. 2021. T. 2. № 6(18). S. 107–114.*
13. Samsonov P.A. *Distancionnoe uchastie v dosudebnom ugovnom proizvodstve: pravovoe regulirovanie i pravoprimerenie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2024. 34 s.*

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 20.02.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 20.02.2026.

Информация об авторе

П.А. Тимченко – старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России (Россия, 400075, г. Волгоград, ул. Историческая, 130).

Information about the author

P.A. Timchenko – senior lecturer at the Department of Criminal Procedure of the educational and scientific complex on preliminary investigation in the internal Affairs bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, 400075, Volgograd, Historichesky str., 130).

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 343.28/.29

О направлениях и эффективных мерах противодействия наркопотреблению молодежи

Лариса Владимировна Готчина

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия,
lgotchina@yandex.ru, SPIN-код: 7153-5089

Аннотация. В статье констатируется, что существенный объем в молодежно-подростковой преступности занимает наркопреступность, приведены некоторые статистические показатели ее структуры. Под сомнение поставлена позиция Верховного Суда Российской Федерации о правовой оценке пересылки и ее отграничении от незаконного приобретения психоактивных веществ, высказана авторская позиция. Выделены наиболее эффективные направления воздействия на молодежь снижения наркопотребления (борьба, осуществляемая оперативно-розыскными средствами и направленная на уменьшение спроса и предложения наркотиков; реанимирование общей профилактики; усиление индивидуальной антинаркотической и виктимологической профилактики; профилактрование групп риска) и сфера воздействия (семья, досуг и коммуникации (прежде всего, интернет-пространство) и образование).

Ключевые слова: наркотики, молодежь, пересылка, сбыт, потребление, профилактика, борьба, семья, группы риска

Для цитирования: Готчина Л.В. О направлениях и эффективных мерах противодействия наркопотреблению молодежи // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 33–38.

About directions and effective measures countering drug use by young people

Larisa V. Gotchina

SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, lgotchina@yandex.ru, SPIN: 7153-5089

Abstract. In the article states that drug crime occupies a significant amount in the structure of youth and adolescent crime, and provides some statistical indicators of its structure. The position of the Supreme Court of the Russian Federation on the legal assessment of the transfer and its separation from the illegal acquisition of psychoactive substances is questioned, and the author's position is expressed. The most effective ways of influencing young people in order to reduce their drug use and the sphere of influence are highlighted. Direction: the fight carried out by operational search means and aimed at reducing the supply and demand of drugs; resuscitation of general prevention; strengthening individual anti-drug and victimological prevention; prevention of risk groups.

The main areas of influence in order to reduce drug use by young people are: the family, leisure and communications (primarily the Internet space) and education.

Keywords: drugs, youth, transfer, sale, consumption, prevention, struggle, family, risk groups

For citation: Gotchina L.V. About directions and effective measures countering drug use by young people // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 33–38.

Существенный объем в структуре молодежно-подростковой преступности занимает наркопреступность. Несовершеннолетние и молодежь, совершая преступления, приобщаются к немедицинскому потреблению наркотиков (незаконный оборот наркотиков – незаконное потребление, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов), часть участников наркооборота в последствии становится наркозависимой.

Так, в 2024 г. осуждено по основной и дополнительной квалификации за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, 69 921 чел., из них: лица в возрасте 18–29 лет – 34 % (23 590 чел.); в возрасте 40 лет и старше – 26,6 %; в возрасте 30–34 лет – 19 % и в возрасте 35–39 лет – 18,8 % и 2 % несовершеннолетних (1 281 чел.).

В целом о состоянии наркопреступности в России можно судить проанализировав показатели статистики. В 2023 г. они выросли на 7,5 %, в том числе совершено тяжких и особо тяжких на 11 % больше, в 2024 г. прирост составил +3,7 % и +6 % соответственно. В 2023 г. на 13,8 % увеличилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, либо сбыт, в 2024 г. +7 %.

В 2023–2024 гг. почти каждое восьмое преступление совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 81,5 тыс. (+31 %) в 2023 г. и 94,6 тыс. (+16,1 %) в 2024 г.

В 2024 г. выявлено и пресечено на 51,4 % больше преступлений, связанных с пересылкой наркотиков, на 37,5 % больше – с их контрабандой, на 11,1 % больше – с производством и на 7 % больше – со сбытом.

Показатель существенного прироста числа преступлений, связанных с пересылкой наркотиков, в ушедшем году сопряжен с правоприменением нормы, предусмотренной ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ). В Обзоре судебной практики от 26 июня 2024 г.² приведен пример Кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 83-УД22-16-К1³, разъясняющий, что «по смыслу закона действия лица, выразившиеся в получении почтового отправления с психотропным веществом, являются частью его пересылки». То есть рекомендации Президиума Верховного Суда Российской Федерации, ориентирующие правоприменителя, направлены на утяжеление ответственности, последняя существенно отличается по ст. 228 и 228.1 УК РФ.

При этом п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 разъясняет, что «под незаконной пересылкой следует понимать действия лица, направленные на перемещение наркотиков, когда эти действия по перемещению осуществляются без непосредственного участия

---

¹ Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 83-УД22-16-К1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

отправителя»⁴, а незаконное приобретение без цели сбыта психоактивных веществ – это «их получение любым способом, в том числе...»⁵.

Обратим внимание, что деяние в виде пересылки неслучайно помещено в диспозицию нормы, предусмотренной ст. 228.1 УК РФ, пересылка является частным случаем сбыта, осуществляемым бесконтактным способом. Поэтому фактически получатель почтового отправления осуществляет незаконное приобретение. Такая квалификация видится автору более правильной.

Между тем за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку предметов преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, осуждено в 2023 г. – 50 194 чел., в 2024 г. – 50 802 чел. (условное осуждение – 19 107 и 17 572 чел. соответственно по годам). Санкция данной нормы предусматривает ответственность за деяния, совершенные «как бы для себя» – в терминологии обывателя. В практике действительно это преступление совершается преобладающе лицами-потребителями наркотиков, поэтому снижение наркопотребления молодежью – это первостепенная цель общества. Реализуя ее, выделим сферы и наиболее эффективные направления воздействия:

1. Борьба в рамках оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями правоохранительных органов, направленная на уменьшение спроса и предложения наркотиков, осуществляется при выявлении, пресечении, раскрытии преступлений и оперативно-розыскной профилактике оперативно-розыскными средствами.

2. Общая профилактика. Чаще всего основной проблемой наркопреступности указывают социальное неблагополучие, однако не только в ней дело. «Практически треть несовершеннолетних, нарушивших уголовный закон, воспитывалась в благополучных семьях, они никогда не состояли на профилактическом учете и совершили общественно опасное деяние впервые» [1]. В большинстве случаев наркопотребление – это результат влияния группы (друзей, одноклассников, коллег), наркопотребление преобладающе осуществляется в группе на этапе приобщения к психоактивным веществам. Поэтому важен контроль за сферой досуга.

Одним из его видов является интернет-пространство, широко распространяющее наркотическую идеологию, приобщая и к потреблению, и к наркообороту новых лиц. Бесконтактность общения (обезличенность), вербовки, передачи психоактивных веществ показала свою криминальную эффективность. Вовлечение в преступную деятельность путем финансирования населения через информационные технологии (сеть Интернет) сегодня масштабно и требует неотложных мер пресечения в виде блокирования сайтов, установления лиц, причастных к такой преступной деятельности, привлечения их к ответственности. Это зачастую становится невозможным из-за нахождения виновных лиц и осуществления их деятельности с территории других государств. О возникающих сложностях при установлении всех участников преступной деятельности с учетом распространенного в настоящее время способа совершения преступления, а именно – бесконтактным способом с использованием сети Интернет подробно пишет в своей статье М.А. Бодикова [2]. Значительную проблему для правоохранительных органов при выявлении и раскрытии наркопреступлений представляет использование мессенджера Telegram [3] и др. Поэтому в целях совершенствования практики противодействия криминальной идеологии в IT-пространстве нужны свежие научные разработки, одной из них посвящена работа А.С. Ильницкого [4]. Занимаясь вопросами обеспечения криминологической безопасности, А.В. Симоненко в своей работе представил наиболее прогрессивные технологии профилактики правонарушений [5]. Грибанов Е.В. акцентирует внимание на другой форме

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 // Рос. газ. 2006. 28 июня. № 137.

⁵ Там же.

предупреждения преступлений – антикриминальной пропаганде [6]. В целом, поскольку наркопреступность – это вид транснациональной организованной преступности, сокращение ее показателей зависит от совместных усилий правоохранительных органов государств, заинтересованных в снижении наркопотребления населением.

В этой связи при реализации общей профилактики эффективны принимаемые меры по доведению до несовершеннолетних и молодежи основ антинаркотической грамотности. Она предполагает следующие направления:

1) наркологическая грамотность: информация о стадиях болезни, ремиссии, ее признаках и сроках, процедурах лечения и реабилитаций (медицинской и социальной), сопутствующих заболеваниях и последствиях болезни «наркомании»;

2) правовая грамотность: доведение информации о видах и сроках наказаний по уголовному и административному законодательству, разъяснение понятия рецидива и ознакомление со сроками давности применительно к наркопреступлениям и правоприменительной практикой;

3) разъяснение социальных последствий: перспективы изменения семейного, образовательного статусов, созависимости и других рисков.

Для реализации такого профилактического направления в виде основ антинаркотической грамотности молодежи возможна подготовка волонтеров антинаркотической грамотности, работа которых возможна по единым подготовленным научно обоснованным материалам. Реализация общего предупреждения наркопреступности достижима также при «сочетании современных информационных технологий и образовательных программ» [7].

3. Индивидуальная антинаркотическая профилактика, которая реализуется, прежде всего, институтом семьи.

Отсутствие родительского контроля за досугом несовершеннолетнего, его интересами в интернет-пространстве – причины наркопреступности. Семья также влияет на поведение молодого человека, появились криминализировавшиеся семьи, например наркотизированные, когда один ее член вовлекает в наркооборот родственников. Восстановление родительского контроля за каждым несовершеннолетним и обеспечение досуга (спорт, культура) снижает риски наркопотребления.

4. Усиление виктимологической профилактики: беседы о толерантности с родителями несовершеннолетних и несовершеннолетними, направленные на снижение ожесточения людей по отношению друг к другу, страха, тревог, усиление доверия близким, и обучение этим методикам учителей и преподавателей; информирование о возможностях вовлечения в преступную деятельность путем финансирования, в том числе через информационные технологии (сеть Интернет); работа по разобщению подростковой группы с криминальными проявлениями.

5. Профилактирование групп риска с целью недопущения распространения среди них наркоидеологии и западной идеологии разрушения семейственности.

Одной из таких групп является группа освободившихся из мест лишения свободы, причастных к наркообороту. Результаты исследования по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей 2022 г.:

«– доля наркопреступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказания в виде лишения свободы, в 2022 г. составила 13,3 %;

– в местах лишения свободы содержится 6,6 % наркозависимых осужденных».

Авторы исследования приводят данные о судимых наркопотребителях: «состоит на учете как потребитель наркотиков 80,7 % мужчин и 19,3 % женщин; преобладают возрастные группы 30–39 лет – 35,32 %, 40–49 лет – 23,4 %». Делают вывод о наибольшем удельном весе среди потребителей наркотиков возраста 20–40 лет. «Это на 10,93 % больше, чем по результатам переписи 2009 г.». Среди осужденных – наркопотребителей «29,09 % заражены ВИЧ-инфекцией до отбывания наказания» [8].

Выделим группу риска – осужденные, добровольно желавшие пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию, которым предоставлена отсрочка до окончания курса лечения и медико-социальной реабилитации. Причины низкой численности таких лиц подробно указаны в статье «О наркозависимости лиц, совершивших преступление, отсрочке ими отбывания наказания, их лечении и наркомедиации» [9]. Еще одним фактором, снижающим этот показатель, является «субъективность мнения суда при определении сроков предоставления такой отсрочки», указанная А.П. Скибой, что может представлять коррупционную составляющую [10].

Отдельная группа риска состоит из лиц, прибывших для проживания в Россию с территории Украины, с признаками метадоновой наркомании.

Таким образом, основными сферами воздействия правовыми и неправовыми средствами с целью снижения наркопотребления молодежи (прежде всего, снижение спроса) являются: семья, сфера досуга, сфера коммуникаций в виде интернет-пространства, сфера образования.

Список источников

1. Бастрыкин А.И. Опасный возраст // Рос. газ. 2023. 31 мая.
2. Бодикова М.А. Проблемные вопросы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых несовершеннолетними в сфере незаконного оборота наркотических средств с использованием сети Интернет // Правда и закон. 2025. № 1(31). С. 68–75.
3. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 5–17.
4. Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет. М.: Изд. дом «Юрлитинформ», 2024. 144 с.
5. Симоненко А.В. Обеспечение криминологической безопасности с использованием современных технологий профилактики правонарушений // Общество и право. 2024. № 3(89). С. 6–11.
6. Грибанов Е.В. Антикриминальная пропаганда как форма предупреждения преступлений террористического характера и экстремистской направленности // Общество и право. 2024. № 3(89). С. 18–23.
7. Алешина-Алексеева Е.Н., Шутова Ю.А., Дикаева Э.С. Хулиганство как социально-правовая проблема: вызовы и современные инструменты профилактики // Правда и закон. 2025. № 4(34). С. 28–36.
8. Гришко А.Я., Абовян Э.П., Аверкин С.Д. Характеристика осужденных-потребителей наркотиков, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 г.): монография / под науч. ред. засл. деятеля науки Рос. Федерации, д-ра юрид. наук, проф. В.И. Селиверстова. М.: Проспект, 2024. 40 с.
9. Готчина Л.В. О наркозависимости лиц, совершивших преступление, отсрочке ими отбывания наказания, их лечении и наркомедиации // Наркоконтроль. 2025. № 3(80). С. 2–4.
10. Скиба А.П. Недостатки уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства как коррупциогенный фактор при назначении и исполнении наказания (часть 1) // Правда и закон. 2025. № 1(31). С. 3–10.

References

1. Bastyrykin A.I. Opasnyj vozrast // Ros. gaz. 2023. 31 maya.
2. Bodikova M.A. Problemnye voprosy vyyavleniya i raskrytiya prestuplenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv s ispol'zovaniem seti Internet // Pravda i zakon. 2025. № 1(31). S. 68–75.

3. Suhodolov A.P., Bychkova A.M. Cifrovye tekhnologii i narkoprestupnost': problemy protivodejstviya ispol'zovaniyu messendzhera «Telegram» // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2019. T. 13. № 1. S. 5–17.

4. Il'nickij A.S. Protivodejstvie kriminal'noj ideologii v seti Internet. M.: Izd. dom «Yurlitinform», 2024. 144 s.

5. Simonenko A.V. Obespechenie kriminologicheskoy bezopasnosti s ispol'zovaniem sovremennyh tekhnologij profilaktiki pravonarushenij // Obshchestvo i pravo. 2024. № 3(89). S. 6–11.

6. Griбанov E.V. Antikriminal'naya propaganda kak forma preduprezhdeniya prestuplenij terroristicheskogo haraktera i ekstremistskoj napravlenosti // Obshchestvo i pravo. 2024. № 3(89). S. 18–23.

7. Aleshina-Alekseeva E.N., Shutova Yu.A., Dikaeva E.S. Huliganstvo kak social'no-pravovaya problema: vyzovy i sovremennye instrumenty profilaktiki // Pravda i zakon. 2025. № 4(34). S. 28–36.

8. Grishko A.Ya., Abovyan E.P., Averkin S.D. Harakteristika osuzhdennyh-potrebitelej narkotikov, otbyvayushchih lishenie svobody (po materialam special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashchihsya pod strazhej, dekabr' 2022 g.): monografiya / pod nauch. red. zasl. deyatelya nauki Ros. Federacii, d-ra yurid. nauk, prof. V.I. Seliverstova. M.: Prospekt, 2024. 40 s.

9. Gotchina L.V. O narkozavisimosti lic, sovershivshih prestuplenie, otsrochke imi otbyvaniya nakazaniya, ih lechenii i narkomediacii // Narkokontrol'. 2025. № 3(80). S. 2–4.

10. Skiba A.P. Nedostatki ugolovnogo, ugolovnoispolnitel'nogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva kak korrupciogennyj faktor pri naznachenii i ispolnenii nakazaniya (chast' 1) // Pravda i zakon. 2025. № 1(31). S. 3–10.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Информация об авторе

Л.В. Готчина – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 199000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96).

Information about the author

L.V. Gotchina – Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of the Department of Forensics of the SK RF SPb Academy (Russia, 199000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96).

УДК 343.8

Обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц как основная задача оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях

Павел Владимирович Тепляшин

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru, SPIN-код: 5627-5059

Аннотация. На основе анализа норм уголовно-исполнительного законодательства и с учетом криминологической теории рутинных действий обосновывается системообразующий и первичный характер такой задачи, как обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц. Показано, что создание защищенной среды является базовым условием для реализации всех иных задач оперативно-розыскной деятельности, включая выявление и предупреждение преступлений. Анализируются внутренние и внешние угрозы личной безопасности участников уголовно-исполнительных отношений, предлагается трехэлементная превентивная модель противодействия им, а также обосновывается целесообразность внедрения риск-ориентированного подхода в оперативно-розыскную работу для упреждающей нейтрализации криминальных рисков и формирования устойчивой оперативной обстановки учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовно-исполнительная система, безопасность осужденных, защита персонала, пенитенциарная среда, превентивная модель, риск-ориентированный подход

Для цитирования: Тепляшин П.В. Обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц как основная задача оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 39–46.

Ensuring the personal safety of convicts, correctional facility personnel and other persons as the main task of operational investigative activities in correctional facilities

Pavel V. Teplyashin

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru, SPIN: 5627-5059

Abstract. Based on an analysis of penal legislation and taking into account the criminological theory of routine actions, this paper substantiates the system-forming and primary nature of ensuring the personal safety of inmates, correctional facility personnel, and other individuals. It demonstrates that creating a secure environment is a fundamental condition for the implementation of all other operational investigative tasks, including crime detection and prevention. Internal and external threats to the personal safety of participants in penal relations are analyzed, a three-element preventive model for countering them is proposed, and the feasibility of implementing a risk-based approach in operational investigative work is substantiated for the proactive neutralization of criminal risks and the creation of a stable operational environment in penal institutions of the Russian Federation.

Keywords: operational investigative activities, penal system, inmate safety, personnel protection, penitentiary environment, preventive model, risk-based approach

For citation: Teplyashin P.V. Ensuring the personal safety of convicts, correctional facility personnel and other persons as the main task of operational investigative activities in correctional facilities // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 39–46.

Современная уголовно-исполнительная политика России, как отражено в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.¹, эволюционирует от карательной парадигмы в сторону усиления гуманизации, ресоциализации осужденных и обеспечения прав личности. В этом контексте на первый план выходит задача создания безопасной среды как неперемного условия достижения целей, закрепленных в ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации² (УИК РФ), – исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Безопасность перестает быть сугубо режимной категорией, трансформируясь в комплексную систему защиты жизни, здоровья, достоинства и законных интересов всех лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или взаимодействующих с ними.

Как верно отмечает А.В. Сенатов, «ведущая роль в обеспечении правопорядка и законности, предупреждения преступлений, обеспечение личной безопасности принадлежит оперативным подразделениям, так как только они, имея гласные и негласные силы и средства, могут выявлять преступные намерения осужденных» [1, с. 160]. Действительно, оперативно-розыскная деятельность (ОРД) обладает особым статусом в системе обеспечения безопасности исправительных учреждений (ИУ). Ее значимость определяется закрытым, во многом конфликтногенным характером пенитенциарной среды, высокой концентрацией лиц с девиантным поведением и постоянным наличием латентных угроз. В этих условиях только ОРД располагает комплексом специальных методов для упреждающего выявления и нейтрализации скрытых рисков, что предопределяет её роль как основного инструмента решения приоритетной задачи. Данная задача прямо сформулирована в п. 1 ст. 84 УИК РФ и заключается в «обеспечении личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц», а также обеспечивается правом осужденных на личную безопасность, что предусмотрено ст. 13 УИК РФ. Фактически речь идет о реализации норм уголовно-исполнительного права в обеспечении безопасности указанных лиц, что является предметом достаточно пристального исследования со стороны ряда авторов [2, 3]. Обозначенные нормы получают свою инструментальную реализацию через Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³ (далее – ФЗ № 144-ФЗ), который предоставляет правовые основания и конкретные методы для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), направленных на выполнение указанной задачи. Данный вид ОРД охватывается родовой категорией «обеспечение безопасности в уголовно-исполнительной системе», под которой допустимо понимать «осуществление (реализацию) комплекса всевозможных мер, направленных на защищенность человека в условиях деятельности ИУ от всевозможных опасностей и самих ИУ, а также минимизации опасностей, исходящих от человека в ИУ и самих ИУ» [4, с. 36]. Представленное определение в целом поддерживается научной общественностью [5; 6, с. 30–32].

---

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г. с изм. от 17 дек. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Также следует заметить, что такая задача, как обеспечение личной безопасности осужденных, персонала ИУ и иных лиц, подвергается исследовательской критике, суть которой сводится к тому, что именно выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений должно выступать первичной деятельностью сотрудников уголовного розыска, тогда как обеспечение безопасности не является чем-то основополагающим в их оперативной работе [7, с. 150–151]. Необходимо возразить данной точке зрения и привести ряд следующих доводов. Так, во-первых, данная задача в ст. 84 УИК РФ первой указывается в перечне всех, которые ставятся перед ОРД в пенитенциарном учреждении, поскольку законодатель тем самым подчеркивает ее приоритетный и целеполагающий характер. Безопасность личности является высшей ценностью, и именно ее защита в условиях ограничения свободы становится отправной точкой для всей оперативной деятельности, создавая правовые и фактические рамки для решения всех остальных задач. Во-вторых, стабильная и безопасная оперативная обстановка внутри ИУ является необходимым условием для успешного решения иных задач, закрепленных в ст. 84 УИК РФ. Ведь дестабилизированная оперативная обстановка, характеризующаяся доминированием криминальных норм и перманентной угрозой насилия, создает системные барьеры для реализации основных функций ОРД. Более того, без решения рассматриваемой задачи будут блокироваться ключевые информационные каналы получения оперативных сведений, поскольку потенциальные конфидененты, действуя в условиях принуждения и страха, не будут доводить до оперативных работников ИУ необходимые для решения иных задач сведения. Как результат произойдет так называемая криминализация оперативной среды. Кроме того, без осознания первоочередной задачи в обеспечении личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц сотрудники оперативных подразделений будут преимущественно заниматься незапланированным реагированием на текущие конфликты и инциденты, отвлекаться от выполнения плановых профилактических, аналитических и поисковых мероприятий. В результате ОРД утратит свой упреждающий характер, а ее ресурсы будут расходоваться неэффективно, что создаст препятствия для достижения стратегических целей по выявлению и нейтрализации системных угроз личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц. Таким образом, обеспечение безопасности формирует ту самую «защищенную среду», которая является базисом для продуктивной реализации классических сыскных функций. В-третьих, в ИУ все участники пенитенциарных отношений находятся в условиях принудительного совместного пребывания в замкнутом пространстве. Это создает уникальный и постоянно действующий комплекс взаимосвязанных угроз, предотвращение или нейтрализация которых по своей сложности и важности не уступает, а зачастую и превосходит выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в ИУ преступлений и нарушений. Следовательно, обеспечение личной безопасности указанных лиц в деятельности ИУ – это основополагающая и системообразующая задача, от решения которой напрямую зависит сама возможность должного исполнения наказания и поддержания правопорядка в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Итак, относительно рассматриваемой задачи ОРД в ИУ следует отметить два момента. Во-первых, понятие «личной безопасности» в условиях ИУ носит комплексный характер. Это особое правовое состояние защищенности, которое обеспечивается администрацией ИУ с учетом специфики пенитенциарной среды. Такая специфика включает: постоянное пребывание в закрытом коллективе лиц, склонных к правонарушениям; вынужденную зависимость от решений и действий персонала; ограниченную возможность самостоятельно избежать угроз. В этом контексте личная безопасность означает защиту таких благ человека, как жизнь, здоровье, физическая и психическая неприкосновенность, достоинство и законные интересы осужденного, персонала ИУ и иных лиц как от противоправных посягательств со стороны других лиц, отбывающих уголовное наказание в виде

лишения свободы, так и от незаконных или унижающих достоинство действий со стороны самой администрации учреждения (например, в случае коррупционного воздействия). Кроме того, рассматриваемая защищенность охватывает результативное состояние охраны указанных благ от опасного воздействия, происходящих от источников техногенного и природного характера. В этой связи нельзя не согласиться с мнением А.В. Агаркова, который справедливо считает, что «в содержание понятия «обеспечение безопасности», кроме вышеуказанного, следует включать защиту от иных обстоятельств объективного (природного, техногенного) и субъективного характера, представляющих опасность для защищаемых категорий лиц» [8, с. 13].

Во-вторых, акцент в настоящем исследовании делается на анализе личной безопасности осужденных, что обусловлено следующими взаимосвязанными факторами: а) правовое положение осужденного характеризуется особым статусом и вынужденной зависимостью от государства, что возлагает на администрацию ИУ юридическую обязанность по обеспечению их защищенности; б) криминологическая специфика пенитенциарной среды такова, что основными жертвами преступных посягательств становятся именно осужденные. Соответственно, ОРД в местах лишения свободы объективно нацелена на нейтрализацию угроз, исходящих, прежде всего, от этой замкнутой социальной группы; в) уровень безопасности лиц, отбывающих лишение свободы, служит ключевым индикатором и основой общей стабильности пенитенциарного учреждения; г) превентивная сущность оперативно-розыскной работы в исправительных учреждениях заключается в упреждающем выявлении и разобличении криминальных структур, формирующихся внутри среды осужденных, что делает их безопасностью центральным объектом профилактического воздействия.

Более глубокое понимание проблемы личной безопасности осужденных обеспечивается через призму криминологической теории рутинных действий (Routine Activity Theory), разработанную Лоуренсом Коэном (Lawrence Cohen) и Маркусом Фелсоном (Marcus Felson). Суть теории сводится к тому, что преступление (в данном случае – преступное посягательство на личную безопасность) происходит при совпадении трех ключевых элементов: мотивированного правонарушителя, подходящей жертвы и отсутствия действенной защиты. В научных исследованиях активно рассматривается вопрос обеспечения безопасности личности в контексте обозначенной теории [9, 10], что позволяет опереться на соответствующую методологическую базу и сфокусировать анализ на проблемах личной безопасности осужденных. В условиях ИУ эта теоретическая схема отражает превентивную составляющую теории рутинных действий и приобретает особую актуальность, поскольку все три компонента проявляются в концентрированном виде: мотивированные нарушители присутствуют в самой среде осужденных, их жертвами в первую очередь становятся наиболее уязвимые представители (в частности, свидетели, потерпевшие, «отказники» от криминальной субкультуры) этой же среды, а закрытый характер учреждения изначально создаёт риски ослабления внешнего контроля и защиты.

Соответственно, стратегическая задача ОРД в ИУ заключается в том, чтобы, опираясь на трёхэлементную превентивную модель и реализуя комплекс ОРМ, системно предотвращать совпадение трех ключевых факторов, создающее непосредственную угрозу личной безопасности осужденных, персонала и иных лиц. Реализация этой задачи направлена на создание и поддержание «защищённого пространства» пенитенциарного учреждения, в котором возможность (угроза) совершения преступных посягательств на личную безопасность минимизирована либо полностью устранена.

Продолжая анализировать поставленную проблему, необходимо отметить, что угрозы личной безопасности осужденных в ИУ носят многоуровневый характер и могут быть классифицированы по разным основаниям, одним из которых выступает

источник их возникновения. Первый тип данных угроз является внутренним, поскольку они проистекают из межличностного насилия (на бытовой почве, из-за долгов, субкультурных амбиций, на почве неприязни и т.п.). Соответственно, ОРМ должны основываться на профилактической агентурно-оперативной работе по выявлению зарождающихся конфликтов, установлению лидеров агрессивных группировок и лиц, занимающихся продвижением криминальной субкультуры. Открытый характер статьи позволяет отметить лишь то, что акцент здесь должен делаться на сборе информации посредством агентурных сетей, контроле за «субкультурными» связями осужденных и оперативном наблюдении за «активом». Если говорить о конкретных направлениях, то требуется проведение отдельных контрольно-проверочных действий, например выявление коррупционных связей и неслужебных контактов между сотрудниками и осужденными, которые могут быть как причиной, так и следствием преступных злоупотреблений. Кроме того, до настоящего времени не решена проблема существования так называемой «тюремной субкультуры», поскольку система неформальных правил поведения в пенитенциарной среде значительно затрудняет конструктивную ОРД. Фактически противодействие этой системе проявляется в нивелировании неформальных проявлений в среде осужденных. Ключевыми ОРМ здесь выступают оперативное внедрение и наблюдение, позволяющие реализовывать длительный оперативный анализ каналов неформальных связей и статусов осужденных, выявление «смотрящих» и механизмов поддержания «порядка», которые способны дестабилизировать безопасность всего ИУ.

Второй тип рассматриваемых угроз условно может быть отнесен к внешним, а именно к целенаправленному давлению криминальных структур извне. Это давление реализуется в следующих ключевых формах: 1) целевые криминальные указания и «заказы» (например, организация оказания давления на конкретных осужденных, представляющих угрозу для внешней преступной группировки); 2) организационно-управленческое воздействие (в частности, попытки дистанционного руководства внутренней иерархией и разрешения конфликтов внутри учреждения для поддержания контроля над средой осужденных); 3) материально-техническое обеспечение противоправной деятельности (организация каналов проноса или заброса в учреждение запрещенных предметов и(или) веществ); 4) информационно-психологическое давление, выражающееся в запугивании осужденных и их родственников с целью обеспечения лояльности, а также в распространении инструкций через адвокатов, родственников или коррумпированные каналы; 5) вербовка и создание агентуры, то есть вовлечение осужденных, сотрудников или иных лиц в деятельность организованных преступных формирований для сбора информации, осуществления контроля или выполнения иных противоправных задач; 6) дестабилизация режима и дискредитация администрации, в том числе путем провоцирования массовых беспорядков или резонансных инцидентов с целью оказания давления на руководство учреждения или отвлечения внимания правоохранительных органов.

Расширяет понимание опасностей, влияющих на пенитенциарную систему, анализ криминального использования катастроф техногенного характера (например, производственные пожары, взрывы, аварии на коммунальных сетях, обрушения конструкций) или чрезвычайных ситуаций природного происхождения (в частности, наводнения, землетрясения, ураганы). Эти факторы представляют собой непосредственную опасность для жизни и здоровья всех находящихся в ИУ лиц, создавая высокие риски массовой гибели, травматизма и дестабилизации режима. Однако в силу ст. 2 ФЗ № 144-ФЗ, прямое реагирование на эти события и их ликвидация не входят в задачи ОРД. Они возложены на соответствующие службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварийно-спасательные формирования и администрацию ИУ в рамках соблюдения требований охраны объектов и гражданской обороны. Вместе с тем ОРД становится критически

необходимой, если существует разумное предположение, что техногенная или природная угроза является не случайной, а целенаправленно созданной в рамках осуществления диверсии или террористического акта либо может быть использована для совершения иных преступлений. В этом контексте угроза переходит из разряда «несчастливого случая» или «стихийного бедствия» в категорию криминальной угрозы, выступающей объектом ОРМ. Роль ОРД здесь носит превентивно-аналитический и информационно-обеспечивающий характер для нейтрализации криминальной составляющей такой угрозы. Её деятельность должна сосредоточиться на следующих ключевых направлениях: получение информации о планируемых диверсиях (поджогах, взрывах, умышленных повреждениях систем жизнеобеспечения) с целью дестабилизации обстановки, организации массовых беспорядков, побега или сокрытия иных преступлений; выявление и пресечение попыток проноса или доставки иным способом (например, с использованием беспилотных летательных аппаратов) в ИУ взрывчатых веществ, зажигательных смесей, инструментов для повреждения конструкций; своевременное вскрытие планов использования чрезвычайной ситуации для криминальных целей, включая нападения на осуждённых или персонал, захват заложников или организацию побега.

На основе трёхэлементной превентивной модели, а также с учетом наличия взаимосвязанных внутренних и внешних угроз личной безопасности осуждённых, персонала ИУ и иных лиц целесообразно внедрение в деятельность ИУ риск-ориентированной модели ОРД. Данная модель предполагает создание системы оценки индивидуальных и групповых рисков безопасности на основе анализа многоуровневых данных. Это позволит осуществить концептуальный сдвиг ОРД от только лишь фиксирования противоправных фактов к упреждающему оперативному пресечению угроз. Ядро трёхэлементной превентивной модели ОРД составляет целенаправленное воздействие на каждый компонент криминогенной ситуации: 1) в отношении мотивированного нарушителя – упреждающая оперативная разработка лиц, склонных к организации насилия или давления, вскрытие и разоблачение криминальных группировок с использованием гласных и негласных методов; 2) в отношении потенциальной жертвы – оперативное выявление и постановка на профилактический учёт наиболее уязвимых категорий осуждённых, организация их скрытой охраны, физической изоляции или перевода в безопасное место; 3) в отношении фактора ослабленного контроля – компенсация «закрытости» учреждения за счёт усиления оперативного проникновения в среду осуждённых, активного использования технических средств оперативного контроля (видеонаблюдение, прослушивание, контроль переписки) и упреждающего перекрытия каналов проникновения внешних угроз.

Внедрение риск-ориентированного подхода обеспечит адресное распределение оперативных ресурсов на основе сформированных криминологических профилей, позволит прогнозировать и блокировать конфликтные сценарии до их реализации и создаст основу для формирования в ИУ устойчивой оперативной обстановки, где возможность совершения преступных посягательств на личную безопасность будет сведена к минимуму.

Таким образом, обеспечение личной безопасности осуждённых, персонала и иных лиц не является второстепенной или факультативной функцией ОРД в ИУ, а представляет собой её системообразующую и первичную направленность. Нормативное первоочередное закрепление данной задачи в ст. 84 УИК РФ не случайно, поскольку оно отражает понимание законодателем того, что создание защищённой среды является базовым условием для реализации всех остальных задач ОРД в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

Наиболее перспективным направлением совершенствования ОРД в ИУ представляется внедрение риск-ориентированного подхода, основанного на непрерывном анализе многоуровневых данных для оценки индивидуальных и групповых рисков личной безопасности осуждённых, персонала ИУ и иных лиц. Этот

подход позволит реализовывать адресное распределение оперативных ресурсов, прогнозирование конфликтных сценариев и блокирование соответствующих криминальных угроз (преимущественно на стадии их зарождения) личной безопасности указанных лиц. Подобная трансформация, подкреплённая необходимой технической оснащённостью и межведомственной координацией, является не просто тактическим улучшением ОРД в ИУ, а стратегическим условием для формирования устойчивой, адаптивной и отвечающей современным криминальным вызовам системы безопасности уголовно-исполнительной системы России.

Список источников

1. Сенатов А.В. Некоторые аспекты осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении осуждённых женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1(46). С. 156–163.
2. Горяинов К.К. Оперативно-розыскная деятельность в обеспечении безопасности в уголовно-исполнительной системе // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / гл. ред. Р.А. Ромашов. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. С. 29–38.
3. Жеребцова Е.Н. Обеспечение безопасности в исправительных учреждениях сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в рамках реализации норм уголовно-исполнительного права // Обеспечение безопасности в учреждениях УИС: сб. статей круглого стола. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2024. С. 73–76.
4. Усеев Р.З. Обеспечение безопасности исправительных учреждений: учеб. пособие. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. 135 с.
5. Василенко С.Н. Повышение эффективности личной безопасности сотрудников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 3. С. 8–18.
6. Обеспечение безопасности в уголовно-исполнительной системе. Специальная часть / К.В. Каретников [и др.]. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. Т. 2. 113 с.
7. Харченко С.В., Гирько С.И., Скиба А.П. К вопросу о коллизиях оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного и иного законодательства при исполнении лишения свободы: некоторые теоретические аспекты // Военное право. 2025. № 2. С. 148–157.
8. Агарков А.В. Задачи оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе: проблема соотношения оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного законодательств // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2024. № 4. С. 12–15.
9. Ганишева П.А. «Группы смерти». Взгляд через призму теории рутинных действий // Право и политика. 2021. № 8. С. 13–25.
10. Мощная Ю.Н., Белоусов М.В. Три компонента преступления или теория рутинных действий // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности: материалы межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021. С. 107–112.

References

1. Senatov A.V. Nekotorye aspekty osushchestvleniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti v otnoshenii osuzhdennykh zhenshchin, otbyvayushchih nakazanie

v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2021. № 1(46). S. 156–163.

2. Goryainov K.K. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v obespechenii bezopasnosti v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme // Yuridicheskaya nauka i praktika: al'manah nauchnyh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii / gl. red. R.A. Romashov. Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2014. S. 29–38.

3. Zherebcova E.N. Obespechenie bezopasnosti v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah sotrudnikami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost', v ramkah realizacii norm ugovolno-ispolnitel'nogo prav // Obespechenie bezopasnosti v uchrezhdeniyah UIS: sb. statej kruglogo stola. M.: FKU NII FSIN Rossii, 2024. S. 73–76.

4. Useev R.Z. Obespechenie bezopasnosti ispravitel'nyh uchrezhdenij: ucheb. posobie. Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2015. 135 s.

5. Vasilenko S.N. Povyshenie effektivnosti lichnoj bezopasnosti sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2023. № 3. S. 8–18.

6. Obespechenie bezopasnosti v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme. Special'naya chast' / K.V. Karetnikov [i dr.]. Novokuzneck: Kuzbasskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2023. T. 2. 113 s.

7. Harchenko S.V., Gir'ko S.I., Skiba A.P. K voprosu o kolliziyah operativno-rozysknogo, ugovolno-ispolnitel'nogo i inogo zakonodatel'stva pri ispolnenii lisheniya svobody: nekotorye teoreticheskie aspekty // Voennoe pravo. 2025. № 2. S. 148–157.

8. Agarkov A.V. Zadachi operativno-rozysknoj deyatel'nosti v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme: problema sootnosheniya operativno-rozysknogo i ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stv // Penitenciarное pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika. 2024. № 4. S. 12–15.

9. Ganisheva P.A. «Gruppy smerti». Vzglyad cherez prizmu teorii rutinnyh dejstvij // Pravo i politika. 2021. № 8. S. 13–25.

10. Mocnaya Yu.N., Belousov M.V. Tri komponenta prestupleniya ili teoriya rutinnyh dejstvij // Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti: materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov. Simferopol': Krymskij federal'nyj universitet im. V.I. Vernadskogo, 2021. S. 107–112.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Информация об авторе

П.В. Тепляшин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России (Россия, 660313, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20).

Information about the author

P.V. Teplyashin – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Russia, 660131, Krasnoyarsk, Rokossovsky st., 20).

УДК 343.8

Криминологический портрет личности «таможенного преступника» в механизме совершения таможенных преступлений

Дмитрий Алексеевич Никитин^{1✉}, Максим Николаевич Богданов²

¹Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, Санкт-Петербург, Россия

²Псковский филиал Санкт-Петербургского университета ФСИН России, Псков, Россия
1dima60-62@yandex, SPIN-код: 1791-0815

²mbogdanov75@mail.ru, SPIN-код: 3746-9623

Аннотация. Проведен комплексный криминологический анализ личности современного «таможенного преступника». На основе типологического подхода выделены и охарактеризованы основные категории субъектов преступлений в сфере таможенного дела. Авторы детально рассматривают социально-демографические признаки данной группы. Особое внимание уделено парадоксальной роли высокого социального статуса, который, базируясь на профессиональных компетенциях и репутации, одновременно выступает инструментом и маскировкой для противоправной деятельности. Раскрывается психологический портрет преступника, для которого характерны рациональность, правовой нигилизм и «двойная мораль». Сделан вывод об «элитарном» характере таможенной преступности, порождаемой не бедностью, а возможностями, что требует адекватного пересмотра мер противодействия.

Ключевые слова: преступность, таможенные преступления, личность преступника, механизм совершения преступления, беловоротничковая преступность, криминологический портрет, контрабанда, уклонение от таможенных платежей, социальный статус, коррупция

Для цитирования: Никитин Д.А., Богданов М.Н. Криминологический портрет личности «таможенного преступника» в механизме совершения таможенных преступлений // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 47–54.

Criminological portrait of the «customs criminal» in the mechanism of committing customs offenses

Dmitry A. Nikitin^{1✉}, Maxim N. Bogdanov²

¹St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy, St. Petersburg, Russia

²Pskov branch of the St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Russia

1dima60-62@yandex, SPIN: 1791-0815

2mbogdanov75@mail.ru, SPIN: 3746-9623

Abstract. Provides a comprehensive criminological analysis of the personality of a modern «customs criminal». Based on a typological approach, the main categories of subjects of customs crimes are identified and characterized. The authors examine in detail the socio-demographic features of this group. Special attention is paid to the paradoxical role of a high social status, which, based on professional competencies and reputation, simultaneously serves as a tool and a disguise for illegal activities. Reveals the psychological portrait of a criminal characterized by rationality, legal nihilism, and «double morality». The article concludes that customs crime is an «elite» phenomenon that is driven not by poverty, but by opportunities, which requires an adequate revision of counter-measures.

Keywords: crime, customs crimes, criminal personality, crime mechanism, white-collar crime, criminological portrait, smuggling, evasion of customs payments, social status, corruption

For citation: Nikitin D.A., Bogdanov M.N. Criminological portrait of the «customs criminal» in the mechanism of committing customs offenses // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 47–54.

Личность преступника, совершающего противоправные деяния в сфере таможенного регулирования, представляет собой сложный объект для изучения. Целью данной работы является составление обобщенного криминологического портрета лица, совершающего таможенные преступления, с учетом современных реалий и теоретических наработок.

Понятие личности таможенного правонарушителя неразрывно связано с общим криминологическим понятием личности, представляющей собой совокупность демографических, социальных и иных характеристик. Как отдельный вид личности преступника, личность лица, совершающего таможенные преступления, содержит не только присущие ей общие признаки, но и специфические, характерные только для нее. Следует отметить, что комплексно и системно данные вопросы не исследовались. Предметом научного анализа, главным образом, являлись уголовно-правовые и административно-правовые проблемы таможенной преступности, таможенного права, управления в области таможенного дела, налогового таможенного регулирования, таможенной политики [1].

Личность преступника, совершающего противоправные деяния в сфере таможенного регулирования, представляет собой сложный объект для изучения. В отличие от уличной преступности, где преступник зачастую очевиден, таможенный преступник часто действует в «теневой» зоне, используя пробелы в законодательстве, служебное положение или сложные схемы. Исследование этого социально-правового феномена требует комплексного подхода, сочетающего анализ демографических данных, социального статуса, профессиональной деятельности, психологических особенностей и мотивационной сферы.

Личность преступника данного типа в системе общественных отношений имеет определенные признаки, которые подразделяют на общие и специфические. Общие признаки характеризуют социальное положение лица, то есть возраст, пол, семейное положение, образование, социальное положение и род занятий, место жительства, социально-психологические особенности и т.п. Специфические признаки – судимость, наличие преступного опыта, навыки совершения преступления, наличие социальных связей в преступной среде, положение на иерархической лестнице криминального мира и ряд других. Следует отметить, что контингент лиц, совершающих таможенные преступления, неоднороден. Поэтому социально-демографические характеристики преступника, совершившего преступление в сфере таможенной деятельности, могут существенно различаться в зависимости от вида преступной деятельности и ее масштаба. В широкомасштабных, организованных таможенных преступлениях задействованы лица, исполняющие различные преступные роли [2].

Прежде чем перейти к характеристикам, необходимо определить само понятие. «Таможенный преступник» – это не строго формализованный юридический термин, а криминологическая категория, обозначающая физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (16 лет, а по некоторым составам, например контрабанда сильнодействующих веществ – 14 лет), виновно совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ) «Преступления в сфере экономической деятельности» (ст. 194, 200.1, 226.1, 229.1) и другими смежными статьями УК РФ.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г. с изм. и доп. от 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Большое значение для криминологии имеет разграничение субъектов таможенной преступности. Должностные лица таможенных органов – это субъекты, которые используют свои служебные полномочия для незаконного пропуска товаров, получения взяток, служебного подлога и т.д. Представители бизнеса, делинквенты «беловоротничковой» преступности, руководители и сотрудники компаний-импортеров/экспортеров, которые умышленно занижают таможенную стоимость, недостоверно декларируют товары, используют контрабандные схемы. Организаторами и пособниками преступных групп зачастую выступают лица, которые создают и координируют сложные схемы, нередко связанные с международной преступностью. «Курьеры» и исполнители таможенных преступлений – это физические лица, непосредственно перевозящие контрабанду через границу.

Ввиду высокой латентности преступной деятельности организаторов и пособников преступлений статистические сведения о них не отражают истинных криминологических характеристик. Исполнители, непосредственно задействованные в незаконном перемещении через таможенную границу тех или иных предметов, обладают значительно более низким образованием и социальным статусом. По полу и возрасту эта категория лиц неоднородна. В частности, на российско-финской границе международные организованные группы для перемещения небольших партий контрабандных товаров используют сотни российских граждан, так называемых «тушканов». Эти лица (многие из них – пенсионеры) по несколько раз за день за вознаграждение на личных автомобилях перевозят без уплаты пошлин якобы для личного использования по 100 кг товара. На финской территории их ожидает один грузовик с товаром, а на российской стороне – другая машина, в которую товар сгружается.

Каждая из категорий таможенных преступников обладает своей спецификой, что формирует не единый, а скорее типологический портрет.

Статистические данные и криминологические исследования показывают определенные закономерности в половом и возрастном распределении.

Абсолютно доминирующее большинство лиц, привлекаемых к ответственности за таможенные преступления, – мужчины (по разным оценкам от 75 до 85 %). Это объясняется несколькими факторами:

1. Гендерная диспропорция в бизнесе и логистике – сферы внешней торговли, логистики, транспорта, где чаще всего зарождаются схемы уклонения, традиционно являются мужскими.

2. Склонность к риску – психологически мужчины в среднем более склонны к рискованным предприятиям, связанным с высоким доходом.

3. Структура организованной преступности – организаторы и исполнители в сфере транснациональной контрабанды также преимущественно мужчины.

Однако доля женщин в таможенной преступности постепенно растет. Чаще всего они выступают в роли бухгалтеров, оформляющих фиктивные документы, руководителей фирм-«однодневок», а также в качестве курьеров, перевозящих наркотики или мелкие партии дорогостоящих товаров, используя свой социальный статус (например, беременность, внешность «благополучной туристки») для маскировки.

Возрастной профиль таможенного преступника значительно отличается от возраста, например, корыстного преступника. Пик криминальной активности приходится на возрастную группу от 30 до 45 лет.

Этот показатель объясняется тем, что 30–45 лет – «возраст профессионалов»: к этому возрасту человек, как правило, достигает необходимого карьерного роста в бизнесе или на таможенной службе, обретает значительные профессиональные связи, глубоко понимает механизмы работы таможенного законодательства и его слабые места. Он обладает достаточным жизненным и профессиональным опытом для организации или участия в сложных преступных схемах. Его мотивация смещается

от простого обогащения к стремлению сохранить бизнес, повысить его рентабельность, обеспечить стабильно высокий уровень жизни.

В категории таможенных преступников (молодежь 18–30 лет) преобладают исполнители низшего звена: курьеры, водители, «подставные» директора фирм. Их мотивация – быстрый заработок при относительно невысоком, по их мнению, риске.

В характеристике «таможенных преступников» можно встретить как «ветеранов» преступного мира, так и высокопоставленных должностных лиц, использующих свой авторитет и связи для «решения вопросов».

Семейное и социальное положение как значимый аспект характеристики «таможенного преступника» является ключевым для понимания мотивации и социального облика преступника.

Семейное положение рассматриваемой категории преступников тоже имеет свои особенности, но очень схожие с личностью «беловоротничкового» преступника, в отличие от насильственных преступников, среди таможенных делинквентов наблюдается высокий процент лиц, состоящих в официальном браке и имеющих детей. Это не случайно, так как статус «благополучного семьянина» является частью социальной маскировки, отводя от него подозрения.

Мотивация «ради семьи», обеспечение высокого уровня жизни, образования для детей, статусного жилья – мощный психологический драйвер, который может оправдывать в его глазах противоправные действия. Члены семьи иногда могут быть вовлечены в преступную схему (например, формальное руководство компанией).

Социальное положение и образование – это, пожалуй, наиболее яркая отличительная черта. Подавляющее большинство «таможенных преступников» относятся к категории социально-адаптированных и благополучных граждан.

Уровень образования исследованной категории преступников крайне высок. Среди них преобладают лица с высшим образованием (экономическим, юридическим, техническим). Они владеют специальными знаниями в области внешнеэкономической деятельности, таможенного права, бухгалтерского учета, что является необходимым инструментом для совершения интеллектуального преступления.

Социальный статус в криминологической характеристике личности преступника без преувеличения играет ключевое значение. «Таможенные преступники» – это руководители и владельцы бизнеса, начальники отделов снабжения и внешнеэкономической деятельности (ВЭД), государственные гражданские служащие среднего и высшего звена, сотрудники таможенных органов. Они ведут активную общественную жизнь, могут быть членами профессиональных ассоциаций, иметь положительные характеристики с места работы.

Социальный статус является, пожалуй, основной и наиболее парадоксальной характеристикой «таможенного преступника». В отличие от типичного представителя уличной преступности, чей низкий социальный статус часто является одним из криминогенных факторов, «таможенный преступник», как правило, обладает высоким или средним социальным статусом, который не препятствует, а зачастую и способствует совершению преступления. Этот статус является не статичной характеристикой, а сложным, многоуровневым конструктом.

К категории преступников, имеющих высокий социальный статус, относятся владельцы и топ-менеджеры среднего и крупного бизнеса. Их статус определяется не только уровнем дохода, но и авторитетом в деловых кругах, членством в предпринимательских ассоциациях, публичностью. Этот статус предоставляет им доступ к закрытой информации, связям в органах власти и, что важно, создает иллюзию защищенности и безнаказанности. Преступление для них – это не способ выжить, а инструмент оптимизации, максимизации прибыли и укрепления своих конкурентных позиций. Их статус служит надежным щитом, отводящим подозрения.

Высокопоставленные государственные служащие (не только таможенных, но и иных контролирующих органов), статус которых базируется на власти, доступе к административным ресурсам и формальным полномочиям, являются «архитекторами» и «покровителями» преступных схем, обеспечивая их функционирование и прикрытие.

Средний социальный статус, представляющий наиболее массовую группу, – это руководители среднего звена и специалисты по ВЭД, логистике, бухгалтерии. Их статус основан на высоком профессионализме, образовании и стабильном, хорошо оплачиваемом положении. Они являются «мозговым центром» и исполнителями схем. Их мотивация часто смешанная, с одной стороны, выполнение указаний руководства и стремление сохранить работу, с другой – получение премий, бонусов, карьерный рост. Их социальный статус «респектабельного профессионала» является лучшей маскировкой.

Особенно нужно отметить должностных лиц таможенных органов среднего звена, это начальники отделов, старшие инспекторы. Их статус двойственен, с одной стороны, они являются госслужащими с определенным уровнем авторитета, с другой – их доходы часто не соответствуют их социальным амбициям (покупка жилья, престижного автомобиля, образование детей за рубежом), что создает мощный криминогенный диссонанс.

Высокий социальный статус напрямую коррелирует с уровнем образования. Подавляющее большинство «таможенных преступников» имеют высшее образование (экономическое, юридическое, таможенное, техническое). Это не просто «корочка», а реальный багаж специальных знаний, который является инструментом преступления. Именно глубокое понимание таможенных процедур, бухгалтерского учета, валютного и налогового законодательства позволяет разрабатывать и внедрять изощренные схемы уклонения. Профессионализм здесь оборачивается своей противоположностью – криминальной квалифицированностью.

Важно понимать, что социальный статус не просто описывает положение человека в обществе, а активно используется им в преступной деятельности. Так, например, высокий статус предпринимателя или чиновника порождает доверие со стороны контрагентов, банков и государственных органов. Это доверие используется для открытия счетов, оформления контрактов и получения льгот, которые впоследствии становятся элементами преступной схемы.

В свою очередь, статус «респектабельного бизнесмена» или «добросовестного госслужащего» является идеальной легендой, отводящей любые подозрения. Правоохранительные органы часто изначально не рассматривают таких лиц, как потенциальных преступников.

Деловые и служебные связи, взаимодействие в рамках профессиональных сообществ являются каналом для нахождения соучастников, коррумпированных контактов и получения конфиденциальной информации. Социальный капитал трансформируется в криминальный.

Значимым является также тот факт, что исследуемые лица ранее не судимы, что также отличает данную категорию правонарушителей от других преступников в области таможенного дела. Об этом говорит А.Г. Мхитарян в своей работе: «отличительным признаком исследуемых делинквентов является сравнительно небольшое число ранее судимых, что объясняется их высоким социальным положением, интеллектуальным уровнем и материальной обеспеченностью лиц данной категории» [3]. Например, лица, совершающие уклонение от уплаты таможенных платежей, имеют исключительно корыстную мотивацию, поскольку основной целью совершения указанного преступления является улучшение своего материального положения. Как и для других лиц, совершающих корыстные преступления, личность уклониста характеризуется невысоким уровнем нравственных, эстетических, творческих, научных и других духовных потребностей. У данных лиц на первом месте стоят потребности материально-бытового характера [4].

Тесную взаимосвязь можно проследить между способом совершения преступления и родом занятия, напрямую детерминирующим способ совершения преступления.

Например, предприниматели и представители бизнеса составляют до 60 % случаев – эта категория лиц выступает субъектами таможенных преступлений.

Мотивы преступления демонстрируют преимущественно линейку корыстных, экономически обоснованных поводов совершения преступлений. В основном мотивы представлены в виде экономической выгоды: минимизация издержек, повышение конкурентоспособности на рынке, иногда – выживание бизнеса в условиях кризиса.

В качестве способов совершения преступлений отметим неправомерное возмещение НДС, занижение таможенной стоимости, недостоверное декларирование (указание не того кода товарной номенклатуры ВЭД), использование фирм-«однодневок».

Должностные лица таможенных органов представляют около 15–20 % в общей массе лиц, совершивших таможенные преступления.

Здесь отмечается сугубо корыстная мотивация (взятки), карьеристские соображения, давление со стороны руководства или криминальных структур, «бытовая» коррупция.

Основными способами совершения преступлений, как правило, выступают необоснованный пропуск товаров, «закрытие глаз» на нарушения, создание искусственных препятствий для провоза товаров с целью вымогательства, служебный подлог.

Как уже отмечалось, таможенные преступления нередко совершаются в соучастии, также имеет место совершение преступлений организованными преступными группами (около 10 %). Мотив отличается крупномасштабной экономической выгодой, часто связанной с транснациональной преступностью (наркотрафик, контрабанда оружия, ресурсов).

Для целей максимально «удобного» совершения преступлений создаются разветвленные сети, включающие коррумпированных чиновников, логистов, финансистов, силовое прикрытие.

Рядовые исполнители (курьеры, водители, «подставные» лица) составляют около 10–15 %, они осуществляют непосредственную физическую перевозку товаров через границу, формальное руководство компанией. Здесь мотивы объясняются быстрым заработком, часто в условиях материальной нужды или долговой зависимости.

Личность «таможенного преступника» характеризуется специфическим набором психологических черт. Преступления тщательно планируются, просчитываются риски и потенциальная выгода. Это не аффективные, а продуманные действия.

Уверенность в своей безнаказанности, мнение, что «все так делают», а закон является лишь формальным препятствием, которое можно обойти, характеризуются высоким уровнем правового нигилизма.

В быту это может быть образцовый семьянин и добропорядочный гражданин, который не видит противоречия между своими положительными социальными ролями и преступной деятельностью, которую он считает «частью бизнеса». Свойственен личный прагматизм и корысть. Основной мотив – обогащение. Однако в отличие от грабителя, здесь обогащение носит не сиюминутный, а стратегический характер.

Для некоторых организаторов сложных схем сам процесс обхода закона становится своего рода интеллектуальной игрой, источником азарта.

Психологический портрет, как правило, лишен агрессии, отсутствует прямое насилие, характерное для насильственных преступников. Насилие, если и применяется, то опосредованно (например, экономическое давление).

На основе вышеизложенного можно выделить несколько типов «таможенных преступников»:

1. «Ситуативный» преступник – предприниматель, который в условиях жесткой конкуренции или проверки впервые решается на нарушение, чтобы спасти бизнес и, как правило, не имеет устойчивой преступной направленности.

2. «Системный» нарушитель («оптимизатор») – бизнесмен или топ-менеджер, который строит свою бизнес-модель на постоянном уклонении от таможенных платежей, рассматривает такие деяния, как неотъемлемую часть бизнес-процесса.

3. «Коррупционер» – должностное лицо, использующее служебное положение для систематического получения незаконных доходов.

4. «Организатор-профессионал» – лицо, для которого создание и управление контрабандными схемами является основным родом деятельности, как правило, входит в состав организованной преступной группы.

5. «Исполнитель-наемник» – социально слабый индивид, идущий на преступление за вознаграждение, не до конца осознающий масштабы общественно опасных последствий.

«Таможенный преступник» представляет собой сложный социально-психологический конструкт, в котором высокий социальный статус играет не защитную, а амбивалентную роль, являясь продуктом его образования и профессионализма, он одновременно становится и инструментом, и маскировкой для противоправной деятельности. Это, как правило, мужчина в возрасте 30–45 лет, социально интегрированный, имеющий высшее образование и семью. Его действия носят рациональный, корыстный и системный характер, а его криминальное поведение является не следствием социальной деградации, а извращенным продолжением его профессиональных компетенций и социальных амбиций. Борьба с данным видом преступности требует не только ужесточения санкций, но и глубокого системного реформирования среды, его порождающей.

Итоговый анализ позволяет сделать фундаментальный вывод: таможенная преступность – это в значительной степени «элитарная» преступность, порожденная не бедностью, а возможностями; не отсутствием знаний, а их криминальным применением. Социальный капитал, профессиональные сети и репутация, которые в нормальных условиях должны служить драйверами экономического развития, здесь извращенно трансформируются в инструменты для подрыва основ экономической безопасности государства. Это означает, что традиционные меры, ориентированные на маргинальные группы, против такого противника малоэффективны. Необходимо точечное, интеллектуальное противодействие, основанное на анализе больших данных, управлении рисками и финансовых расследованиях, способных вскрыть истинных бенефициаров сложных транснациональных схем.

В конечном счете, противодействие таможенной преступности – это не только задача правоохранительных органов, но и общегосударственная, и общественная проблема. Ее решение лежит в плоскости построения прозрачной, цифровой и неподкупной таможенной администрации, формирования в деловой среде нулевой терпимости к любым схемам уклонения, а также в воспитании новой генерации предпринимателей и государственных служащих, для которых правовая чистота и профессиональная этика будут неотъемлемой частью личного и корпоративного успеха. Лишь такой комплексный подход позволяет надеяться на преодоление той системной ловушки, когда лучшие кадры нации, обладающие высоким интеллектом и статусом, направляют свой потенциал не на созидание, а на изощренное разрушение правовых и экономических устоев собственной страны.

Список источников

1. Семенюк Д.П. Личность таможенного правонарушителя как объект криминологического исследования // Материалы XX Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования Белорусского государственного университета. Минск, 2021. С. 517.

2. Александрова Н.С. Личность преступника как элемент механизма совершения таможенных преступлений // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. СПб., 2018. С. 70–73.

3. Мхитарян Л.Г. Криминологическая характеристика лиц, совершающих уклонение от уплаты таможенных платежей // Общество и право. 2011. № 4. С. 223–225.

4. Леунова Ю.Г. Особенности личности преступника, совершающего уклонение от уплаты таможенных платежей // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 8 (24). С. 560–563.

References

1. Semenyuk D.P. Lichnost' tamozhennogo pravonarushitelya kak ob"ekt kriminologicheskogo issledovaniya // Materialy XX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Minsk, 2021. S. 517.

2. Aleksandrova N.S. Lichnost' prestupnika kak element mekhanizma soversheniya tamozhennyh prestuplenij // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. SPb., 2018. S. 70–73.

3. Mhitaryan L.G. Kriminologicheskaya harakteristika lic, sovershayushchih ukлонenie ot uplaty tamozhennyh platezhej // Obshchestvo i pravo. 2011. № 4. S. 223–225.

4. Leunova Yu.G. Osobennosti lichnosti prestupnika, sovershayushchego ukлонenie ot uplaty tamozhennyh platezhej // Alleya nauki. 2018. T. 3. № 8 (24). S. 560–563.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Информация об авторах

Д.А. Никитин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Софийская, 52).

М.Н. Богданов – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации режима Псковского филиала Санкт-Петербургского университета ФСИН России (Россия, 180014, г. Псков, Зональное ш., 28).

Information about the authors

D.A. Nikitin – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the St. Petersburg V.B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, Sofiyskaya St., 52).

M.N. Bogdanov – Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Regime Organization of the Pskov Branch St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, 180014, Pskov, Zonalnoe sh., 28).

УДК 343.773

Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания за преступления в сфере незаконного оборота древесины

Надежда Юрьевна Дроздова

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, nzagaynova@mail.ru, SPIN-код: 3295-5206

Аннотация. Рассматриваются особенности судебной практики по преступлениям в сфере лесопользования (ст. 260, 191¹, 158, 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации). В центре внимания – анализ опыта судебных органов Вологодской области по вопросам освобождения от уголовной ответственности и наказания за незаконные действия в сфере оборота древесины за период с 2014 по 2024 г. Автор провел исследование более 600 судебных решений, вынесенных судами первой инстанции Вологодской области в сфере незаконного лесопользования. В статье представлены статистические показатели, приведены конкретные примеры применения оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания. В заключение автором делается вывод о социальной обусловленности института прекращения уголовного преследования за преступления в сфере незаконного оборота древесины.

Ключевые слова: оборот древесины, незаконная вырубка леса, освобождение от ответственности, судебная практика

Для цитирования: Дроздова Н.Ю. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности и наказания за преступления в сфере незаконного оборота древесины // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 55–61.

Relevant issues of exemption from criminal liability and punishment for crimes in the field of illegal timber trafficking

Nadezhda Yu. Drozdova

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, nzagaynova@mail.ru, SPIN: 3295-5206

Abstract. Examines the features of judicial practice on crimes in the field of forest management (articles 260, 191¹, 158, and 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation). The focus is on analyzing the experience of the judicial authorities of the Vologda Region in terms of exemption from criminal liability and punishment for illegal actions in the field of timber trafficking from 2014 to 2024. The author conducted a study of more than 600 court decisions issued by the first-instance courts of the Vologda Region on illegal forest management. The article presents statistical indicators and provides specific examples of the application of grounds for exemption from criminal liability and punishment. In conclusion, the author draws a conclusion about the social conditioning of the institution of termination of criminal prosecution for crimes in the field of illegal timber trafficking.

Keywords: timber trafficking, illegal deforestation, exemption from liability, judicial practice

For citation: Drozdova N.Yu. Relevant issues of exemption from criminal liability and punishment for crimes in the field of illegal timber trafficking // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 55–61.

Более десяти лет назад в 2013 г. на заседании Президиума Государственного Совета Президент России Владимир Путин поднял проблему преступности в сфере лесного хозяйства [1, с. 3; 2, с. 104]. Вопросы борьбы с лесной преступностью не обошли и Вологодскую область [3, с. 42], являющуюся одним из наиболее «лесистых» регионов. Общая площадь лесов данного региона составляет 79 % от всей его территории, а запас древесины превышает 1,6 млрд куб. м.¹

Так, в период с 2014 по 2024 г. (включительно) 23 районными судами области были вынесены приговоры по 424 эпизодам преступной деятельности в сфере незаконного оборота древесины, и кроме уже рассмотренных дел по состоянию на 1 января 2025 г. в суды поступило и рассматривается еще 130 эпизодов:

– ч. 1 ст. 158, пп. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158, пп. «а», «в», «г» ч. 3 ст. 158, пп. «а», «б» ч. 4 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации² (УК РФ) – вынесены приговоры по 11 эпизодам преступной деятельности (рассматривается судами 55 эпизодов);

– пп. «а», «б» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ – вынесен приговор по одному эпизоду преступной деятельности (рассматривается судами 4 эпизода);

– ч. 1 ст. 191¹, ч. 3 ст. 191¹ УК РФ – вынесены приговоры по 10 эпизодам преступной деятельности (рассматривается судами 37 эпизодов);

– ч. 1 ст. 260, пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 260, ч. 3 ст. 260 УК РФ – вынесены приговоры по 402 эпизодам преступной деятельности (рассматривается судами 34 эпизода) [4, с. 225].

Рассмотрение уголовных дел судами предполагает не только вынесение приговора, но и принятие иных решений, предусмотренных ст. 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (УПК РФ) [5, с. 56–87]. Анализ указанных правовых норм в сфере незаконного лесопользования на примере одного из субъектов Российской Федерации позволит разобраться не только в практической работе правоохранительных органов конкретного региона, но и поможет избежать процессуальных нарушений на стадии проведения предварительного расследования [6, с. 124], ведь именно неправильное понимание положений закона зачастую становится причиной отмены судебных актов вышестоящими инстанциями, затягивания сроков рассмотрения дел и нарушения законности. В статье рассмотрим практику применения вышеуказанного процессуального института судами Вологодской области, что должно поспособствовать повышению эффективности отправления правосудия в сфере незаконного оборота древесины и обеспечить защиту законных интересов участников процесса.

Так, в период 2014–2024 гг. уголовное преследование было прекращено по 92 эпизодам преступной деятельности по ч. 1 ст. 260, пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 260, ч. 3 ст. 260 УК РФ (табл. 1), а по ст. 191¹ УК РФ ни разу не прекращалось.

В соотношении с общим количеством вынесенных приговоров (424), а также рассматриваемыми в настоящий момент (130) эпизодами преступной деятельности, связанными с незаконной рубкой лесных насаждений и последующими действиями с незаконно заготовленной древесиной, удельный вес прекращений преследований за уголовно-правовые деяния в сфере незаконного оборота древесины составляет 17 %.

---

¹ Официальный сайт Департамента природных ресурсов, лесного и охотничьего хозяйства Вологодской области. URL: <https://dpr.gov35.ru/vedomstvonnaya-informatsiya/statistika/lesnye-resursy-vologodskoy-oblasti/> (дата обращения: 02.10.2025).

² Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таблица 1

Количество прекращенных уголовных преследований по эпизодам преступной деятельности, предусмотренной ст. 260 УК РФ судами Вологодской области за период 2014–2024 гг.⁴

Статья УК РФ	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.		Всего за период 2014–2024 гг.
											Приговор	Рассматривается	
ч. 1 ст. 260	1			2		1		2					6
п. «а» ч. 2 ст. 260				4		1		5					10
п. «в» ч. 2 ст. 260				1							1		2
п. «г» ч. 2 ст. 260	6	7	2	15	4	6	6	12	4	3	4		69
ч. 3 ст. 260					1	3			1				5
Итого	7	7	2	22	5	11	6	19	5	3	5		92

В табл. 2 представлены основания прекращения уголовного преследования в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ.

⁴ Судебное делопроизводство: Бабаевский районный суд Вологодской области. URL: https://babaevsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=106128783&case_uid=457f3900-8a7b-44f0-a17a-62257cfd8163&delo_id=1540005&new= (дата обращения: 25.10.2025); Великоустюгский районный суд Вологодской области. URL: https://velikoustugsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Верховажский районный суд Вологодской области. URL: https://verhovazhsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Вологодский районный суд Вологодской области. URL: https://vologodsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Вытегорский районный суд Вологодской области. URL: https://vytegorsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Грязовецкий районный суд Вологодской области. URL: https://griazovecky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Кирилловский районный суд Вологодской области. URL: https://kirillovsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Кичменгско-Городецкий районный суд Вологодской области. URL: https://kich-gorod--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Никольский районный суд Вологодской области. URL: https://nikolsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Нюксенский районный суд Вологодской области. URL: https://nuksensky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Сокольский районный суд Вологодской области. URL: https://sokolsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Сямженский районный суд Вологодской области. URL: https://siamzhensky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Тарногский районный суд Вологодской области. URL: https://tarnogsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Тотемский районный суд Вологодской области. URL: https://totemsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=sf&delo_id=1540005 (дата обращения: 25.10.2025); Устюженский районный суд Вологодской области. URL: https://ustuzhensky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Череповецкий районный суд Вологодской области. URL: https://cherepovecky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025); Шекснинский районный суд Вологодской области. URL: https://sheksninsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.10.2025).

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Таблица 2

Основания прекращения уголовного преследования
по ст. 260 УК РФ судами Вологодской области за период 2014–2024 гг.

Статья УК РФ	Основание прекращения	Количество прекращенных уголовных преследований по эпизодам преступной деятельности
В связи с деятельным раскаянием		
ч. 1 ст. 260	ч. 1 ст. 75 УК РФ, ст. 28 УПК РФ	3
п. «а» ч. 2 ст. 260		6
п. «в» ч. 2 ст. 260		2
п. «г» ч. 2 ст. 260		46
ч. 3 ст. 260		2
В связи с примирением сторон (с потерпевшим)		
ч. 1 ст. 260	ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ	3
п. «г» ч. 2 ст. 260		8
В связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа		
п. «а» ч. 2 ст. 260	ст. 76 ² УК РФ, ч. 1 ст. 25 ¹ УПК РФ	4
п. «г» ч. 2 ст. 260		10
Вследствие акта об амнистии		
п. «г» ч. 2 ст. 260	ст. 84 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ	5
В связи со смертью обвиняемого (подсудимого)		
ч. 3 ст. 260	п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ	3

Первым основанием освобождения от уголовной ответственности по ст. 260 УК РФ является деятельное раскаяние обвиняемого (ч. 1 ст. 75 УК РФ):

Наприме «...С учетом обстоятельств дела, личности подсудимого, размера незаконно заготовленной им древесины, учитывая, что представитель потерпевшего Департамента лесного комплекса ... М. возражений против прекращения уголовного преследования Д. не высказала, суд считает возможным уголовное дело в отношении Д. прекратить и освободить его от уголовной ответственности за данное деяние... Представитель гражданского истца М. от исковых требований к Д. отказалась в связи с тем, что подсудимый в полном объеме выплатил материальный ущерб...»⁵

Следующим основанием освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота древесины, применяемым в практической работе судебных органов региона является примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ):

«...О. не судим, обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести, примирился с потерпевшим, загладил причиненный потерпевшему вред...»⁶

При наличии ходатайств лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за преступления в сфере лесопользования, в период с 2016 по 2024 г. Вологодскими судами уголовное преследование прекращалось и по ст. 76² УК РФ:

«...Р. ранее не судим, подозревается в совершении преступления средней тяжести, загладил причиненный вред от преступления ... выплатил сумму причиненного ущерба ... раскаивается в содеянном...»⁷

⁵ Постановление о прекращении уголовного дела № 1-157/2014 от 30 окт. 2014 г. // Тотемский районный суд Вологодской области. URL: https://totemsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=79551829&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2025).

⁶ Постановление о прекращении уголовного дела № 1-148/2021 от 20 июля 2021 г. // Сокольский районный суд Вологодской области. URL: https://sokolsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8964387&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2025).

⁷ Постановление о прекращении уголовного дела № 1-100/2020 от 2 сент. 2020 г. // Шекснинский районный суд Вологодской области. URL: <https://sheksninsky-->

В указанный период региональными судами также применялся и особый правовой инструмент – амнистия, при этом обвиняемые освобождались от уголовного преследования в процессе рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции на основании ст. 84 УК РФ и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ:

«...Учитывая, что подсудимый впервые совершил преступление средней тяжести, принимая во внимание волеизъявление подсудимого и мнения участников процесса, ...суд постановил уголовное дело в отношении Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ, – прекратить ... вследствие акта об амнистии»⁸.

Приведем пример освобождения от уголовной ответственности за незаконные рубки лесных насаждений по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ:

«Государственный обвинитель в суде просил о прекращении уголовного дела в связи со смертью подсудимого ... близкий родственник подсудимого Т. ... выразил согласие на прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию, представитель потерпевшего М. не возражала против прекращения уголовного дела в связи со смертью подсудимого...»⁹

Судами региона уголовное преследование по преступлениям в сфере незаконного лесопользования по основанию, предусмотренному ст. 78 УК РФ, не применялось, что свидетельствует о достаточно скорых сроках предварительного и судебного следствия, об отсутствии проблем с выявлением противоправных деяний и установлением причастных лиц, а также сбором достаточной доказательственной базы [7, с. 163–165; 8, с. 117–118].

Анализируя причины прекращения уголовного преследования по ст. 260 УК РФ, можно выделить ряд общих характеристик: правонарушение было совершено лицом впервые; оно относится к категориям небольшой или средней степени тяжести; обвиняемый полностью компенсировал нанесенный ущерб либо принял иные меры для устранения последствий при условии согласия на то потерпевшего (или его представителя).

По результатам рассмотрения судебной практики по преступлениям в сфере лесопользования на примере Вологодской области можно сделать следующие выводы. Региональные суды активно применяют положения УК РФ, касающиеся оснований освобождения от уголовной ответственности за незаконные рубки лесных насаждений, однако в отношении деяний, последующих за незаконными рубками (ст. 191¹ УК РФ), ситуация кардинально отличается. Судебная практика региона пока не сформировала устойчивых подходов к прекращению уголовного преследования за приобретение, хранение, перевозку, переработку или же сбыт ранее незаконно заготовленной древесины, несмотря на то, что прошло уже более десяти лет с момента внесения в УК РФ соответствующих изменений. По мнению С.П. Грибунова и В.А. Косых, это свидетельствует о применении практическими работниками данного состава преступления с определенной осторожностью [9, с. 111; 10, с. 37]. Такую ситуацию можно объяснить тем, что зачастую состав преступления, предусмотренный ст. 191¹ УК РФ, вменяется лицам, виновным в преступных действиях с незаконно заготовленной древесиной в совокупности с иными тяжкими составами.

Также необходимо отметить, что применение правовых механизмов, позволяющих освободить лицо от ответственности или наказания по делам,

---

vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=46215892&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2025).

⁸ Постановление о прекращении уголовного дела № 1-124/2015 от 20 мая 2015 г. // Вологодский районный суд Вологодской области. URL: https://vologodsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=120052527&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2025).

⁹ Постановление о прекращении уголовного дела № 1-55/2024 от 11 апр. 2024 г. // Тотемский районный суд Вологодской области. URL: https://totemsky--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=106576531&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.10.2025).

связанным с незаконным оборотом древесины, остается недостаточно разработанным и вызывает определенные трудности на практике. Дознаватели и следователи органов внутренних дел Российской Федерации фактически не применяют основания прекращения уголовного преследования на этапе предварительного расследования преступлений в сфере незаконного оборота древесины, направляя уголовные дела для рассмотрения их судом по существу.

Список источников

1. Шершнева Е.Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов об охране и защите лесов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 28 с.
2. Качина Н.В., Мирончик А.С. Пути повышения эффективности уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. С. 103–112.
3. Корчагов С.А., Лупанова И.Н. К вопросу охраны лесов от незаконных рубок в Вологодской области // Известия вузов. Лесной журнал. 2016. № 2 (350). С. 41–46.
4. Дроздова Н.Ю. Лесная преступность Вологодской области в зеркале судебной статистики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 3(71). С. 223–232.
5. Беляев М.В. Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 472 с.
6. Дубровин В.В., Дубровина Е.Г. Соотношение освобождения от уголовной ответственности и от наказания // Юридическая наука. 2021. № 7. С. 124–126.
7. Судницын А.Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 176 с.
8. Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 117–118.
9. Косых В.А. К вопросу о применении ст. 191.1 УК РФ «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (уголовно-правовой аспект)» // Юридическая наука. 2020. № 1. С. 111–115.
10. Грибунов С.П. Особенности проведения проверки сообщения о преступлениях, предусмотренных ст. 191.1 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1. С. 36–44.

References

1. Shersneva E.Yu. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov ob ohrane i zashchite lesov: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2014. 28 s.
2. Kachina N.V., Mironchik A.S. Puti povysheniya effektivnosti ugolovnoj otvetstvennosti za nezakonnyuyu rubku lesnyh nasazhdenij // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. 2014. № 3. S. 103–112.
3. Korchagov S.A., Lupanova I.N. K voprosu ohrany lesov ot nezakonnyh rubok v Vologodskoj oblasti // Izvestiya vuzov. Lesnoj zhurnal. 2016. № 2 (350). S. 41–46.
4. Drozdova N.Yu. Lesnaya prestupnost' Vologodskoj oblasti v zerkale sudebnoj statistiki // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025. № 3(71). S. 223–232.
5. Belyaev M.V. Sudebnye resheniya v rossijskom ugolovnom processe: teoreticheskie osnovy, zakonodatel'stvo i praktika: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2019. 472 s.
6. Dubrovin V.V., Dubrovina E.G. Sootnoshenie osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti i ot nakazaniya // Yuridicheskaya nauka. 2021. № 7. S. 124–126.

7. Sudnicyn A.B. Zadachi predvaritel'nogo rassledovaniya: pravovaya priroda, sistema, problemy realizacii i puti sovershenstvovaniya: monografiya. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2019. 176 s.

8. Mihajlovskaya I.B. Social'noe naznachenie ugolovnoj yusticii i cel' ugolvnogo processa // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 5. S. 117–118.

9. Kosyh V.A. K voprosu o primenenii st. 191.1 UK RF «Priobretenie, hranenie, perevozka, pererabotka v celyah sbyta ili sbyt zavedomo nezakonno zagotovlennoj drevesiny (ugolovno-pravovoj aspekt)» // Yuridicheskaya nauka. 2020. № 1. S. 111–115.

10. Gribunov S.P. Osobennosti provedeniya proverki soobshcheniya o prestupleniyah, predusmotrennyh st. 191.1 UK RF // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 1. S. 36–44.

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Информация об авторе

Н.Ю. Дроздова – преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Вологодского института права и экономики ФСИН России (Россия, 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2).

Information about the author

N.Yu. Drozdova – Lecturer at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics, and Operational Investigative Activities at the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, 160002, Vologda, Shchetinina St., 2).

УДК 343

Проблемы уголовно-правового противодействия незаконному обналичиванию денежных средств

Марсель Саримович Дулкарнаев^{1,2}

¹Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, Казань, Россия, MSDulkarnaev@kpfu.ru

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Исследуются актуальные проблемы уголовно-правовой оценки деяний, связанных с незаконным обналичиванием денежных средств. Анализируется отсутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации специальной нормы, предусматривающей ответственность за данный вид противоправной деятельности, и рассматриваются подходы правоприменительной практики к квалификации таких деяний по смежным составам преступлений. Особое внимание уделяется проблемам разграничения незаконной банковской деятельности (ст. 172 Уголовного кодекса Российской Федерации), неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации) и легализации денежных средств (ст. 174, 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) применительно к схемам обналичивания. На основе анализа судебной практики, включая актуальные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, выявляются основные проблемы правоприменения и предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: незаконное обналичивание денежных средств, незаконная банковская деятельность, фирмы-однодневки, неправомерный оборот средств платежей, легализация доходов, квалификация преступлений, судебная практика

Для цитирования: Дулкарнаев М.С. Проблемы уголовно-правового противодействия незаконному обналичиванию денежных средств // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 62–68.

Problems of criminal law counteraction to illegal cashing of funds

Marcel S. Dulkarnaev^{1,2}

¹The Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, MSDulkarnaev@kpfu.ru

²Kazansky (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. Examines current issues in the criminal-legal assessment of acts related to the illegal cashing of funds. It analyzes the absence of a specific provision in the Criminal Code of the Russian Federation providing for liability for this type of illegal activity and examines approaches to law enforcement practice in classifying such acts under related crimes. Particular attention is paid to the problems of distinguishing between illegal banking activities (Article 172 of the Criminal Code of the Russian Federation), illegal circulation of payment instruments (Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation), and money laundering (Articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) in relation to cashing schemes. Based on an analysis of judicial practice, including relevant clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, the main problems of law enforcement are identified and ways to improve criminal legislation are proposed.

Keywords: illegal cashing of funds, illegal banking activities, shell companies, illegal circulation of payment instruments, money laundering, classification of crimes, judicial practice

For citation: Dulkarnaev M.S. Problems of criminal law counteraction to illegal cashing of funds // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 62–68.

Незаконное обналичивание денежных средств представляет собой одну из наиболее распространенных и общественно опасных теневых финансовых практик в современной России. Данный феномен выступает неотъемлемым элементом функционирования теневой экономики, обслуживая уклонение от уплаты налогов, вывод капитала за рубеж, финансирование противоправной деятельности и коррупционные схемы. Масштабы незаконного обналичивания, по оценкам экспертов, исчисляются сотнями миллиардов рублей ежегодно, что наносит существенный урон экономической безопасности государства.

Несмотря на очевидную общественную опасность, в уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствует специальная норма, непосредственно предусматривающая ответственность за незаконное обналичивание денежных средств. Как справедливо отмечается в научной литературе, «в Уголовном кодексе Российской Федерации не предусмотрена ответственность за такое деяние, как обналичивание, в тексте закона не содержится понятие этого явления и его характерные признаки. Обусловлено это тем, что термин «обналичивание» первоначально являлся сленговым и использовался для обозначения незаконных операций, связанных с получением наличных денег в различных формах. В дальнейшем он был воспринят правоприменительной практикой, а затем и наукой уголовного права» [1].

Данный законодательный пробел вынуждает правоприменителя прибегать к квалификации действий по обналичиванию по иным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ), что порождает многочисленные проблемы, связанные с разграничением со смежными составами, доказыванием субъективной стороны, определением момента окончания преступления и размера причиненного ущерба.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе проблем уголовно-правового противодействия незаконному обналичиванию денежных средств и выработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: анализ понятия и сущности незаконного обналичивания, исследование практики квалификации таких деяний по действующим статьям УК РФ, выявление проблем разграничения смежных составов преступлений, рассмотрение актуальных разъяснений высших судебных инстанций, формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования.

Учитывая, что существенной юридической проблемой в секторе проводимого исследования выступает пробел в использовании нужного терминологического инструментария, отметим, что в действующем российском законодательстве легальное определение незаконного обналичивания денежных средств отсутствует.

В наиболее общем виде под ним понимается деятельность по переводу безналичных денежных средств, находящихся на банковских счетах, в наличную форму с нарушением установленного порядка и с сокрытием истинного источника происхождения средств или назначения платежа. Субъектами такой деятельности выступают, как правило, лица, осуществляющие незаконную банковскую деятельность с использованием подконтрольных организаций, нередко обладающих признаками фирм-однодневок.

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г., с изм. и доп. от 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как указывает В.В. Лошкарев, предложенная в научной литературе теория противодействия незаконным финансовым операциям «основана на опыте по противодействию незаконному обналичиванию денежных средств контролирующими и правоохранительными органами, судебной практике по ст. 171, 172, 173.1, 173.2, 187, 199 УК РФ, практики прокурорского надзора в этой сфере» [2].

Квалификация исследуемой формы криминальной деятельности по вышеуказанным статьям УК РФ находится в прямой зависимости от способов незаконного обналичивания денежных средств. В настоящее время в судебной практике встречаются следующие их основные разновидности:

1. Использование фирм-однодневок. Данный способ является наиболее распространенным. Как отмечается в научной литературе, «фирмы-однодневки используются для незаконного транзита и обналичивания денежных средств» [3]. Схема заключается в следующем: заказчик перечисляет безналичные денежные средства на счета подконтрольных организаций с фиктивным основанием (например, за якобы поставленные товары или оказанные услуги). Затем денежные средства обналичиваются через подставных лиц и возвращаются заказчику за вычетом комиссии (обычно составляющей от 3 до 10 %).

2. Использование банковских карт подставных лиц. Физические лица, нередко находящиеся в уязвимом положении (лица без определенного места жительства, лица с низким доходом), за вознаграждение оформляют на себя банковские карты и передают их организаторам схемы. В судебной практике встречаются случаи, когда «электронные кошельки, оформленные на третье лицо», используются для расчетов, а обналичивание денежных средств осуществляется «через банковские карты других лиц»².

3. Использование фиктивных договоров займа. Данный способ иллюстрируется следующим примером из практики прокуратуры Тверской области: Житель Псковской области заключил фиктивный договор займа с организацией, после истечения срока возврата взыскал средства через исполнительную подпись нотариуса, однако прокуроры установили, что «вся проведенная сделка была притворной, поскольку юридическое лицо было создано без цели осуществления финансово-хозяйственной деятельности, то есть «номинально». Кроме того, анализ материального положения жителя Псковской области показал, что у него попросту не было таких денег. Фактически целью данной сделки являлось обналичивание денежных средств в обход банковских механизмов»³.

В последнее время судебная практика идет по пути квалификации такого рода деятельности по ст. 172 УК РФ (незаконная банковская деятельность), а ранее (есть такие приговоры) применяли ст. 171 УК РФ, то есть такую деятельность признавали незаконной предпринимательской [4], что с точки зрения автора оспоримо в рамках учения о конкуренции деяний.

Статья 172 УК РФ является специальной по отношению к ст. 171 УК РФ и устанавливает ответственность за осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере.

---

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 13 янв. 2021 г. № 36-УД20-7-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Прокурор разъясняет. Незаконное обналичивание денежных средств и создание «фирм-однодневок» может повлечь привлечение к уголовной ответственности // Прокуратура Пензенской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_58/activity/legal-education/explain?item=24478958 (дата обращения: 15.02.2026).

Квалификация незаконного обналичивания по ст. 172 УК РФ основана на том, что деятельность по переводу безналичных денежных средств в наличные с использованием подконтрольных организаций по своей сути является банковской операцией (кассовое обслуживание), которая требует лицензирования.

В судебной практике встречаются приговоры по совокупности преступлений, включающих ст. 172 УК РФ. Так, Третий кассационный суд общей юрисдикции рассматривал дело по обвинению по ч. 4 ст. 159, п. «б» ч. 2 ст. 172, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ (мошенничество, незаконная банковская деятельность, легализация денежных средств, приобретенных лицом в результате совершения им преступления)⁴.

При этом возникают сложности с доказыванием признаков объективной стороны. Как указано в кассационном определении, «отсутствие в обвинительном заключении указаний на конкретные банковские операции не свидетельствует о нарушении уголовно-процессуального закона и не является препятствием для установления обстоятельств преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ, поскольку приведенными в приговоре доказательствами подтвержден факт перевода денежных средств индивидуальным предпринимателям, а также факт обналичивания денежных средств осужденными и получение ими дохода»⁵.

Встречаются случаи квалификации деяния, ставшего предметом данного исследования по ст. 187 УК РФ, устанавливающей ответственность за неправомерный оборот средств платежей, включая изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыта, а также сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

В практике применения данной нормы возникают сложные вопросы толкования. Как отмечает профессор И.А. Клепицкий, «для вменения ст. 187 УК РФ необходимо, чтобы электронные средства платежа были поддельными, и при этом недостаточно того, чтобы они позволяли распоряжаться деньгами без ведома подставного лица, нужно, чтобы они обладали особыми свойствами, позволяющими сделать такое распоряжение в обход используемых банком систем идентификации клиента и (или) защиты компьютерной информации» [5].

Однако в судебной практике наблюдается тенденция к расширительному толкованию предмета преступления, закрепленного в ст. 187 УК РФ: «в большинстве случаев электронные средства платежа понимаются широко, не требуется, чтобы они были поддельными и конструктивно предназначенными для неправомерного использования. Такое толкование закона представляется небесспорным, так как с неизбежностью влечет его избирательное произвольное применение и не отвечает принципу экономии уголовной репрессии» [5].

Вопрос о применении статей о легализации доходов к операциям по обналичиванию также является дискуссионным. Сложность заключается в том, что само по себе обналичивание может рассматриваться как способ сокрытия преступного происхождения средств, однако не всегда образует состав легализации.

Важные разъяснения по этому вопросу даны Верховным Судом Российской Федерации в определении по конкретному уголовному делу. Как следует из материалов дела, осужденный использовал для расчетов за незаконную торговлю наркотиками электронные кошельки, оформленные на третье лицо, а обналичивал денежные средства через банковские карты других лиц. Суд первой инстанции признал его виновным по ст. 174.1 УК РФ, однако Верховный Суд Российской Федерации исключил данный состав из объема обвинения, сославшись на недоказанность цели отмыывания доходов, поскольку, по мнению суда, «указанные

⁴ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27 июня 2024 г. № 77-1311/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Там же.

операции являлись лишь финансовым инструментом, направленным на сокрытие преступной деятельности»⁶.

Поэтому одной из наиболее сложных проблем правовой оценки исследуемого девиантного поведения является отграничение легализации (отмывания) от простого использования средств, полученных преступным путем. В упомянутом выше определении Верховного Суда Российской Федерации подчеркивается, что для квалификации по ст. 174.1 УК РФ необходимо установить цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами.

В этом случае существенное значение имеет позиция Верховного Суда Российской Федерации по делу о конвертации криптовалюты. В кассационном определении по делу, рассмотренному Рязанским областным судом, Верховный Суд Российской Федерации указал, что «способ получения средств через последовательные финансово-банковские операции, а именно: зачисление средств на подконтрольный виртуальный счет – криптовалюту «биткойн», ее дальнейшая конвертация через различные виртуальные обменники в рубли, перечисление средств на банковские карты, оформленные на другое лицо, и обналичивание их через банковские терминалы свидетельствует о наличии у осужденного цели легализации денежных средств».

Верховный Суд Российской Федерации также разъяснил, что «для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, не требуется обязательное вовлечение легализованных средств в экономический оборот, поскольку ответственность по указанной статье закона наступает при установлении самого факта совершения финансовых операций с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом»⁷.

Сложности в правоприменительной практике связаны также с определением момента окончания преступлений, совершаемых в рамках схем незаконного обналичивания. Данная проблема особенно актуальна для квалификации по ст. 172, 187 УК РФ, которые сконструированы как материальные (ст. 172) и формальные (ст. 187) составы.

По ст. 172 УК РФ требуется установление крупного ущерба или извлечение дохода в крупном размере. При этом возникает вопрос о том, с какого момента следует исчислять размер дохода, и подлежат ли учету средства, полученные в результате незаконной банковской деятельности, но еще не распределенные между участниками схемы.

Проблема незаконного обналичивания имеет не только уголовно-правовое, но и налогово-правовое измерение. В судебной практике по налоговым спорам нередко устанавливаются факты использования налогоплательщиками схем обналичивания для уклонения от уплаты налогов.

Как отмечается в подборке судебных решений за 2025 г., «суд отметил, что налогоплательщик через спорных контрагентов осуществлял незаконный вывод и обналичивание денежных средств на выплату заработной платы «в конвертах» работникам, отношения с которыми надлежащим образом не были оформлены. В результате применения данной схемы налогоплательщик не исчислял НДФЛ, страховые взносы, неправомерно увеличивал расходы по налогу на прибыль и вычеты по НДС»⁸.

---

⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 13 янв. 2021 г. № 36-УД20-7-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Там же.

⁸ Подборка судебных решений за 2025 год: ст. 54.1 «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов» Налогового кодекса Рос. Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В другом деле «суд пришел к выводу, что налогоплательщик воспользовался услугами «площадки» организаций по оказанию услуг в сфере незаконного финансового посредничества и обналичивания денежных средств, специализирующейся на массовой регистрации хозяйствующих субъектов для использования их реквизитов в платежных операциях и имитации финансово-хозяйственной деятельности, участниками которой являлись и спорные контрагенты»⁹.

Таким образом, установление факта использования схем обналичивания влечет отказ в признании расходов для целей налогообложения и применении налоговых вычетов, что приводит к доначислению налогов, пеней и штрафов.

Проведенное исследование с демонстрацией системных и частных проблем уголовно-правового противодействия незаконному обналичиванию денежных средств позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию уголовного законодательства в рассматриваемой сфере правового регулирования.

Во-первых, необходима легализация понятия «незаконное обналичивание денежных средств». Представляется целесообразным законодательное его закрепление с определением юридически значимых признаков. Это позволит унифицировать правоприменительную практику и устранить неопределенность в квалификации.

Во-вторых, требуется включение в УК РФ специальной нормы, устанавливающей ответственность за незаконное обналичивание денежных средств. Она могла бы быть размещена в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» и предусматривать дифференцированную ответственность в зависимости от размера обналиченных средств и организованных форм преступной деятельности.

В-третьих, целесообразно рассмотреть вопрос об установлении ответственности за создание условий для незаконного обналичивания денежных средств.

Наряду с изменением законодательства, важное значение имеет совершенствование правоприменительной практики. Суды сталкиваются с необходимостью преодоления законодательной неопределенности путем толкования, что не всегда приводит к единообразным результатам. Поэтому необходимым представляется подготовка Пленумом Верховного Суда Российской Федерации разъяснений по вопросам квалификации незаконного обналичивания, разграничения смежных составов преступлений, определения размера дохода и момента окончания преступления.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии серьезных проблем в сфере уголовно-правового противодействия незаконному обналичиванию денежных средств. Отсутствие специальной нормы, разрозненность подходов к квалификации, сложности в доказывании субъективной стороны и разграничении смежных составов преступлений существенно снижают эффективность борьбы с данным негативным явлением. Комплексное решение указанных проблем будет способствовать повышению эффективности противодействия теневой экономике, защите экономической безопасности государства и обеспечению неотвратимости ответственности за посягательства на установленный порядок осуществления финансовых операций.

Список источников

1. Попова О.С., Ряховский Д.И. Налоговое преступление: правонарушение или злоупотребление? // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 7. С. 45.

⁹ Подборка судебных решений за 2024 год: ст. 172 «Порядок применения налоговых вычетов» гл. 21 «Налог на добавленную стоимость» Налогового кодекса Рос. Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Лошкарев В.В. Незаконные финансовые операции: теория и практика противодействия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 9. С. 12.

3. Бальжинимаева В.В. Фирмы-однодневки как средство преступления // Уголовное право. 2025. № 7. С. 23.

4. Лошкарев В.В. Незаконные финансовые операции: теория и практика противодействия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 9. С. 15.

5. Клепичский И.А. Предмет неправомерного оборота средств платежей // Уголовное право. 2025. № 8. С. 13–21.

References

1. Popova O.S., Ryahovskij D.I. Nalogovoe prestuplenie: pravonarushenie ili zloupotreblenie? // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2024. № 7. S. 45.

2. Loshkarev V.V. Nezakonnye finansovye operacii: teoriya i praktika protivodejstviya // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2023. № 9. S. 12.

3. Bal'zhinimaeva V.V. Firmy-odnodnevki kak sredstvo prestupleniya // Uголовное право. 2025. № 7. S. 23.

4. Loshkarev V.V. Nezakonnye finansovye operacii: teoriya i praktika protivodejstviya // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2023. № 9. S. 15.

5. Klepickij I.A. Predmet nepravomernogo oborota sredstv platezhej // Uголовное право. 2025. № 8. S. 13–21.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 19.02.2026.

The article was submitted 26.12.2025; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 19.02.2026.

Информация об авторе

М.С. Дулкарнаев – заместитель руководителя следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан (Россия, 420015, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Большая Красная, 39), соискатель Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, к. 1).

Information about the author

M.S. Dulkarnaev – Deputy Head of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan (Russia, 420015, Republic of Tatarstan, Kazan, Bolshaya Krasnaya str., 39), Candidate of the Kazan (Volga Region) Federal University (Russia, 420008, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str., 18, k. 1).

УДК 343

Законодательство при рецидиве: проблемы теории и практики

Николай Викторович Круподеров

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, Men.7.02@mail.ru

Аннотация. Нормы отечественного уголовного законодательства о рецидиве направлены на предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и лицами, впервые совершающими преступление. Преступление, в какой бы форме оно не совершалось, в своей основе опирается на социальные и социально-психологические свойства личности, которые определяют выбор общественно опасного варианта поведения. Взаимосвязь преступлений в рецидиве обусловлена тем, что те черты личности, которые сыграли роль при совершении первого преступления, не сразу могут быть подвергнуты изменению. Анализ понятия рецидива, разработка основ построения соответствующих уголовно-правовых норм должны обеспечивать сокращение вышеуказанных преступлений. В процессе проведения исследования установлено, что недостаточно только выявления и устранения проблем рецидива в законодательной сфере. Для предотвращения ошибок в сфере рецидива необходимо совершенствовать уголовное законодательство и правоприменительную практику. Определяющим является то, что деятельность на законотворческом, правоприменительном и правоисполнительном уровнях носила системный характер и была направлена на минимизацию уголовного рецидива. Ослабление этой деятельности может негативно отразиться на работе органов правосудия и органов, исполняющих уголовные наказания.

Ключевые слова: законодательство, исправительное учреждение, квалификация, наказание, рецидив, судимость

Для цитирования: Круподеров Н.В. Законодательство при рецидиве: проблемы теории и практики // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 69–74.

Legislation in case of recidivism: problems of theory and practice

Nikolay V. Krupoderov

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia, Men.7.02@mail.ru

Abstract. Domestic criminal law provisions on recidivism are aimed at preventing the commission of new crimes by both convicted offenders and first-time offenders. Crime, regardless of its form, is fundamentally based on the social and socio-psychological characteristics of an individual, which predetermine the choice of socially dangerous behavior. The interconnectedness of recidivism stems from the fact that the personality traits that played a role in the commission of the first crime cannot be immediately changed. An analysis of the concept of recidivism and the development of a framework for constructing corresponding criminal law norms should ensure a reduction in the incidence of these crimes. The study found that simply identifying and addressing recidivism issues in the legislative sphere is insufficient. To prevent recidivism, it is necessary to improve criminal legislation and law enforcement practices. It is crucial that legislative, law enforcement, and enforcement efforts be systemic and aimed at minimizing criminal recidivism. The weakening of this activity may negatively impact the work of the judiciary and the bodies executing criminal penalties.

Keywords: legislation, correctional institution, qualifications, punishment, relapse, criminal record

For citation: Krupoderov N.V. Legislation in case of recidivism: problems of theory and practice // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 69–74.

Одним из значимых признаков рецидива является возвращение виновного к преступной деятельности, несмотря на отрицательную оценку его действий, выразившуюся в назначении уголовного наказания. Чтобы не допустить продолжения подобного процесса формирования и закрепления личностных черт, в ходе исполнения наказания сотрудники исправительных учреждений должны принимать меры по закреплению в поведении осужденных социально полезных личностных черт. Однако нередко шансы на преобразование отрицательных черт личности впервые осужденных упускаются, в силу ряда причин: недочеты в квалификации рецидива, неправильное определение вида исправительного учреждения. Устранение вышеуказанных неточностей и упущений в судебной практике позволит прогнозировать поведение лица, которому назначено наказание в виде лишения свободы, и с учетом этого принимать меры профилактического воздействия.

Анализ судебной практики показывает, что за последние годы уменьшается число лиц, имеющих судимость. Количество осужденных с непогашенной судимостью в 2024 г. сократилось на 14,5 % – с 207 513 человек в 2023 г. до 177 022. К реальному лишению свободы за 2024 г. были приговорены 89 552 рецидивиста. В 2023 г. их было 106 419 [1].

При рецидиве преступлений нередко подвергаются опасности жизнь либо здоровье людей в результате преступных действий, в связи с чем принципиально важными являются совершенствование уголовного законодательства об ответственности за рецидив преступлений и исполнения наказания.

Снижение количества рецидива связано с уменьшением количества преступлений и, соответственно, самой возможности рецидива, а также с изменениями в правоприменительной практике. Позитивная статистика может свидетельствовать об эффективности пенитенциарной политики, в том числе внедрении элементов пробации, ресоциализации и программ сопровождения осужденных после освобождения [2, с. 324].

Вместе с тем следует отметить рост числа впервые совершивших преступления на фоне социально-экономического кризиса [3], что означает неблагоприятные тенденции для будущего роста рецидивных преступлений. Систематическое изучение и исследование проблемы уголовно-правового рецидива ведется как научно-исследовательскими институтами, так и представителями науки уголовного и уголовно-исполнительного права, смежных юридических наук, что значительно усиливает правовые, организационные и воспитательные меры борьбы с рецидивом, в том числе среди осужденных. Как отмечал М.П. Журавлев, который в советское время вел исследование категории особо опасных рецидивистов, это ни в коей мере не означает, что можно меньше уделять внимания вопросам борьбы с рецидивом и перевоспитания лиц, признанных особо опасными рецидивистами. В силу высокой степени социально-нравственной запущенности рассматриваемая категория преступников наиболее трудно поддается исправлению и перевоспитанию [4, с. 8]. Такой вывод в значительной степени является правильным по отношению к современному рецидиву, что предопределяет научно-исследовательскую работу по изучению понятия и вида рецидива, улучшению применения и исполнения наказания в отношении данной категории осужденных.

Изучая структуры различных видов рецидива, можно установить вероятные закономерности, предопределяющие характер рецидивных преступлений, временные интервалы между ними и другие сведения, которые сохраняют свою значимость при рассмотрении уже конкретного индивидуального поведения [5, с. 16]. Нельзя пренебрегать латентными преступлениями, так как они способствуют возникновению и закреплению чувства безнаказанности. Следует отметить, что при рецидиве придается значение не столько факту совершения преступления, сколько осуждению

лица за его совершение. Когда речь идет о рецидиве, необходимо учитывать обстоятельства, связанные с совершением первого преступления, и его характер, первое осуждение, первое отбывание наказания и освобождение от него.

Информация о легальном рецидиве касается и такого его вида, как пенитенциарный. Отличие заключается лишь в том, что пенитенциарный рецидив имеет место во время отбывания наказания. Особая его опасность определяется тем, что лицо совершает новое преступление, еще не отбыв наказание за предыдущее. Отрицательно сказывается ненадлежащее проведение воспитательной работы с отрицательно характеризующимися осужденными, в том числе состоящими на профилактическом учете как лиц, склонных к совершению преступлений, отсутствие контроля за их поведением, незаконное применение мер дисциплинарного воздействия [6, с. 110]. Кроме того, при отбывании наказания в виде лишения свободы лицо находится под надзором сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы, но и это его не останавливает.

Среди ученых существует мнение, относительно иного понятия пенитенциарного рецидива. Например А.Х. Кунашев, под пенитенциарным рецидивом понимает «повторное отбывание лицом наказания в виде лишения свободы» [7, с. 4]. Данный подход к определению является спорным, поскольку в его основу определения положена не сфера совершения преступления, а сфера исполнения наказания.

Действующий уголовный закон устанавливает правила назначения вида исправительного учреждения в зависимости от вида рецидива и других обстоятельств. Отнесение конкретного лица к какой-либо категории осуществляется судом при вынесении приговора и влечет для осужденного ряд уголовно-правовых последствий, установленных законодательством. Это может быть увеличение размера наказания, исключение возможности применения наказания, не связанного с лишением свободы, помещение в особые условия при исполнении наказания.

Уголовный закон связывает преступление, представляющее рецидив с определенными тяжкими последствиями для их субъектов, со специальным правовым режимом, необходимым для эффективной борьбы с рецидивными преступлениями. Предусматривается более строгое наказание по сравнению с остальными видами таких преступлений и всегда со специальным минимумом, исключающим возможность назначения более мягкого наказания.

Рецидив увеличивает уголовную ответственность наказуемого, так как повторность совершения преступного деяния влечет большую общественную опасность [8, с. 111].

Результаты анализа уголовных дел подтверждают, что на практике существуют проблемы, связанные с выбором исправительного учреждения при рецидиве, игнорированием отсутствия предыдущего реального уголовного наказания в виде лишения свободы; неучет категории преступления при совокупности приговоров; нарушения при мотивировке решения; неточности, связанные с зачетом времени содержания под стражей. Также суды допускают ошибки, связанные с неправильным применением норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства¹.

Так, апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 28 октября 2024 г. по делу № 22-7835/2024² установлено, что течение срока погашения судимости, исчисляемого в соответствии с пп. «б»–«д» ч. 3 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации³ (УК РФ), начинается на следующий день после отбытия или исполнения назначенного по приговору суда

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 9 нояб. 2021 г. № 89-УДП21-21-К7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 28 окт. 2024 г. по делу № 22-7835/2024 // Бюл. судебной практики по уголовным делам IV квартал 2024 г. С. 10–11.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г. с изм и доп. от 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

наказания. Суд первой инстанции не учел разъяснения, содержащиеся в абз. п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 г. № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости»⁴.

В судебной практике встречаются сложности, связанные с квалификацией рецидива и учетом судимостей.

Апелляционным постановлением Свердловского областного суда от 4 мая 2023 г. по делу № 22-3055/2023 установлено, что если отягчающее наказание обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания. Судом апелляционной инстанции исключены решения о признании обстоятельством, отягчающим наказание Б., рецидив преступлений и о применении при назначении наказания правил ч. 2 ст. 68 УК РФ, ввиду неправильного применения уголовного закона, что повлекло изменение приговора и смягчение наказания⁵.

Ошибки могут возникать из-за неоднозначной интерпретации законодательства и трудностей в его применении [9, с. 262], на что обратил внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации⁶.

Изучение следственной и судебной практик свидетельствует о том, что опасность рецидива преступлений велика со стороны судимых лиц молодежного возраста, отрицательно характеризовавшихся до осуждения. Устойчивая антиобщественная установка этих лиц требует повышенного внимания к ним с целью предупреждения рецидива как во время отбывания наказания, так и после освобождения. Молодежи особенно присуще тенденция сопротивления предупредительным и исправительным мероприятиям. В своем большинстве они не воспринимают прямое нравоучение, а наоборот, настраиваются на сопротивление предупредительного влияния. Необходим поиск путей косвенного воздействия через организацию жизни и быта, через социальные группы, а также общественные организации.

Проведенное исследование и его рекомендации подтвердили наличие сложностей при классификации рецидива, выборе меры уголовного наказания за рецидив преступлений, обоснование срока сохранения судимости, выбор исправительного учреждения при рецидиве, приоритетных направлений в предупредительной работе с лицами, впервые совершившими преступление.

Вышеуказанные ошибки, связанные с неправильным применением норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, имеют негативные последствия, ухудшают положение осужденного, допускают возможность применения к нему избыточных правовых ограничений. Такие ошибки могут привести к отмене или изменению приговора в апелляционном или кассационном порядке. Судам следует тщательно проверять материалы дела на предмет фактического отбывания наказаний и корректности квалификации рецидива, учитывать только неснятые и непогашенные судимости на момент совершения нового преступления.

---

⁴ О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости: постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 7 июня 2022 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 4 мая 2023 г. по делу № 22-3055/2023 // Бюл. судебной практики по уголовным делам II квартал 2023 г. С. 13–14.

⁶ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23 дек. 2025 г. № 40. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 г. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 05.01.2026).
2. Скиба А.П. Принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»: некоторые направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного права в контексте предупреждения совершения новых преступлений // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества: сб. тезисов выступлений и докладов участников Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 322–326.
3. Сводный отчет по России. Сведения о лицах, совершивших преступления за январь–декабрь 2024 гг. Ф. 492. К. 1
4. Журавлев М.П. Особо опасные рецидивисты. М., 1973. 37 с.
5. Чукмаитов Д.С. Влияние первого преступления на последующую противоправную деятельность рецидивистов: учеб. пособие / под ред. А.С. Михлина. М.: ВНИИ МВД РФ, 1994. 88 с.
6. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2024 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. ректора Университета прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. И.М. Мацкевича. М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2025. 204 с.
7. Кунашев А.Х. Уголовная ответственность за рецидив преступлений по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. 365 с.
8. Голубовский В.Ю. Пределы уголовной ответственности при рецидиве преступлений // Проблемы права. 2022. № 4(87). С. 110–113.
9. Шагиева А.А. Квалификация преступлений, совершаемых при рецидиве, некоторые вопросы назначения наказания при рецидиве преступлений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-5(96). С. 261–264.

References

1. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2024 g. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (data obrashcheniya: 05.01.2026).
2. Skiba A.P. Prinyatie Federal'nogo zakona «O probacii v Rossijskoj Federacii»: nekotorye napravleniya sovershenstvovaniya ugovolno-ispolnitel'nogo i inogo prava v kontekste preduprezhdeniya soversheniya novyh prestuplenij // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossijskoj Federacii: voprosy ispolneniya ugovolnyh nakazaniy, realizacii mer probacii, vzaimodejstviya s publichnoj vlast'yu i institutami grazhdanskogo obshchestva: sb. tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., priuroch. k 90-letiyu so dnya obrazovaniya Akademii FSIN Rossii. Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2024. S. 322–326.
3. Svodnyj otchet po Rossii. Svedeniya o licah, sovershivshih prestupleniya za yanvar'-dekabr' 2024 gg. F. 492. K. 1
4. Zhuravlev M.P. Osobo opasnye recidivisty. M., 1973. 37 s.
5. Chukmaitov D.S. Vliyanie pervogo prestupleniya na posleduyushchuyu protivopravnyuyu deyatel'nost' recidivistov: ucheb. posobie / pod red. A.S. Mihlina. M.: VNII MVD RF, 1994. 88 s.
6. Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossijskoj Federacii i rabota organov prokuratury. 2024 god: inform.-analit. zapiska / pod obshch. red. rektora Universiteta

prokuratury Rossijskoj Federacii d-ra jurid. nauk, prof. I.M. Mackevicha. M.: Un-t prokuratury Ros. Federacii, 2025. 204 s.

7. Kunashev A.H. Ugolovnaya otvetstvennost' za recidiv prestuplenij po sovetskomu ugovnomu pravu: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1970. 365 s.

8. Golubovskij V.Yu. Predely ugovnoy otvetstvennosti pri recidive prestuplenij // Problemy prava. 2022. № 4(87). S. 110–113.

9. Shagieva A.A. Kvalifikaciya prestuplenij, sovershaemyh pri recidive, nekotorye voprosy naznacheniya nakazaniya pri recidive prestuplenij // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2024. № 9-5(96). S. 261–264.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 28.02.2026.

The article was submitted 26.12.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 28.02.2026.

Информация об авторе

Н.В. Круподеров – аспирант кафедры уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (Россия, 620066, г. Екатеринбург, ул. Комсомола, 21).

Information about the author

N.V. Krupoderov – postgraduate student at the M.I. Kovalev Department of Criminal Law of the V.F. Yakovlev Ural State Law University (Russia, 620066, Yekaterinburg, Komsomol St., 21).

УДК 343.827

Правовая природа ответственности осужденных к лишению свободы за нарушение установленного порядка отбывания наказания

Максим Сергеевич Сугатов

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания, Рязань, Россия, sugatov.2015@mail.ru, SPIN-код: 2556-8328

Аннотация. Рассмотрена проблема определения правовой природы ответственности осужденных к лишению свободы за нарушение установленного порядка отбывания наказания, которая сохраняет дискуссионный характер в современной уголовно-исполнительной науке. Проанализированы основные доктринальные подходы, в рамках которых данная ответственность интерпретируется как дисциплинарная, уголовно-исполнительная либо пенитенциарная. На основе изучения и сопоставления научных позиций выявлены существенные особенности рассматриваемого института и подчеркивается необходимость дальнейшего научного осмысления его отраслевой специфики. По итогам исследования сформулирован вывод, позволяющий уточнить место данного вида ответственности в системе уголовно-исполнительных правоотношений.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность осужденных, уголовно-исполнительные правоотношения, нарушение установленного порядка отбывания наказания, дисциплинарный проступок, пенитенциарная ответственность, правовая природа

Для цитирования: Сугатов М.С. Правовая природа ответственности осужденных к лишению свободы за нарушение установленного порядка отбывания наказания // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 75–80.

The legal nature of liability of persons sentenced to imprisonment for violating the established procedure for serving their sentence

Maxim S. Sugatov

Academy of law and management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia, sugatov.2015@mail.ru, SPIN: 2556-8328

Abstract. This article examines the issue of determining the legal nature of liability of persons sentenced to imprisonment for violating the established procedure for serving their sentence, a topic that remains controversial in modern penal science. The main doctrinal approaches interpreting this liability as disciplinary, penal, or penitentiary are analyzed. Based on the study and comparison of scientific positions, key areas of discussion are identified, the essential features of this institution are revealed, and the need for further scientific understanding of its specific field is emphasized. Based on the results of the study, a general conclusion is drawn, allowing us to clarify the place of this type of liability within the system of criminal-executive legal relations.

Keywords: disciplinary liability of convicts, criminal-executive legal relations, violation of the established procedure for serving a sentence, disciplinary offence, penitentiary liability, legal nature

For citation: Sugatov M.S. The legal nature of the liability of persons sentenced to imprisonment for violating the established procedure for serving a sentence // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 75–80.

Согласно требованиям уголовно-исполнительного законодательства осужденные обязаны соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок

и условия отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов. Несоблюдение этих требований влечет установленную законом ответственность, правовая природа которой продолжает оставаться предметом научных дискуссий в доктрине уголовно-исполнительного права. Одна часть ученых именует ее дисциплинарной [1, 2], другая – исправительно-трудовой (уголовно-исполнительной) [3, 4], пенитенциарной [5] или специальной ответственностью [6].

Большинство из числа пенитенциарного научного сообщества признает ответственность осужденных к лишению свободы за нарушение установленного порядка отбывания наказания именно дисциплинарной. В качестве ее специфической черты выделяется отношение подчиненности.

В научной литературе, начиная от работ А.А. Жижиленко [7], Н.А. Стручкова [8] и вплоть до современных исследователей [9], последовательно проводится подход, согласно которому ответственность осужденных носит дисциплинарный характер, что связывается авторами с наличием отношений подчиненности между осужденным и администрацией исправительного учреждения.

Соглашаясь с приведенными научными позициями, подчеркнем, что отношение подчиненности осужденных в местах лишения свободы имеет специфический характер. В отличие от общего подчинения государству как таковому, здесь речь идет об особом подчинении государству в лице администрации исправительного учреждения, которая, реализуя меры ответственности, обеспечивает охрану не всего государственного правопорядка, а только уголовно-исполнительных правоотношений.

Другой отличительной чертой дисциплинарной ответственности является характер правонарушения. В научной литературе прослеживается достаточно устойчивый подход, в рамках которого нарушение установленного порядка отбывания наказания рассматривается как проявление дисциплинарного проступка [2, 10, 11].

Таким образом, стоит признать дисциплинарный характер ответственности осужденных к лишению свободы за нарушения установленного порядка отбывания наказания.

При этом важно отметить, что в уголовно-исполнительном законодательстве, хотя и официально ответственность осужденных к лишению свободы за нарушение установленного порядка отбывания наказаний не называется «дисциплинарной», но косвенно указывается на это. Так, например, в п. 575 приказа Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»¹ содержится формулировка «дисциплинарное взыскание», а в п. «б» ч. 1 ст. 115 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации² указывается на такую меру взыскания, как «дисциплинарный штраф».

Вместе с тем считаем, что мнение относительно дисциплинарного характера ответственности осужденных к лишению свободы за нарушение режима требует дополнительной аргументации, поскольку для определения правовой природы недостаточно назвать ответственность так или иначе, важно еще и определить ее место в системе юридической ответственности.

---

¹ Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110. Доступ из справ.-правового портала «Гарант».

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 17 дек. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, даже среди тех ученых, которые считают ответственность осужденных к лишению свободы за нарушения установленного порядка отбывания наказания дисциплинарной, существуют разные мнения.

Наиболее популярным является подход, в рамках которого ответственность осужденных рассматривается как специальная разновидность дисциплинарной, однако такая классификация относится преимущественно к трудовому праву и не вполне применима к уголовно-исполнительным отношениям.

В этой связи А.С. Михлин, поддерживая мнение Г.А. Фирсова, считал наиболее правильным говорить об исправительно-трудовой (уголовно-исполнительной) ответственности как самостоятельном подвиде дисциплинарной ответственности [12]. В то же время П.Е. Конегер пришел к выводу, что в силу имеющихся отличий и специфических, присущих только сфере уголовно-исполнительных правоотношений особенностей, – это полноценный самостоятельный вид юридической ответственности [13].

Учитывая имеющиеся особенности, И.В. Шмаров также предлагал рассматривать дисциплинарную ответственность осужденных в качестве самостоятельного вида юридической ответственности – исправительно-трудовой [14].

Анализ вышеуказанных научных позиций позволяет сделать следующие выводы. Так, называя дисциплинарную ответственность осужденных к лишению свободы самостоятельным видом юридической ответственности, необходимо разрешить вопрос о ее соотношении с иными видами дисциплинарной ответственности. В теории права также говорят о дисциплинарной ответственности работников, служащих, обучающихся и других категориях [15]. Представляется, что, несмотря на имеющиеся отличительные черты данных видов ответственности, которые подчеркивают их своеобразие, важно учитывать их общую дисциплинарную природу. Это отношение подчиненности и нарушение дисциплины как основание для возникновения ответственности. Таким образом, очевиден дисциплинарный характер, так называемое дисциплинарное «ядро» рассматриваемого вида ответственности.

Вместе с тем такие отличительные черты, как: специфический характер мер уголовно-исполнительного принуждения, особенности субъектного состава, особый порядок применения дисциплинарной ответственности и особая сфера правового регулирования, наличие определенных прав и обязанностей между субъектами рассматриваемого правоотношения, закрепленных уголовно-исполнительным законодательством [9, 13], подчеркивают своеобразие, что позволяет сделать вывод о трансформации дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы в уголовно-исполнительных правоотношениях и выделении ее в иную разновидность юридической ответственности.

В юридической науке неоднократно высказывались по этому поводу. Так, Д.А. Липинский, А.П. Ельчанинов, О.Ю. Ельчанинова, Р.С. Хаснутдинов, В.Е. Южанин, Д.В. Горбань выдвигают концепцию уголовно-исполнительной ответственности. В обоснование своей позиции они указывают на то, что уголовно-исполнительное право является самостоятельной отраслью права, а соответственно имеет свой институт юридической ответственности [3, 16–18].

Действительно, самостоятельность отрасли уголовно-исполнительного права в настоящее время признается большинством исследователей [19, 20]. Вместе с тем, по мнению авторов, говорить о дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы как самостоятельном виде «уголовно-исполнительной ответственности» не совсем корректно. Здесь стоит принимать во внимание, что предмет уголовно-исполнительного права охватывает не только исполнение наказания в виде лишения свободы, но и наказания, не связанного с изоляцией от общества, а также иные меры уголовно-правового характера.

Поскольку дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы обусловлена особой сферой правового регулирования, где происходит исполнение наказаний, связанных с изоляцией от общества, следует согласиться с мнением тех

ученых, которые именуют ответственность осужденных к лишению свободы за нарушение установленного порядка отбывания наказания не просто «уголовно-исполнительной», а «пенитенциарной» [21, 22], то есть распространяющейся только на осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, тем самым подчеркивая ее специфику.

Отсюда можно заключить, что трансформацию дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы следует рассматривать не как формирование самостоятельного вида юридической ответственности, а как развитие ее особого подвида в структуре уголовно-исполнительной ответственности.

Таким образом, представляется обоснованным определять дисциплинарную ответственность осужденных к лишению свободы не как самостоятельный или специальный вид дисциплинарной ответственности, а как отдельный вид юридической ответственности. Более логично характеризовать ее как трансформированный вариант дисциплинарной ответственности, приобретший особенности уголовно-исполнительного характера. По своей сущности она представляет собой пенитенциарную форму уголовно-исполнительной ответственности, реализуемую в рамках уголовно-исполнительных правоотношений и регулируемую нормами уголовно-исполнительного права.

Список источников

1. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М.: Юрид. лит-ра, 1984. 240 с.
2. Епанешников В.С. Юридическая ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 39 с.
3. Ельчанинов А.П., Ельчанинова О.Ю. Уголовно-исполнительная ответственность как вид юридической ответственности: к постановке проблемы // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2010. № 3. С. 69–71.
4. Звонов А.В. Место уголовно-исполнительной ответственности в системе юридической ответственности осужденных // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 3(28). С. 12–18.
5. Головастова Ю.А., Гордополов А.Н. К вопросу о специальной пенитенциарной ответственности осужденных за совершение злостных проступков в местах лишения свободы // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 29–37.
6. Курбатова Г.В. Теоретические основы дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы: монография. Рязань: ИП Коняхин А.В., 2023. 144 с.
7. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград: Правда, 1914. VIII. 676 с.
8. Стручков Н.А. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть: курс лекций. М.: Высш. школа МООП РСФСР, 1963. 224 с.
9. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы / Г.В. Курбатова [и др.]. М.: ООО Изд-во «Юнити-Дана», 2017. 144 с.
10. Читая З.И. К вопросу о дисциплинарной ответственности осужденных в исправительных учреждениях: вопросы теории и практики // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2017. Т. 13. С. 325–338.
11. Ной И.С. Теоретические вопросы лишения свободы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1965. 167 с.
12. Михлин А.С. Проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания. М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. 152 с.

13. Конегер П.Е. Дисциплинарная ответственность как разновидность воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 202 с.

14. Исправительно-трудовое право. Общая часть: учеб. для слушателей вузов МВД СССР / под ред. М.П. Мелентьева, Н.А. Стручкова, И.В. Шмарова. Рязань: РВШ МВД СССР, 1987. 351 с.

15. Бахрах Д.Н. Особенности дисциплинарной ответственности как вида юридической ответственности // Современное право. 2008. № 10. С. 40–41.

16. Хаснутдинов Р.Р. Уголовно-исполнительная ответственность как структурный элемент системы юридической ответственности // Апробация. 2015. № 10(37). С. 104–105.

17. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты: монография. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2021. 139 с.

18. Южанин В.Е., Горбань Д.В. К вопросу об уголовно-исполнительной ответственности осужденных к лишению свободы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 1(19). С. 94–103.

19. Головастова Ю.А. Место уголовно-исполнительного права в системе российского права и его соотношение с родственными отраслями права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 105–109.

20. Минязева Т.Ф. Уголовно-исполнительное право – особая отрасль права // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29. № 1. С. 32–39.

21. Гордополов А.Н. Злостный нарушитель режима отбывания наказания в виде лишения свободы и его ответственность в уголовно-исполнительном законодательстве: монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, доц. Ю.А. Головастовой. М.: ИНФРА-М, 2023. 225 с.

22. Зинин Г.Ю., Николаев В.И. Об институте ответственности в уголовно-исполнительном праве // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 451–454.

References

1. Struchkov N.A. Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy obshchej chasti. M.: Yurid. lit-ra, 1984. 240 s.

2. Epaneshnikov V.S. Yuridicheskaya otvetstvennost' lic, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2000. 39 s.

3. El'chaninov A.P., El'chaninova O.Yu. Ugolovno-ispolnitel'naya otvetstvennost' kak vid yuridicheskoy otvetstvennosti: k postanovke problemy // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Yuridicheskie nauki. 2010. № 3. S. 69–71.

4. Zvonov A.V. Mesto ugolovno-ispolnitel'noj otvetstvennosti v sisteme yuridicheskoy otvetstvennosti osuzhdennyh // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2013. № 3(28). S. 12–18.

5. Golovastova Yu.A., Gordopolov A.N. K voprosu o special'noj penitenciarnoj otvetstvennosti osuzhdennyh za sovershenie zlostnyh prostupkov v mestah lisheniya svobody // Vestnik Permskogo instituta Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy. 2021. № 2(41). S. 29–37.

6. Kurbatova G.V. Teoreticheskie osnovy disciplinarnoj otvetstvennosti osuzhdennyh k lisheniyu svobody: monografiya. Ryazan': IP Konyahin A.V., 2023. 144 s.

7. Zhizhilenko A.A. Nakazanie. Ego ponyatie i otliche ot drugih pravoohranitel'nyh sredstv. Petrograd: Pravda, 1914. VIII. 676 s.

8. Struchkov N.A. Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo. Obshchaya chast': kurs lekcij. M.: Vyssh. shkola MOOP RSFSR, 1963. 224 s.

9. Disciplinarnaya otvetstvennost' osuzhdennyh k lisheniyu svobody / G.V. Kurbatova [i dr.]. M.: OOO Izd-vo «Yuniti-Dana», 2017. 144 s.

10. Chitaya Z.I. K voprosu o disciplinarnoj otvetstvennosti osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah: voprosy teorii i praktiki // Uchenye zapiski Kazanskogo filiala Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya. 2017. T. 13. S. 325–338.
11. Noj I.S. Teoreticheskie voprosy lisheniya svobody. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1965. 167 s.
12. Mihlin A.S. Problemy dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya. M.: VNII MVD SSSR, 1982. 152 s.
13. Koneger P.E. Disciplinarnaya otvetstvennost' kak raznovidnost' vospitatel'nogo vozdeystviya na osuzhdennyh k lisheniyu svobody: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2002. 202 s.
14. Ispravitel'no-trudovoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. dlya slushatelej vuzov MVD SSSR / pod red. M.P. Melent'eva, N.A. Struchkova, I.V. Shmarova. Ryazan': RVSH MVD SSSR, 1987. 351 s.
15. Bahrah D.N. Osobennosti disciplinarnoj otvetstvennosti kak vida yuridicheskoy otvetstvennosti // Sovremennoe pravo. 2008. № 10. S. 40–41.
16. Hasnutdinov R.R. Ugolovno-ispolnitel'naya otvetstvennost' kak strukturnyj element sistemy yuridicheskoy otvetstvennosti // Aprobaciya. 2015. № 10(37). S. 104–105.
17. Lipinskij D.A., Musatkina A.A. Yuridicheskaya otvetstvennost', sankcii i mery zashchity: monografiya. M.: RIOR: INFRA-M, 2021. 139 s.
18. Yuzhanin V.E., Gorban' D.V. K voprosu ob ugolovno-ispolnitel'noj otvetstvennosti osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. 2024. № 1(19). S. 94–103.
19. Golovastova Yu.A. Mesto ugolovno-ispolnitel'nogo prava v sisteme rossijskogo prava i ego sootnoshenie s rodstvennymi otraslyami prava // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2017. № 5. S. 105–109.
20. Minyazeva T.F. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – osobaya otrasl' prava // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2021. T. 29. № 1. S. 32–39.
21. Gordopolov A.N. Zlostnyj narushitel' rezhima otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody i ego otvetstvennost' v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve: monografiya / pod nauch. red. d-ra yurid. nauk, doc. Yu.A. Golovastovoj. M.: INFRA-M, 2023. 225 s.
22. Zinin G.Yu., Nikolaev V.I. Ob institute otvetstvennosti v ugolovno-ispolnitel'nom prave // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2025. № 2. S. 451–454.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 26.12.2025; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Информация об авторе

М.С. Сугатов – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказания (Россия, 390000, г. Рязань, Сенная ул., 1).

Information about the author

M.S. Sugatov – associate professor at the Faculty of Scientific and Pedagogical Personnel Training at the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Russia, 390000, Ryazan, Sennaya str., 1).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343

Международно-правовые основы борьбы с сексуальным насилием как элемент обусловленности уголовно-правового противодействия преступлениям против половой неприкосновенности личности

Валерий Андреевич Липский^{1,2}

¹Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, Казань, Россия, VaALipskiy@kpfu.ru

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Исследуется система международно-правовых актов, формирующих нормативную основу охраны половой неприкосновенности личности. Анализируются универсальные договоры, разработанные под эгидой Организации Объединенных Наций, а также региональные конвенции Совета Европы, устанавливающие стандарты защиты от сексуальной эксплуатации и насилия. Особое внимание уделяется дифференциации правовых режимов охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также специфике гендерно ориентированных механизмов защиты. Рассматриваются обязательства государств-участников по криминализации деяний, посягающих на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, и проблемы имплементации международных стандартов в национальное законодательство. На основе проведенного анализа формулируются выводы о комплексном характере международно-правового регулирования в данной сфере и тенденциях его развития.

Ключевые слова: половая неприкосновенность, половая свобода, международные договоры, Конвенция о правах ребенка, Лансаротская конвенция, Стамбульская конвенция, сексуальная эксплуатация, имплементация, права человека

Для цитирования: Липский В.А. Международно-правовые основы борьбы с сексуальным насилием как элемент обусловленности уголовно-правового противодействия преступлениям против половой неприкосновенности личности // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 81–87.

The international legal framework for combating sexual violence as an element of the conditionality of criminal law counteraction to crimes against the sexual integrity of the individual

Valeriy A. Lipsky^{1,2}

¹The Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, VaALipskiy@kpfu.ru

²Kazansky (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. Examines the system of international legal instruments that form the normative basis for protecting the sexual integrity of the individual. It analyzes universal

treaties developed under the auspices of the United Nations, as well as regional conventions of the Council of Europe that establish standards for protection from sexual exploitation and abuse. Particular attention is paid to the differentiation of legal regimes for protecting the sexual integrity of minors, as well as the specifics of gender-specific protection mechanisms. It examines the obligations of participating states to criminalize acts that infringe on the sexual integrity of minors and adolescents, and the challenges of implementing international standards in national legislation. Based on the analysis, conclusions are drawn regarding the complex nature of international legal regulation in this area and trends in its development.

Keywords: sexual integrity, sexual freedom, international treaties, Convention on the Rights of the Child, Lanzarote Convention, Istanbul Convention, sexual exploitation, implementation, human rights

For citation: Lipsky V.A. The international legal framework for combating sexual violence as an element of the conditionality of criminal law counteraction to crimes against the sexual integrity of the individual // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 81–87.

Международно-правовое регулирование охраны половой неприкосновенности и половой свободы прошло длительный путь развития [1, с. 114–116]. Первоначально внимание международного сообщества было сосредоточено на наиболее очевидных и грубых формах нарушений, связанных с торговлей людьми и эксплуатацией проституции [2, с. 64].

Важной вехой в этом процессе стала Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г., принятая Генеральной Ассамблеей ООН¹. Данный документ консолидировал ранее принятые международные соглашения и установил обязательства государств по противодействию вовлечению в проституцию, организации притонов и торговле людьми в целях сексуальной эксплуатации.

В 1960–1970-е гг. акцент в международно-правовом регулировании сместился в сторону защиты прав женщин и детей как наиболее уязвимых категорий, подверженных риску сексуального насилия и эксплуатации [3, с. 124–135]. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/2263 от 7 ноября 1967 г.², заложила основы для последующей разработки юридически обязательного договора.

В настоящее время система международно-правовой охраны половой неприкосновенности и половой свободы личности представляет собой многоуровневый комплекс актов, включающий универсальные и региональные договоры, акты «мягкого права» и правоприменительную практику международных органов.

Характерной чертой современного этапа является дифференциация правовых режимов в зависимости от субъекта защиты. Выделяются три основных направления регулирования:

- универсальная защита прав человека, включающая право на физическую неприкосновенность;
- специализированная защита прав женщин от гендерно обусловленного насилия;
- особые гарантии охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Еще одним, наиболее полным международным правовым документом по предупреждению и пресечению насилия в отношении женщин и насилия в семье,

---

¹ Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 дек. 1949 г. // United Nations Treaty Series. Vol. 96. P. 271.

² Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин принята резолюцией 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 нояб. 1967 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/women_discrimination.shtml (дата обращения: 14.02.2026).

а также по обеспечению защиты жертв и привлечению виновных к ответственности является Стамбульская конвенция от 11 мая 2022 г.³

Механизмы универсальной защиты рассматриваемых прав закреплены в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1979 г. и вступила в силу 3 сентября 1981 г.⁴ Хотя основной фокус в ней направлен на устранение дискриминации, однако с нашей точки зрения, ее положения имеют важное значение для охраны половой неприкосновенности личности.

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин в своих Общих рекомендациях неоднократно подчеркивал, что насилие в отношении женщин, включая сексуальное, является формой дискриминации, препятствующей осуществлению прав человека и основных свобод. Факультативный протокол к Конвенции 1999 г. установил механизм индивидуальных жалоб и процедуру расследований, что усилило контрольные функции договорного органа⁵.

В рамках проводимого исследования не можем не затронуть положения Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.⁶ (далее – Конвенция 1989 г.). Она стала первым международным договором, специально посвященным защите прав детей. Статья 34 данной конвенции устанавливает: «Государства-участники обязуются защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения. В этих целях государства-участники, в частности, принимают на национальном, двустороннем и многостороннем уровнях все необходимые меры для предотвращения:

- а) склонения или принуждения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности;
- б) использования в целях эксплуатации детей в проституции или в другой незаконной сексуальной практике;
- с) использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах».

Важное значение имеет также ст. 19 Конвенции 1989 г., обязывающая государства принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке.

Развитием положений Конвенции 1989 г. стал Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятый резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 мая 2000 г.⁷ (далее – Протокол). Протокол устанавливает обязанность государств-участников криминализовать широкий круг деяний, связанных с сексуальной эксплуатацией детей.

³ Права женщин – Стамбульская конвенция от 11 мая 2022 г. // France Diplomatie: Министерство Европы и иностранных дел Французской Республики. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/droits-de-l-homme/droit-des-femmes/article/droits-des-femmes-convention-d-istanbul-11-05-22> (дата обращения: 14.02.2026).

⁴ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 дек. 1979 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 25. Ст. 464.

⁵ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1999 г. // Refworld. URL: <https://refworld-staging.unhcr.info/ru/thematic-area/gender-equality> (дата обращения: 14.02.2026).

⁶ Конвенция о правах ребенка от 20 нояб. 1989 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 45. Ст. 5771.

⁷ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 мая 2000 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Статья 1 Протокола требует от государств-участников запретить торговлю детьми, детскую проституцию и детскую порнографию. Статья 3 определяет перечень деяний, подлежащих криминализации, включая:

- предложение, передачу или получение ребенка с целью сексуальной эксплуатации;
- предложение, получение, передачу или предоставление ребенка для целей детской проституции;
- производство, распределение, распространение, импорт, экспорт, предложение, продажу или хранение детской порнографии.

Кроме того, Протокол предусматривает обязанность государств-участников устанавливать юрисдикцию в отношении указанных преступлений, применять меры наказания с учетом степени их тяжести, а также осуществлять сотрудничество в вопросах выдачи лиц, обвиняемых в совершении таких преступлений⁸.

Российская Федерация ратифицировала Протокол в 2013 г. Как отмечалось в официальном сообщении, «всем странам-участницам необходимо установить ответственность за действия, связанные с торговлей детьми, в том числе за предложение, передачу или получение ребенка для сексуальной эксплуатации, использования на принудительных работах, передачи его органов за вознаграждение или неправомерного склонения к согласию на усыновление ребенка в нарушение международно-правовых норм»⁹.

Как дополнительный международный механизм охраны половой неприкосновенности и половой свободы личности в системе их универсальной защиты выступают Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/48/104 от 20 декабря 1993 г.¹⁰, Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее¹¹, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.

Особого внимания заслуживают резолюции Совета Безопасности ООН, признающие сексуальное насилие в условиях вооруженных конфликтов угрозой международному миру и безопасности. Резолюция 1325 (2000) и последующие документы этой серии обязывают государства принимать меры по защите женщин и детей от сексуального насилия в зонах конфликтов, а также привлекать виновных к ответственности¹².

Развитие стратегического партнерства в области борьбы с сексуальным насилием наблюдается и на региональных уровнях.

Например, актом, специально посвященным защите детей от всех форм сексуальных посягательств, является Конвенция Совета Европы о защите детей от эксплуатации и надругательств сексуального характера¹³ (далее – Лансаротская конвенция).

---

⁸ Там же.

⁹ Президент Рос. Федерации подписал законы против сексуальной эксплуатации детей // ООН информ.рф. 8 мая 2013. URL: <https://xn--h1aibbcadq8a.xn--plai/ru/news/20130508/02379.html> (дата обращения: 14.02.2026).

¹⁰ Декларация об искоренении насилия в отношении женщин принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 дек. 1993 г. Ст. 2, 4 // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 14.02.2026).

¹¹ Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 нояб. 2000 г. // Бюл. междунар. договоров. 2005. № 2. С. 3–20.

¹² Резолюция 1325 (2000) принята Советом Безопасности на 4213-м заседании 31 окт. 2000 г. // UN Women. URL: <https://www.un.org/womenwatch/osagi/wps/> (дата обращения: 14.02.2026).

¹³ Конвенция Совета Европы о защите детей от эксплуатации и надругательств сексуального характера (CETS № 201) и пояснительный доклад: Лансароте, 25 окт. 2007 г. Страсбург: Совет Европы, 2008. 98 с.

Российская Федерация ратифицировала ее в 2013 г. В официальном сообщении отмечалось, что ратификация Лансаротской конвенции отвечает интересам Российской Федерации, позволит принимать внутригосударственные меры для обеспечения международных стандартов прав несовершеннолетних и дальнейшего развития правового сотрудничества между Россией и другими государствами в этой области¹⁴.

Лансаротская конвенция устанавливает четыре основные группы обязательств государств-участников:

– предупреждение сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений. Государства-участники обязуются осуществлять информационно-просветительские программы, обучение специалистов, работающих с детьми, установление процедур отбора и контроля за лицами, чья профессиональная деятельность связана с контактами с детьми;

– защита жертв и оказание им помощи. Конвенция требует создания специализированных служб поддержки, обеспечения конфиденциальности, предоставления правовой помощи и компенсации ущерба;

– увеличение потенциала применяемых уголовно-правовых мер. Данный раздел содержит подробный перечень деяний, подлежащих криминализации. Например, преступления, касающиеся детской проституции и детской порнографии;

– усиление международного сотрудничества путем применения соответствующих применимых международных и региональных документов и договоренностей с целью защиты жертв и оказания им помощи, проведения расследований и разбирательств.

Особенностью Лансаротской конвенции является установление экстерриториальной юрисдикции в отношении сексуальных преступлений против детей. Она также требует от государств-участников криминализовать хранение детской порнографии независимо от места совершения преступления и установить ответственность за «грумминг» – установление контактов с детьми через интернет для последующего совершения сексуальных преступлений в отношении них.

Несмотря на значительный прогресс в гармонизации национального законодательства с международными стандартами в области охраны половой неприкосновенности и половой свободы личности сохраняется ряд проблем, требующих дальнейшего решения [4, с. 9–16].

Во-первых, возникают вопросы по юрисдикции и трансграничному сотрудничеству при совершении исследуемых деяний, сопряженных с использованием интернета, что требует выработки эффективных механизмов международного сотрудничества в этой области [5, с. 160–169].

Во-вторых, наблюдается недостаточность превентивных мер. В частности, фиксируется дефицит программ профилактики, просвещения и раннего выявления рисков сексуальных посягательств.

В-третьих, требуется дальнейшее совершенствование механизмов защиты жертв от вторичной виктимизации в ходе уголовного судопроизводства и реабилитации [6, с. 287–292].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о существовании развитой и многоуровневой системы международно-правовых актов, направленных на охрану половой неприкосновенности и половой свободы личности. Универсальные договоры, разработанные под эгидой ООН (Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция о правах ребенка, Факультативный протокол к ней), устанавливают базовые стандарты защиты, обязательные для всех государств-участников.

Региональные европейские конвенции – Лансаротская (2007 г.) и Стамбульская (2011 г.) – представляют собой наиболее продвинутые и детализированные

¹⁴ Президент Рос. Федерации подписал законы против сексуальной эксплуатации детей // ООНинформ.рф. 8 мая 2013 г. URL: <https://xn--h1aibbcadq8a.xn--p1ai/ru/news/20130508/02379.html> (дата обращения: 14.02.2026).

международные договоры, устанавливающие конкретные обязательства государств-участников по предупреждению сексуального насилия, защите жертв и привлечению виновных к ответственности.

Важной тенденцией развития международно-правового регулирования является дифференциация подходов к защите различных категорий лиц: несовершеннолетних, женщин, лиц, пострадавших в условиях вооруженных конфликтов. Такая дифференциация позволяет учитывать специфику уязвимости каждой группы и обеспечивать наиболее эффективные механизмы защиты.

Вместе с тем сохраняется ряд проблем, связанных с имплементацией международных стандартов в национальное законодательство, обеспечением реальной защиты потерпевших и эффективности преследования виновных. Особую сложность представляют трансграничные преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Дальнейшее развитие международно-правового регулирования должно быть направлено на совершенствование механизмов мониторинга исполнения государствами принятых обязательств, усиление превентивных мер, а также на гармонизацию национальных законодательств для обеспечения неотвратимости ответственности за посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности независимо от места их совершения.

Список источников

1. Акчурина Ю.А. Международное и российское уголовное законодательство по противодействию преступлениям против половой неприкосновенности личности // Вестник магистратуры. 2016. № 9(60). С. 114–116.

2. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, совершенных с использованием сети Интернет: учеб. пособие / М.Е. Гуцев [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2023. 64 с.

3. Донченко А.Г., Токарева А.А. Международное сотрудничество по противодействию преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями несовершеннолетних // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4(123). С. 124–135.

4. Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Некоторые проблемы квалификации насильственных преступлений против сексуальной свободы личности (ст. 131, 132 УК РФ) // Вопросы безопасности. 2018. № 6. С. 9–16.

5. Гусарова М.В. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних по уголовному законодательству Российской Федерации и ряда зарубежных стран // Russian Journal of Economics and Law. 2017. № 1(41). С. 160–169.

6. Черных Е.Е., Петрянин А.В. Внутриотраслевые коллизии и пробелы уголовного законодательства в области охраны половой неприкосновенности малолетних // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2(42). С. 287–292.

References

1. Akchurina Yu.A. Mezhdunarodnoe i rossijskoe ugovnoe zakonodatel'stvo po protivodejstviyu prestupleniyam protiv polovoj neprikosnovennosti lichnosti // Vestnik magistratury. 2016. № 9(60). S. 114–116.

2. Ugolovno-pravovye i ugolovno-processual'nye aspekty rassledovaniya prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti, sovershennyh s ispol'zovaniem seti Internet: ucheb. posobie / M.E. Gushchev [i dr.]. SPb.: Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta, 2023. 64 s.

3. Donchenko A.G., Tokareva A.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo po protivodejstviyu prestupleniyam, svyazannym s seksual'noj ekspluataciej i seksual'nymi zloupotrebleniyami nesovershennoletnih // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2018. № 4(123). S. 124–135.

4. Bimbinov A.A., Voronin V.N. Nekotorye problemy kvalifikacii nasil'stvennyh prestuplenij protiv seksual'noj svobody lichnosti (st. 131, 132 UK RF) // Voprosy bezopasnosti. 2018. № 6. S. 9–16.

5. Gusarova M.V. Prestupleniya protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnih po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i ryada zarubezhnyh stran // Russian Journal of Economics and Law. 2017. № 1(41). S. 160–169.

6. Chernyh E.E., Petryanin A.V. Vnutriotraslevye kollizii i probely ugolovnogo zakonodatel'stva v oblasti ohrany polovoj neprikosnovennosti maloletnih // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 2(42). S. 287–292.

Статья поступила в редакцию 11.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 18.02.2026.

The article was submitted 11.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 18.02.2026.

Информация об авторе

В.А. Липский – руководитель следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан (Россия, 420015, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Большая Красная, 39); соискатель Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, к. 1).

Information about the author

V.A. Lipsky – Director of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan (Russia, 420015, Republic of Tatarstan, Kazan, Bolshaya Krasnaya str., 39); Candidate of the Kazan (Volga Region) Federal University (Russia, 420008, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str., 18, k. 1).

УДК 343.1

Бремя опровержения доводов защиты в российском уголовном процессе: декларация или работающий механизм?

Кирилл Александрович Харашкин^{1,2}

¹Московская коллегия адвокатов «СЕД ЛЕКС», Москва, Россия, kir-harashkin@yandex.ru

²Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия

Аннотация. Анализируется реализация бремени опровержения доводов защиты в российском уголовном процессе как гарантии объективности предварительного расследования. На основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и судебной практики автор делает вывод о декларативности данной нормы Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, что выражается в обвинительном уклоне, игнорировании ходатайств защиты и использовании недопустимых доказательств. В сравнительно-правовом аспекте рассматривается опыт стран СНГ, таких как Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Азербайджанская Республика, Республика Армения, Грузия, где бремя опровержения подкреплено эффективными гарантиями: правом защиты на самостоятельный сбор доказательств и судебным контролем на досудебной стадии. В заключение предлагаются изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации для превращения бремени опровержения в действенный механизм состязательности и защиты прав личности в досудебном производстве.

Ключевые слова: бремя опровержения доводов защиты, уголовный процесс, обвинительный уклон, презумпция невиновности, судебная практика, процессуальные гарантии, объективность расследования

Для цитирования: Харашкин К.А. Бремя опровержения доводов защиты в российском уголовном процессе: декларация или работающий механизм? // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 88–96.

The burden of refuting the arguments of the defense in the Russian criminal process: a declaration or a working mechanism?

Kirill A. Kharashkin^{1,2}

¹Moscow Bar Association «SED LEX», Moscow, Russia, kir-harashkin@yandex.ru

²Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia

Abstract. Analyzes the implementation of the burden of refutation in Russian criminal proceedings as a guarantee of the objectivity of the preliminary investigation. Based on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and judicial practice, the author concludes that this provision of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is purely declaratory, resulting in an accusatory bias, ignoring defense motions, and the use of inadmissible evidence. From a comparative legal perspective, the author examines the experience of CIS countries such as the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, the Republic of Azerbaijan, the Republic of Armenia, Georgia, where the burden of refutation is supported by effective guarantees: the right of the defense to independently collect evidence and judicial review at the pre-trial stage. In conclusion, amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed to transform the burden of refutation into an effective

mechanism for adversarial proceedings and the protection of individual rights in pre-trial proceedings.

Keywords: burden of refutation of defense arguments, criminal procedure, indictment, presumption of innocence, judicial practice, procedural guarantees, objectivity of investigation

For citation: Kharashkin K.A. The burden of refuting the arguments of the defense in the Russian criminal process: a declaration or a working mechanism? // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 88–96.

Бремя опровержения доводов защиты в уголовном процессе выступает процессуальным способом реализации конституционного требования об объективности деятельности органов уголовного преследования, производного от их публично-правовой обязанности по защите прав и свобод личности. Фундаментальной основой объективности служат базовые начала уголовного судопроизводства. Статья 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (УПК РФ), определяя назначение уголовного судопроизводства как защиту прав личности от необоснованного обвинения, задает вектор деятельности органов расследования, исключающий обвинительный уклон.

Принцип законности (ст. 7 УПК РФ) устанавливает санкцию в виде признания доказательств недопустимыми за нарушения порядка их получения, что призвано служить действенным средством против необъективных методов деятельности органов расследования. Ключевое значение имеет презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), возлагающая бремя доказывания на сторону обвинения и предписывающая толковать все неустранимые сомнения в пользу обвиняемого. Это требование конкретизируется в ст. 73 УПК РФ, обязывающей доказывать не только обвинительные, но и оправдывающие, а также смягчающие наказание обстоятельства. Свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), по внутреннему убеждению, основанному на их совокупности, требует от следователя непредвзятого, критического подхода. Важной гарантией выступает институт недопустимых доказательств (ст. 75 УПК РФ), исключающий из процесса сведения, добытые с нарушением закона.

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны принимать все зависящие от них меры для получения доказательств, подтверждающих как виновность, так и невиновность лица². Обвинение может быть признано обоснованным исключительно при условии объективного исследования и опровержения всех противостоящих ему обстоятельств³. При этом вынесение обвинительного приговора и подтверждающих его решений допустимо лишь после рассмотрения и опровержения доводов защиты, а неопровергнутые доводы подлежат обязательному толкованию в пользу обвиняемого⁴. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации устанавливает, что функция обвинения не сводится

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2025 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 20 янв. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804; По жалобе гражданина Киселя Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 61 и 62 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 16 дек. 2008 г. № 1080-О-П // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2009. № 3.

³ Там же.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Татаринцева Михаила Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 окт. 2008 г. № 607-О-О (документ опубликован не был).

к одностороннему преследованию, а предполагает всестороннее использование мер, направленных на охрану прав личности, что исключает возможность уклонения от обязанности по объективному установлению обстоятельств дела.

Анализ научных позиций позволяет выявить консолидированную точку зрения среди российских процессуалистов. Так, Л.В. Сатдинов подчеркивает, что именно «объективность», понимаемая как беспристрастное исследование, является краеугольным камнем для установления истины и достижения справедливости [1]. Схожей позиции придерживается и М.М. Бондарь, утверждающий, что всестороннее, полное и объективное исследование – есть необходимый принцип предварительного расследования, игнорирование которого ведет к его формализации [2].

В свою очередь, И.Ю. Мурашкин [3] и Л.А. Воскобитова [4] акцентируют внимание на практической реализации данного требования, отмечая, что на органы расследования и прокурора возлагается обязанность выявлять и анализировать в равной мере как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства. Серова Е.Б. развивает эту мысль, связывая обязанность всестороннего и полного исследования с достижением объективной истины [5], что, по мнению С.В. Корнаковой, выступает необходимым условием для вынесения справедливого приговора [6]. При этом А.Д. Назаров предупреждает о прямой связи между несоблюдением этих требований и возникновением «обвинительного уклона», который проявляется в игнорировании доказательств защиты [7]. Гармаев Ю.П. с криминалистических позиций поддерживает эту точку зрения, указывая, что методика расследования должна быть нацелена на предотвращение привлечения невинных через обеспечение полноты исследования [8]. Одновременно И.А. Насонова выступает за системное решение проблемы, предлагая законодательно закрепить требования всесторонности, полноты и объективности в качестве самостоятельного принципа уголовного судопроизводства для укрепления его гарантий [9]. Заключительный аспект влияния качеств досудебной стадии на судебную процедуру освещает С.В. Бурмагин. Он заключает, что всесторонность судебного разбирательства возможна лишь при условии беспристрастности суда, поскольку предубеждение судьи делает объективную и полную проверку представленных материалов невозможной [10].

Таким образом, всесторонность, полнота и объективность досудебного производства формируют доказательственную базу, от качества которой напрямую зависит возможность суда вынести законный, обоснованный и справедливый приговор.

Между тем проведенный анализ судебной практики со всей очевидностью демонстрирует, что бремя опровержения доводов защиты, вытекающее из системного толкования презумпции невиновности, принципов состязательности и объективности, в современной правоприменительной реальности носит преимущественно декларативный характер, не будучи реализованным в качестве эффективного рабочего механизма обеспечения беспристрастности расследования на досудебной стадии. Устойчивая судебная практика фиксирует не случайные ошибки, а системный обвинительный уклон, выражающийся в функционально-процедурном приоритете цели обвинения над установлением объективной истины, что напрямую противоречит как вышеизложенным правовым предписаниям, так и сложившимся положениям вышеуказанной уголовно-процессуальной доктрины о возложенной на обвинение обязанности по активной проверке и преодолению аргументов защиты.

Массовый характер носят грубые нарушения конституционных гарантий при формировании доказательственной базы обвинения, что само по себе свидетельствует об игнорировании бремени опровержения. Органы следствия и дознания систематически пренебрегают необходимостью получения добровольных и достоверных показаний, отдавая предпочтение противоправным методам, что к глубокому сожалению находит свое подтверждение в судебной практике.

Так, при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции протокол явки с повинной был исключен как недопустимое доказательство ввиду отсутствия в нем сведений об участии защитника, что прямо нарушает право на квалифицированную юридическую помощь⁵. В другом деле суд аналогично исключил явку, полученную в отсутствие защитника и не подтвержденную подсудимым в суде⁶. Данная практика, будучи широко распространенной, указывает на то, что обвинение не выполняет свою обязанность по доказыванию виновности надлежащими, допустимыми средствами, пытаясь строить обвинение на доказательствах, изначально порочных с процессуальной точки зрения, что перекладывает на суд функцию исправления фундаментальных следственных ошибок, ужесточая для защиты бремя по их оспариванию.

Практика изобилует случаями подмены следственных действий оперативно-розыскными мероприятиями или иными процедурами, которые позволяют избежать строгой процессуальной регламентации. Так, проведенный осмотр места происшествия был квалифицирован судом как обыск, осуществленный без необходимого судебного решения, что представляет собой грубое нарушение права на неприкосновенность жилища⁷. Подобные действия свидетельствуют не об активном опровержении доводов защиты, а об активном обходе законодательных рамок, призванных обеспечить баланс сторон и объективность. В другом деле суд аналогично исключил результаты оперативно-розыскного мероприятия из перечня доказательств обвинения, признав их полученными в результате провокации⁸, что прямо указывает на невыполнение обвинением бремени доказывания законности своих действий и отсутствия искусственного создания доказательств.

Таким образом, бремя опровержения доводов защиты в современной российской уголовно-процессуальной практике не функционирует как превентивный и направляющий механизм, обеспечивающий объективность предварительного расследования. Реальная правоприменительная динамика демонстрирует устойчивый разрыв между закрепленной в доктрине обязанностью обвинения по всесторонней проверке и опровержению аргументов защиты и повседневной следственной практикой, ориентированной на обвинительный результат, что подтверждает тезис А.В. Васечкиной о дисбалансе модели состязательности [11] и переводит бремя опровержения из разряда работающих механизмов в категорию во многом декларативных норм, чье действие актуализируется лишь на поздних судебных стадиях в форме исключения недопустимых доказательств, но не как гарантия объективности досудебного производства.

Сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства ряда стран постсоветского пространства: Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Азербайджанской Республики, Республики Армения и Грузии – позволяет выявить общую для этих национально-правовых систем конституирующую норму, закрепляющую бремя опровержения доводов защиты на сторону обвинения и конкретизирующую принцип презумпции невиновности. Так, в УПК Кыргызской Республики⁹ (ст. 17 ч. 2) указано, что «бремя доказывания вины и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого, обвиняемого, лежит на стороне обвинения». Аналогичные формулировки содержатся в УПК

⁵ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 июля 2022 г. № 77-2984/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 июня 2023 г. № 77-2853/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 апр. 2023 г. № 77-1614/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2022 г. № 77-1281/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 окт. 2021 г. № 129 (с изм. и доп. от 1 янв. 2026 г.) // HRG. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 10.02.2026).

Азербайджанской Республики¹⁰ (ст. 21.3), УПК Республики Армения¹¹ (ст. 18.2) и УПК Грузии¹² (ст. 5.2). В Республике Казахстан и Республике Таджикистан бремя опровержения выводится системным толкованием обязанности органов уголовного преследования по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела (ст. 60 УПК Республики Казахстан¹³, ст. 21 УПК Республики Таджикистан¹⁴), которое включает выявление как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого обстоятельств. Таким образом, в законодательстве рассматриваемых стран бремя опровержения формализовано не как декларация, а как императивная обязанность, составляющая неотъемлемый элемент функции обвинения.

Однако ключевое отличительное положение в порядке реализации принципа презумпции невиновности, способное превратить бремя из декларации в работающий механизм, заключается в предоставлении стороне защиты реальных, а не формальных инструментов для активного формирования собственной доказательственной базы, что, в свою очередь, активизирует обязанность обвинения по проверке и опровержению возникающих у стороны защиты доводов.

Наиболее развитая в этом отношении модель представлена в УПК Грузии. Статья 39 УПК Грузии прямо закрепляет право обвиняемого самостоятельно или с помощью адвоката за собственный счет осуществлять сбор доказательств, которые имеют равную юридическую силу с доказательствами стороны обвинения. Более того, если для такого сбора необходимо производство следственного действия, защита вправе обратиться с ходатайством к судье, который обязан принять меры для сохранения конфиденциальности этого процесса от обвинения. Эта норма кардинально меняет баланс сил, делая защиту активным субъектом доказывания, а не пассивным объектом исследования. Детально регламентированный процедурный обмен информацией между сторонами (ст. 83 УПК Грузии), включая обязанность обвинения передать защите имеющиеся оправдательные доказательства, создает процессуальные условия, при которых уклонение обвинения от обязанности по опровержению доводов защиты становится очевидным и может быть процессуально санкционировано.

Другие страны также развивают процессуальные средства защиты, создавая предпосылки для реализации бремени опровержения. УПК Республики Казахстан предоставляет защитнику широкие права по самостоятельному собиранию сведений: истребование документов от организаций, которые обязаны их предоставить в 10-дневный срок; опрос лиц с составлением акта (ст. 210-1); инициация судебной экспертизы на договорной основе (ст. 272-1). Обязанность органа, ведущего производство по делу, удовлетворять ходатайства о допросе свидетелей, явка которых обеспечена сторонами (ст. 99 УПК Республики Казахстан), препятствует произвольному игнорированию линии защиты. В Кыргызской Республике схожий набор прав стороны защиты (ст. 91 УПК Кыргызской Республики) дополнен важной гарантией: в случае отказа следователя в назначении экспертизы, защита вправе обратиться с ходатайством к следственному судье, который в установленных законом случаях, обязан ее назначить (ст. 182 УПК Кыргызской Республики). Этот механизм судебного контроля за действиями стороны обвинения на досудебных стадиях

---

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ; с изм. и доп. от 29 нояб. 2024 г.) // HRG. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 10.02.2026).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306 // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=143021 (дата обращения: 10.02.2026).

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 окт. 2009 г. № 1772-Пс (с изм. и доп. от 16 окт. 2025 г.) // HRG. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=39055044 (дата обращения: 10.02.2026).

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК (с изм. и доп. от 8 марта 2026 г.) // Континент. URL: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 10.02.2026).

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 дек. 2009 г. (с изм. и доп. от 3 янв. 2024 г.) // Континент. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 10.02.2026).

является ключевым для преодоления обвинительного уклона и принуждения стороны обвинения к выполнению своей обязанности по всесторонней проверке обстоятельств.

Действенность бремени опровержения доводов защиты обеспечивается не только правами стороны защиты, но и системой контроля на последующих процессуальных стадиях.

Во всех анализируемых кодексах присутствуют требования, в соответствии с которыми содержание обвинительного заключения (акта) должно включать не только доказательства вины, но и доводы защиты и результаты их проверки (ст. 302-1 УПК Республики Казахстан, ст. 270 УПК Республики Армения). Это юридически обязывает следователя мотивированно отразить в итоговом обвинительном документе, как были опровергнуты аргументы защиты, либо почему они были признаны несостоятельными. Последующий надзор, осуществляемый прокурором при утверждении обвинительного заключения (ст. 247 УПК Республики Таджикистан, ст. 273 УПК Республики Армения, ст. 290 УПК Азербайджанской Республики), предусматривает проверку всесторонности, полноты и объективности исследования. Эту же задачу – обеспечение полноценного и объективного установления обстоятельств дела – продолжает решать суд в рамках судебного контроля. Важным следствием такого контроля является прямое указание в законе на то, что неполнота или односторонность судебного следствия, в результате которых не были исследованы существенные для защиты обстоятельства, признаются основанием для отмены приговора или возвращения дела на дополнительное расследование (ст. 434 УПК Республики Казахстан, ст. 399, 400 УПК Азербайджанской Республики).

Таким образом, в рассмотренных зарубежных правовых системах бремя опровержения доводов защиты функционирует не как абстрактная декларация, а как элемент целостной процессуальной конструкции. Его работоспособность обеспечивается триадой взаимосвязанных элементов: 1) предоставлением стороне защиты действенных прав по самостоятельному собиранию доказательств, уравнивающих ее процессуальные возможности с обвинением; 2) внедрением институтов судебного контроля на досудебной стадии за удовлетворением ходатайств защиты; 3) установлением формальных требований к фиксации результатов проверки доводов защиты в итоговых процессуальных документах и последующим прокурорским надзором и судебным контролем за полнотой предварительного расследования. Эта модель смещает акцент с пассивной обязанности обвинения «не перекладывать бремя» на активную обязанность реагировать и процессуально опровергать реальную, документально зафиксированную и легально представленную позицию защиты, что превращает бремя опровержения из статичной «тяготы» в динамический регулятор состязательного процесса.

Системный анализ норм УПК РФ позволяет констатировать, что закрепленное в ч. 2 ст. 14 УПК РФ положение о возложении бремени опровержения доводов защиты на сторону обвинения обладает преимущественно декларативным характером. Эта декларативность является прямым следствием отсутствия в процессуальном законе эффективных механизмов реализации данной обязанности и каких-либо ощутимых правовых последствий за ее игнорирование на стадии предварительного расследования. Ключевыми факторами, трансформирующими данную норму в декларацию, выступают следующие процессуальные конструкции. Во-первых, принципиальное противоречие создает предоставленная обвинению широкая процессуальная дискреция в соответствии со ст. 159 УПК РФ. Право следователя и дознавателя самостоятельно, по внутреннему убеждению, определять, имеют ли доводы защиты «значение для уголовного дела», позволяет им на легальных основаниях отклонять ходатайства о проверке оправдывающих версий, подменяя обязанность по их активному опровержению правом на их игнорирование. Во-вторых, формализм требований к итоговым документам обвинения, в частности к обвинительному заключению (п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ), сводит обязанность к механическому перечислению доказательств защиты без необходимости

их содержательного анализа и мотивированного опровержения, что лишает саму идею бремени опровержения процессуальной содержательности. В-третьих, системная дисфункция обусловлена отсутствием санкций за невыполнение рассматриваемой обязанности. Исчерпывающий перечень оснований для возвращения уголовного дела прокурору, предусмотренный ст. 237 УПК РФ, не включает такое основание, как неполнота или необоснованность опровержения доводов защиты, что делает невозможным пресечение данной практики на стадии назначения судебного заседания. Наконец, общий субъективизм оценки доказательств, основанный на принципах свободы и внутреннего убеждения (ст. 17, 88 УПК РФ), в отсутствие четких стандартов доказывания позволяет стороне обвинения подменять активное опровержение простой констатацией того, что доводы защиты «не нашли подтверждения» без детальной аргументации.

Таким образом, институциональный дизайн УПК РФ, несмотря на провозглашение принципа презумпции невиновности, фактически перераспределяет реальное бремя обоснования оправдывающих обстоятельств на сторону защиты, которая вынуждена осуществлять полноценное доказывание своей позиции уже непосредственно в судебном разбирательстве, поскольку на досудебной стадии закон не создает действенных процедурных гарантий и механизмов принуждения, обязывающих следователя, дознавателя вступать в содержательную полемику и доказывать несостоятельность (ложность) выдвигаемых защитой утверждений.

Для преобразования декларативной нормы о бремени опровержения доводов защиты в действующий инструмент обеспечения объективности предварительного расследования необходимы системные поправки в УПК РФ, создающие процедурные гарантии равенства сторон в собирании и представлении доказательств и санкции за уклонение обвинения от обязанности объективно расследовать уголовное дело.

Ключевые изменения должны включать: внедрение судебного контроля на досудебной стадии за отказом в удовлетворении ходатайств защиты о проверке ее версий; ужесточение требований к содержанию обвинительного заключения (акта) путем обязательного включения в него мотивированного анализа и результатов проверки доводов защиты; введение такого основания для возвращения дела прокурору, как «односторонность и неполнота предварительного расследования»; детальную регламентацию и гарантии права стороны защиты на инициацию проведения судебной экспертизы с обязательным последующим приобщением ее результатов к делу. Без этих мер, обеспечивающих защите реальные средства для формирования своей позиции и устанавливающих ответственность органов предварительного расследования за ее игнорирование, бремя опровержения доводов защиты останется формальной декларацией, не влияющей на объективность расследования.

Список источников

1. Сатдинов А.В. Категория «объективность» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 169–173.
2. Бондарь М.М. Объективность предварительного расследования как предпосылка обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2018. № 4(47). С. 80.
3. Мурашкин И.Ю. Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1(68). С. 25–29.
4. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3(40). С. 455–462.

5. Серова Е.Б. К вопросу о роли прокурора в обеспечении истины в уголовном судопроизводстве // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2016. № 9-1. С. 247–254.

6. Корнакова С.В. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России в свете принципа состязательности уголовного процесса // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1(11). С. 73–79.

7. Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9(58). С. 149–154.

8. Гармаев Ю.П. Феномен обвинительного уклона в криминалистической методике // Енисейские политико-правовые чтения: сб. науч. статей по материалам XII Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. Красноярск: Красноярская региональная общественная организация «Общественный комитет по защите прав человека», 2019. Вып. IV. С. 294–298.

9. Насонова И.А. Уголовно-процессуальные гарантии предварительного расследования как средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 24–28.

10. Бурмагин С.В. Беспристрастность суда как основа справедливого уголовного правосудия // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, 2016. Ч. I. С. 30–41.

11. Васечкина А.В. Состязательность и равноправие стороны: спорные вопросы применения на практике // Право и государство: теория и практика. 2018. № 12(168). С. 130–134.

References

1. Satdinov L.V. Kategoriya «obektivnost'» v ugolovnom sudoproizvodstve // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2019. № 3. S. 169–173.

2. Bondar' M.M. Obektivnost' predvaritel'nogo rassledovaniya kak predposylka obespecheniya zakonnosti i obosnovannosti processual'nyh reshenij // Vestnik Volgogradskoj Akademii MVD Rossii. 2018. № 4(47). S. 80.

3. Murashkin I.Yu. Storona obvineniya kak sub'ekt dokazyvaniya nevinovnosti // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 1(68). S. 25–29.

4. Voskobitova L.A. Obvinenie ili obvinitel'nyj ukлон? // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. № 3(40). S. 455–462.

5. Serova E.B. K voprosu o roli prokurora v obespechenii istiny v ugolovnom sudoproizvodstve // Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii. 2016. № 9-1. S. 247–254.

6. Kornakova S.V. Ob ustanovlenii istiny v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii v svete principa sostyazatel'nosti ugolovnogo processa // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2010. № 1(11). S. 73–79.

7. Nazarov A.D. Obvinitel'nyj ukлон v deyatel'nosti sub'ektov, vedushchih ugolovnyj process, kak faktor, sposobstvuyushchij poyavleniyu oshibok v ugolovnom sudoproizvodstve // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 9(58). S. 149–154.

8. Garmaev Yu.P. Fenomen obvinitel'nogo uklona v kriminalisticheskoy metodike // Enisejskie politiko-pravovye chteniya: sb. nauch. statej po materialam XII Vseros. nauch.-prakt. konf. / отв. ред. G.L. Moskaev, E.A. Akunchenko. Krasnoyarsk: Krasnoyarskaya regional'naya obshchestvennaya organizaciya «Obshchestvennyj komitet po zashchite prav cheloveka», 2019. Vyp. IV. S. 294–298.

9. Nasonova I.A. Ugolovno-processual'nye garantii predvaritel'nogo rassledovaniya kak sredstva obespecheniya effektivnosti ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 4. S. 24–28.

10. Burmagin S.V. Bespristrastnost' suda kak osnova spravedlivogo ugovnogo pravosudiya // Spravedlivost' i ravenstvo v ugovnom sudoproizvodstve: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. SPb.: Severo-Zapadnyj filial Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya, 2016. Ch. I. S. 30–41.

11. Vasechkina A.V. Sostyazatel'nost' i ravnopravie storony: spornye voprosy primeneniya na praktike // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 12(168). S. 130–134.

Статья поступила в редакцию 11.02.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 18.02.2026.

The article was submitted 11.02.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 18.02.2026.

Информация об авторе

К.А. Харашкин – адвокат Московской коллегии адвокатов «СЕД ЛЕКС» (Россия, 101000, г. Москва, вн.тер.г. Муниципальный Округ Басманный, ул. Машкова, 5, стр. 1); аспирант кафедры уголовно-процессуального права им. П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Россия, 123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1).

Information about the author

K.A. Kharashkin – lawyer at the Moscow Bar Association «SED LEX» (Russia, 101000, Moscow, ext.ter.g. Basmanny Municipal District, Mashkova str., 5, b. 1); postgraduate student at the P.A. Lupinskaya Department of Criminal Procedure Law at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (Russia, 123242, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, b. 1).

УДК 343.3

Международно-правовые основы противодействия диверсионной деятельности: современное состояние и перспективы развития

Антон Альбертович Цветков

Международный юридический институт, Москва, Россия, A.A.2015doc@yandex.ru

Аннотация. Исследуются международно-правовые основы противодействия диверсионной деятельности как одной из наиболее серьезных угроз безопасности государств и международного сообщества в целом. Анализируются универсальные и региональные международные договоры, содержащие обязательства государств по криминализации диверсионных актов, а также деятельность международных организаций в сфере координации усилий по противодействию диверсиям. Рассматриваются проблемы имплементации международных норм в национальное законодательство, вопросы гармонизации подходов к определению диверсии и смежных составов преступлений. На основе проведенного исследования формулируются выводы о необходимости дальнейшего совершенствования международно-правового регулирования в данной сфере и предложения по его развитию.

Ключевые слова: диверсионная деятельность, международное сотрудничество, противодействие преступности, международные договоры, гармонизация законодательства, национальная безопасность, имплементация, транснациональные угрозы

Для цитирования: Цветков А.А. Международно-правовые основы противодействия диверсионной деятельности: современное состояние и перспективы развития // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 97–103.

International legal framework for countering sabotage activities: current status and development prospects

Anton A. Tsvetkov

International law institute, Moscow, Russia, A.A.2015doc@yandex.ru

Abstract. Examines the international legal framework for countering sabotage as one of the most serious threats to the security of states and the international community as a whole. It analyzes universal and regional international treaties that contain state obligations to criminalize acts of sabotage, as well as the activities of international organizations in coordinating efforts to counter sabotage. It examines the implementation of international norms in national legislation and the harmonization of approaches to defining sabotage and related crimes. Based on the research, conclusions are drawn regarding the need for further improvement of international legal regulation in this area and proposals for its further development.

Keywords: sabotage activities, international cooperation, combating crime, international treaties, harmonization of legislation, national security, implementation, transnational threats

For citation: Tsvetkov A.A. International legal framework for countering sabotage activities: current status and development prospects // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 97–103.

Диверсионная деятельность в современном мире приобретает все более изощренные формы и масштабы, представляя собой реальную угрозу безопасности государств и международного сообщества в целом. В условиях глобализации,

развития информационных технологий и появления новых способов ведения гибридных войн [1] диверсии перестали быть исключительно внутригосударственной проблемой, трансформировавшись в вызов, требующий согласованных международных усилий.

Как отмечается в современных научных исследованиях, преступления диверсионной направленности относятся к числу наиболее опасных посягательств на основы конституционного строя и безопасности государства [2]. Очевиден процесс изменения отечественного уголовно-правового подхода к оценке преступности и наказуемости деяний в сфере обеспечения внутренней и внешней безопасности Российской Федерации. Сформированный сегодня институт противодействия преступлениям диверсионной направленности является наиболее ярким тому подтверждением [3].

Актуальность исследования международных основ противодействия диверсионной деятельности обусловлена рядом факторов: транснациональным характером современных диверсионных угроз, необходимостью гармонизации национальных законодательств для эффективного взаимодействия правоохранительных органов разных стран, появлением новых форм диверсий (кибердиверсии, биодиверсии), участвовавшими случаями использования диверсионных методов в гибридных конфликтах, потребностью в совершенствовании международно-правовых механизмов предупреждения и пресечения диверсионной деятельности.

Цель исследования состоит в комплексном анализе международно-правовых основ противодействия диверсионной деятельности, выявлении проблем и перспектив их развития. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: анализ понятийного аппарата и терминологических сложностей в международном праве; исследование универсальных и региональных международных договоров, направленных на противодействие диверсиям; рассмотрение деятельности международных организаций в данной сфере; сравнительный анализ подходов к криминализации диверсионной деятельности в различных правовых системах; выявление проблем имплементации международных норм и формулирование предложений по совершенствованию международно-правового регулирования.

В международном праве отсутствует единое унифицированное понятие диверсионной деятельности, что создает определенные сложности как для теоретических разработок, так и для практического международного сотрудничества. Действующие международные документы и национальные правовые системы используют разные термины: «диверсия», «саботаж», «подрывная деятельность», «акты вмешательства», «враждебные акты» и др.

Важной проблемой международно-правового регулирования является разграничение диверсионной деятельности со смежными составами преступлений, прежде всего, террористическими деяниями. В ряде международных актов эти понятия пересекаются или даже отождествляются, что создает трудности для сотрудничества.

В международном праве диверсия традиционно рассматривается как деяние, направленное на подрыв экономической безопасности и обороноспособности государства, тогда как терроризм акцентирован на устрашении населения и воздействии на принятие решений органами власти. Однако в современной практике эти формы противоправной деятельности все чаще переплетаются, что требует комплексного подхода к противодействию.

Организация Объединенных Наций (ООН) играет ключевую роль в формировании универсальных международно-правовых основ противодействия различным угрозам безопасности, включая диверсионную деятельность. Хотя специальной конвенции, посвященной исключительно диверсиям, не существует, ряд

международных договоров, разработанных под эгидой ООН, содержит положения, имеющие непосредственное отношение к противодействию диверсионным актам.

Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.¹ устанавливает ответственность за незаконное и преднамеренное использование взрывных устройств в местах общественного пользования с целью причинения смерти или серьезных телесных повреждений либо значительных разрушений. Данные деяния по своим объективным признакам во многом совпадают с традиционными способами совершения диверсий (взрывы, поджоги).

Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок 1980 г.² направлена на предотвращение несанкционированного доступа к ядерным материалам и их диверсии. Статья 7 данной Конвенции обязывает государства-участников установить уголовную ответственность за ряд деяний, включая acts of sabotage (акты саботажа/диверсии) в отношении ядерных установок.

Особого внимания заслуживает Договор о торговле оружием (далее – Договор), принятый Генеральной Ассамблеей ООН 2 апреля 2013 г.³ Хотя данный договор непосредственно не касается диверсионной деятельности в уголовно-правовом смысле, он содержит важный механизм предотвращения диверсии (diversion) вооружений – их незаконного перенаправления от санкционированного получателя к несанкционированному.

Как отмечается в докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, государства-участники Договора о торговле оружием сделали значительный шаг в направлении предотвращения диверсии вооружений. Статья 11 Договора фокусируется на предотвращении диверсии и устанавливает ряд мер для достижения этой цели⁴.

Статья 11(2) Договора обязывает государства-участники принимать меры для предотвращения диверсии обычных вооружений путем использования национальной системы контроля. Хотя Договор не уточняет, как должны быть организованы такие системы, он подразумевает, что эффективная национальная система контроля должна требовать от любого лица или организации получения разрешения от контрольного органа перед передачей предметов, включенных в национальный контрольный список⁵.

Важно подчеркнуть, что предотвращение диверсии вооружений имеет прямое отношение к противодействию диверсионной деятельности, поскольку именно несанкционированное распространение оружия создает материальную базу для совершения диверсионных актов. В этом смысле Договор о торговле оружием формирует важный превентивный механизм, дополняющий уголовно-правовые средства борьбы с диверсиями.

Исследователи отмечают, что ключевым приоритетом международного сотрудничества и помощи во взятой для исследования области должно стать усиление безопасности и управления запасами оружия [4].

На региональном уровне наиболее значительные успехи в формировании согласованных подходов к противодействию диверсионной деятельности достигнуты в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Государства – участники СНГ, имеющие общее историческое прошлое и во многом схожие правовые системы,

¹ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 дек. 1997 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 35. Ст. 3513.

² Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок (Вена – Нью-Йорк, 3 марта 1980 г.) // Сборник международных договоров СССР. М., 1989. Вып. XLIII. С. 105–116.

³ Договор о торговле оружием // Организация Объединенных Наций. 2013. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/att> (дата обращения: 14.02.2026).

⁴ Impact of arms transfers on human rights: Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights. UN Doc. A/HRC/44/29. P. 11, para. 31.

⁵ Там же.

создали разветвленную договорную базу сотрудничества в борьбе с преступностью, включая преступления против безопасности государства.

Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.⁶, содержит рекомендательные нормы об ответственности за диверсию. Статья 290 указанного кодекса определяет диверсию как совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью, разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности государства.

Как отмечает Е.А. Игнатенко в своем исследовании, во всех уголовных кодексах государств СНГ родовые и видовой объекты, поставленные под охрану от совершения диверсии, совпадают. Диверсия позиционируется в качестве преступления против государственной власти (государства), что выступает родовым объектом данного преступления. Видовым объектом являются общественные отношения в области защиты основ конституционного строя и безопасности государства [3].

Анализ законодательства стран СНГ позволяет выявить общие подходы и особенности криминализации диверсионной деятельности. Например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь диверсия определена в ст. 360⁷, в Уголовном кодексе Республики Казахстан – в ст. 184⁸, в Уголовном кодексе Кыргызской Республики – в ст. 325⁹. Во всех этих нормах сохраняется преемственность с советским уголовным законодательством, но присутствуют и определенные особенности, отражающие национальную специфику.

Отечественный законодатель, как и законодатели большинства государств СНГ, не предусматривает в ст. 281 Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁰ (УК РФ) специального основания освобождения от уголовной ответственности за диверсию. Подобное основание содержится в примечании к ст. 281.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за содействие диверсионной деятельности, в примечании к ст. 281.2 УК РФ для лиц, отказавшихся от прохождения обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, и в примечании к ст. 281.3 УК РФ для лиц, отказавшихся от участия в диверсионном сообществе.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) играет все более важную роль в формировании региональной системы противодействия транснациональным угрозам, включая диверсионную деятельность. В рамках ШОС принят ряд документов, направленных на координацию усилий государств-членов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которые тесно связаны с противодействием диверсиям.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.¹¹ заложила правовые основы взаимодействия компетентных органов

---

⁶ Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февр. 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10. С. 3–186.

⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 14.02.2026).

⁸ Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 14.02.2026).

⁹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36675065&pos=389;12 (дата обращения: 14.02.2026).

¹⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

государств-членов. Хотя диверсия прямо не упоминается в конвенции, она подпадает под определение терроризма, содержащее указание на деяния, подпадающие под международные антитеррористические конвенции.

В рамках Совета Европы и Европейского Союза также сформированы определенные механизмы противодействия диверсионной деятельности, хотя они менее системны по сравнению с имеющимися на постсоветском пространстве.

Например, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.¹² и Дополнительный протокол¹³ к ней 2015 г. содержат положения о криминализации публичного призыва к совершению террористических преступлений, вербовки и подготовки террористов, что может быть распространено и на диверсионную деятельность.

Современные тенденции развития диверсионной деятельности требуют адекватного международно-правового реагирования. Особую актуальность приобретают вопросы противодействия кибердиверсиям, биодиверсиям, использованию новых технологий в диверсионных целях.

В научной литературе поднимается вопрос о понятиях «биотерроризм» и «биодиверсия», отмечается необходимость их четкого разграничения и выработки международно-правовых механизмов противодействия [5]. При этом стремительное реформирование уголовно-правового пространства в этой области не может не вызывать определенных опасений, связанных с качеством и полнотой содержания новых норм [3]. Поэтому перспективным направлением в развитии взятого для исследования сектора правового регулирования будет являться разработка универсального международного договора, специально посвященного противодействию диверсионной деятельности, обязательно включающего в себя специальный терминологический инструментарий и унифицированные механизмы реагирования на диверсионные угрозы.

Наряду с многосторонними механизмами важную роль в противодействии диверсионной деятельности играют двусторонние соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью, заключаемые Российской Федерацией с зарубежными странами. Такие соглашения позволяют учитывать специфику отношений с конкретным государством и обеспечивать более эффективное взаимодействие правоохранительных органов, что также дальше может быть реализовано в борьбе с диверсионной преступностью.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что международно-правовые основы противодействия диверсионной деятельности представляют собой сложную, многоуровневую систему, включающую универсальные и региональные договоры, деятельность международных организаций, а также двусторонние соглашения государств.

На универсальном уровне ведущую роль играют конвенции ООН, направленные на борьбу с терроризмом и обеспечение физической защиты опасных материалов. Важное значение имеет Договор о торговле оружием 2013 г., устанавливающий механизмы предотвращения диверсии (незаконного перенаправления) вооружений.

Наиболее продвинутой региональной системой противодействия диверсионной деятельности сформирована в рамках СНГ, где принят Модельный уголовный кодекс и осуществляется постоянная гармонизация национальных законодательств. ШОС также вносит значительный вклад в координацию усилий государств-членов по противодействию транснациональным угрозам, включая диверсионные проявления.

Вместе с тем сохраняется ряд проблем, требующих дальнейшего решения: отсутствие универсального определения диверсионной деятельности, различия

---

¹² Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20. Ст. 2393.

¹³ Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма ETSN № 217 (Рига, 22 окт. 2015 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

в подходах к криминализации диверсионных актов в разных правовых системах, сложности разграничения диверсии и смежных составов преступлений, недостаточная эффективность механизмов международного информационного обмена и совместных расследований.

Перспективными направлениями развития международно-правового регулирования в данной сфере представляются: разработка специализированного международного договора о противодействии диверсионной деятельности, расширение сотрудничества в рамках региональных организаций, унификация понятийного аппарата и признаков составов преступлений, совершенствование механизмов обмена информацией и передовым опытом, развитие программ подготовки кадров для правоохранительных органов.

Список источников

1. Петрянин А.В., Богомолов С.Ю., Неганов Д.А. Гибридная война как современный, деструктивный феномен // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19. № 2. С. 300–308.

2. Пикина Т.В. Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: КубГУ, 2025. С. 3.

3. Игнатенко Е.А. Компаративистский анализ ответственности за преступления диверсионной направленности по законодательству стран СНГ // КриминалистЪ. 2024. № 4(49). С. 15.

4. Marsh N. Preventing Diversion: A Challenge for Arms Trade Treaty States Parties // History of Global Arms Transfer. 2019. Vol. 8. P. 56–57.

5. Пухов А.А. К вопросу о понятиях «биотерроризм» и «биодиверсия» // Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства: сб. статей материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 208.

References

1. Petryanin A.V., Bogomolov S.Yu., Neganov D.A. Gibridnaya vojna kak sovremennyy, destruktivnyj fenomen // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2024. T. 19. № 2. S. 300–308.

2. Pikina T.V. Prestupleniya, svyazannye s osushchestvleniem diversionnoy deyatel'nosti: osnovnye napravleniya ugovnoj politiki protivodejstviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar: KubGU, 2025. S. 3.

3. Ignatenko E.A. Komparativistskij analiz otvetstvennosti za prestupleniya diversionnoy napravlenosti po zakonodatel'stvu stran SNG // Kriminalist". 2024. № 4(49). S. 15.

4. Marsh N. Preventing Diversion: A Challenge for Arms Trade Treaty States Parties // History of Global Arms Transfer. 2019. Vol. 8. P. 56–57.

5. Puhov A.A. K voprosu o ponyatiyah «bioterrorizm» i «biodiversiya» // Sociologiya ugovnogo prava i reformirovanie ugovnogo zakonodatel'stva: sb. statej materialov IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2018. S. 208.

Статья поступила в редакцию 11.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 18.02.2026.

The article was submitted 11.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 18.02.2026.

Информация об авторе

А.А. Цветков – аспирант Международного юридического института (Россия, 127427, г. Москва, ул. Кашенкин луг, 4).

Information about the author

A.A. Tsvetkov – postgraduate student at the International Law Institute (Russia, 127427, Moscow, Kashenkin meadow St., 4).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

УДК 343.8

Оперативно-розыскные аспекты обеспечения процесса достижения целей уголовно-исполнительного законодательства

Кирилл Валерьевич Одинок

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия, kir14962@mail.ru, SPIN-код: 2378-2023

Аннотация. Рассмотрены особенности использования оперативно-розыскного потенциала в процессе достижения целей уголовно-исполнительного законодательства. Автором показано, что разный подход к исправительному и предупредительному воздействию сотрудников исправительных учреждений на осужденных, а также ошибки в формировании тактики работы с ними, прежде всего, обусловлены отсутствием эффективного информационного обеспечения со стороны оперативных подразделений, обладающих необходимым ресурсом в прогнозировании латентных процессов, способных с учетом специфики условий закрытого социума стать первопричинами не только для снижения эффективности деятельности по исправлению человека, но и для совершения новых преступлений.

Свою позицию автор обосновывает посредством анализа полученных эмпирических данных, позволяющих увидеть детерминанты, формирующие проблемные вопросы в достижении целей уголовно-исполнительного законодательства.

Автор приходит к выводу о необходимости модернизации оперативно-розыскной деятельности посредством внесения соответствующих изменений в уголовно-исполнительное законодательство.

Ключевые слова: задачи оперативно-розыскной деятельности, цели уголовно-исполнительного законодательства, пенитенциарная профилактика

Для цитирования: Одинок К.В. Оперативно-розыскные аспекты обеспечения процесса достижения целей уголовно-исполнительного законодательства // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 104–112.

Operational and investigative aspects of ensuring the process of achieving the goals of penal enforcement legislation

Kirill V. Odinokov

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia, kir14962@mail.ru, SPIN: 2378-2023

Abstract. Examines the features of using operational investigative potential in the process of achieving the goals of penal enforcement legislation. The author shows that the different approach to correctional and preventive effects of correctional officers on convicts, as well as errors in the formation of tactics for working with them, are primarily due to the lack of effective information support from operational units with the necessary resources in predicting latent processes that, taking into account the specifics of the conditions

of a closed society, can become the root causes not only for reducing the effectiveness of human correction activities, but also for the commission of new crimes.

The author substantiates his position by analyzing the empirical data obtained, which makes it possible to see the determinants that form problematic issues in achieving the goals of penal enforcement legislation.

The author comes to the conclusion that it is necessary to modernize operational investigative activities by making appropriate changes to the penal enforcement legislation.

Keywords: tasks of operational investigative activities, goals of penal enforcement legislation, penitentiary prevention

For citation: Odinokov K.V. Operational and investigative aspects of ensuring the process of achieving the goals of penal enforcement legislation // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 104–112.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р¹, одно из ее направлений состоит в повышении эффективности уголовно-исполнительной системы (УИС) посредством совершенствования организации ее деятельности, а основной стратегией в современных условиях выступает исправление осужденных и недопущение совершения ими и иными лицами новых преступлений. Для достижения поставленных задач, с учетом особенностей условий закрытого социума, особую роль играет профилактика, внутренняя сущность которой направлена на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства, которые на основании ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации² (УИК РФ) состоят в исправлении осужденных и предупреждении совершения с их стороны, и со стороны иных лиц новых преступлений.

Это подтверждается мнением многих исследователей, признающих, что основной формой противодействия пенитенциарной преступности является профилактика. Вопросы осуществления профилактики в своих диссертационных исследованиях рассматривали такие авторы, как: И.А. Уваров [1], А.Б. Ваганов [2], В.С. Ишигеев [3], Е.В. Патрушев [4] и др. В научной сфере профилактика понимается определенным образом и может быть сведена к классическому определению: «Пенитенциарная профилактика (предупреждение) преступлений – это форма воздействия на разнообразные факторы пенитенциарной преступности, преследующая цель не допустить совершения новых пенитенциарных преступлений в определенных видах исправительных учреждений, за определенный период времени» [5].

Стоит отметить, что внутренняя сущность содержания профилактики (предупреждения) строится на понимании ее неотделимости от исправительного воздействия [1], что гармонично вписывается в контекст ее использования не только для предупреждения новых преступлений, но и для осуществления исправительно-профилактической работы в отношении граждан, содержащихся в исправительных колониях. Однако исправительное и предупредительное воздействие, как элементы, составляющие значимую часть профилактики, образуют процесс, который может быть понимаем абсолютно по-разному, что в конечном счете обуславливает деятельность ее субъектов, а также определяет ее стратегию и наполнение. Первый подход заключается в том, что профилактика зиждется на формировании и использовании предупредительно-воспитательного страха перед последствиями за нарушение конкретных законодательных норм. Например, Л.К. Еськова допускает, что в качестве профилактических, превентивных мер можно использовать фактор страха: «Страх создает особое состояние психики, которое направлено на удержание осужденного от совершения нового преступления. Это особое состояние именуется

¹ Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 29 апр. 2021 г. № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

страхом наказания...» [6]. При таком подходе выработка инстинкта (страха перед наказанием), в процессе которого человек не должен допустить со своей стороны противоправных деяний, предполагается в качестве доминирующего звена профилактики.

Второй подход, о котором говорили Т.В. Непомнящая, В.М. Степашин [7], И.С. Ной [8] и иные авторы, заключается в более объемном взгляде на профилактическое воздействие, при котором оно своим результатом признает, прежде всего, отказ лица от противоправных посягательств, не под страхом наказания (пусть даже воспитательного характера), а в силу добровольного (самостоятельно-волевого), сознательного оставления преступных намерений.

Таким образом, на первый взгляд, предупредительно-профилактическое воздействие на осужденных имеет два вектора направления. Первый заключается в том, что оно основывается на удержании осужденного от совершения им противозаконной деятельности посредством активного использования метода «педагогического устрашения». Второй способ интерпретации предупредительного воздействия предполагает понимание этого процесса в качестве работы, прежде всего, профилактически-исправительного характера, без существенного акцента на использовании субъектами профилактики воспитательно-педагогических элементов, основанных на выработке «естественного страха» перед конкретными последствиями.

В ходе изучения деятельности исправительных учреждений с использованием метода включенного наблюдения удалось установить, что данные подходы к предупредительному воздействию не могут быть самостоятельными, отделенными друг от друга элементами. Требуется баланс между ними. В противном случае может формироваться асимметрия между пониманием профилактики в узконаправленном ключе и более широком, где имеют место быть элементы исправительно-воспитательного воздействия. Поэтому профилактическое воздействие на осужденных, с одной стороны, может иметь в своем арсенале абсолютно разный ресурс (использование фактора «страха» и т.д.), но с другой – необходимо, чтобы оно было детерминировано целью исправительного воздействия на граждан, находящихся в условиях закрытого социума.

Тем не менее осуществляя анализ повседневной деятельности исправительных учреждений УИС, можно сделать вывод, что предупредительное воздействие и исправительная работа в отношении осужденных рассматриваются как обособленные друг от друга элементы. Для подтверждения изложенного обратимся к практике, которая свидетельствует, что в исправительных колониях имеются службы, в большей степени формирующие свою работу в исправительно-профилактическом ключе и преимущественно нацеленные на работу предупредительно-профилактического характера (к ним могут быть отнесены оперативные аппараты, служба режима и надзора). Такое деление, с одной стороны, условно (так как все направления деятельности должны быть нацелены на реализацию всех заявленных целей уголовно-исполнительного законодательства, указанных в ч. 1 ст. 1 УИК РФ), а с другой – подобная дифференциация встречается нередко. Например, это подтверждает интервьюирование некоторых сотрудников исправительных учреждений, которое было проведено в 2025 г. Его результаты выявили множество интересных для последующих исследований фактов. Так, в одном исправительном учреждении стратегия профилактической работы основывается на предупредительном воздействии посредством выработки у осужденных «педагогического страха» перед потенциальными последствиями за нарушение законодательных норм. В ином варианте стратегия достижения целей уголовно-исполнительного законодательства строится на доминирующем применении воспитательно-профилактической работы [9], предполагающей в отличие от противоположного подхода акцентирование внимания на аспектах религиозного, нравственного, культурно-просветительского воздействия. Различие между этими подходами более полно можно рассмотреть на примере работы персонала с лидерами криминальной среды. В первом варианте при прибытии в исправительное учреждение человека, имеющего указанный неформальный статус в уголовном мире,

работа строится по принципу оперативного применения мер по его изоляции от основной массы осужденных. Мероприятия исправительно-профилактического воздействия в отношении такого гражданина сокращаются до минимума. Осужденный (как правило) в течение всего срока отбывания наказания находится в изоляции (штрафной изолятор, помещение камерного типа, строгие условия отбывания наказания). При ином подходе, наоборот, сотрудники администрации не форсируют обстоятельства, то есть не принимают однозначных решений, и устремлены с помощью всевозможных методов оказывать последовательное, воспитательно-профилактическое (исправительное) воздействие [10]. Оба типа работы имеют свои издержки. При первом варианте объективное профилактически-исправительное воздействие отодвигается на второй план, а предупредительная работа слишком сильно заикливаясь на ограниченных методах воздействия. В ином варианте, чрезвычайно сильный акцент делается на воспитательной работе, без учета многочисленных обстоятельств, которые требуют дополнительного анализа, с целью формирования индивидуального подхода к конкретной личности осужденного. Таким образом, исправительное и предупредительное воздействие не представляет собой цельного, последовательного, системного и в конечном счете единого процесса, что разрушает само понятие профилактики, разделяя ее на многосоставные части. В результате происходит условное разделение исправительного и предупредительного воздействия.

Посредством метода включенного наблюдения за деятельностью исправительных учреждений удалось установить, что одной из основных причин выделения в отдельные смысловые элементы исправительного воздействия и предупредительной работы в отношении осужденных является отсутствие информационного обеспечения процесса достижения целей уголовно-исполнительного законодательства со стороны оперативно-розыскных подразделений. Когда речь идет о воздействии (исправительного или предупредительного характера) на осужденного, то не может быть однотипного штампа работы с конкретной личностью. Так, в работе с одним человеком рационально применять тактику «доминирующего» предупредительного воздействия, аналогичная работа в отношении другого человека, наоборот, может привести к серьезным негативным последствиям. Оказать содействие другим отделам и службам в выборе направления, тактики, стратегии воздействия на лицо способны оперативные данные (с учетом соблюдения требований режима секретности), так как заключают в себе существенный ресурс общей информации, способствующей прогнозированию потенциально-негативных событий.

Рассматриваемый тип координирования оперативной службой других направлений деятельности учреждения, в контексте всего вышеизложенного, можно свести к такому термину как оперативно-розыскная профилактика. Зарождение этого понятия, еще в советский период, становится отправной точкой в преодолении проблемных вопросов при формировании сотрудниками пенитенциарных учреждений тактики воздействия на лиц, находящихся в изоляции от общества. Так, советский исследователь К.С. Раскин писал: «...успех борьбы с преступлениями заключенных может быть достигнут только лишь при сочетании оперативно-профилактической работы со всей совокупностью воспитательных мероприятий... Поэтому должна проявляться особая забота о том, чтобы все службы и аппараты исправительно-трудовых учреждений самым активным образом взаимодействовали, дополняли друг друга...» [11].

Стоит отметить, что оперативно-профилактическая работа имеет два подхода. При первом (узконаправленном) варианте оперативно-розыскная профилактика сводится к однозначно трактуемому понятию предупредительного воздействия на человека. Для того чтобы раскрыть суть указанной терминологии, приведем некоторые мысли исследователей, поддерживающих данный подход. Хлыстов А.Н., рассуждая об оперативно-розыскной профилактике в отношении отдельной категории осужденных, утверждает, что «одну треть срока лидеры организованных групп должны отбыть в единых помещениях камерного типа без права на переписку и свидания для минимизации их контактов с окружающим миром и возможности

влиять на осужденных» [12]. Другие авторы в качестве оперативно-розыскной профилактики предлагают использовать дезинформирующие данные, применение которых может оказать своеобразное предупредительно-профилактическое влияние на потенциального нарушителя. Например, Р.С. Белкин считает, что «государство может признать допустимость обмана в правоохранительных органах, поскольку оно узаконило оперативно-розыскную деятельность, которая во многом основывается на дезинформации и введении в заблуждение преступников, что, в свою очередь, выступает эффективным средством предупреждения, обнаружения и раскрытия преступлений. Дезинформация преступников никогда не должна считаться аморальным поведением» [13]. Аналогичного мнения придерживаются и другие авторы, понимающие под предупредительными свойствами оперативно-розыскной профилактики использование компрометирующих сведений, со значительной примесью лжи: «...вполне допустимым, на наш взгляд, является распространение ложных сведений в отношении лидеров и активных участников организованных групп, а также лиц, способствующих их деятельности, которые могут дискредитировать этих осужденных, то есть «развенчать» их и тем самым профилектировать совершение правонарушений в учреждениях УИС» [14].

Второй подход к оперативно-розыскной профилактике является более широким. Горяинов К.К. пишет: «Использование оперативно-розыскной информации позволяет не только выявлять, предупреждать, пресекать преступления и нарушения режима, но и дает возможность более обоснованно выбирать методы и средства психолого-педагогического воздействия, их тактику... более эффективно управлять ситуацией в исправительных учреждениях...» [15]. Также интересны нестандартные мысли профессора А.С. Овчинского, который большое внимание в рамках оперативно-розыскной профилактики уделяет информационно-психологическому воздействию на человека с помощью различных форм работы с подсознанием индивида [16]. В его трудах прослеживается идея, что такие нестандартные способы оперативного воздействия (с точки зрения современных реалий) могут эффективным образом способствовать изменению внутреннего мировоззрения личности (то есть ее исправлению).

Подобные расхождения подходов к оперативно-розыскной профилактике способны смещать вектор оперативной работы в УИС в разные стороны, тем самым в значительной степени оказывая влияние на другие служебные направления, в конечном счете формирующие общую стратегию деятельности исправительного учреждения по достижению целей уголовно-исполнительного законодательства.

Для того чтобы понять источник возникшего плюрализма мнений как в теоретической, так и в практической сфере оперативно-розыскной деятельности, в 2025 г. был проведен опрос (с использованием метода интервьюирования) сотрудников, представляющих оперативные подразделения исправительных учреждений различных субъектов Российской Федерации. Из 127 опрошенных лиц 63 % представителей персонала заявили, что под профилактической (предупредительной) работой субъекта оперативно-розыскной деятельности понимают деятельность, направленную на применение в учащенном порядке так называемых оперативно-режимных мероприятий, состоящих в проведении обысков, досмотров и т.д. либо в инициировании вопросов, касающихся применения к конкретному человеку мер взыскания, в виде водворения в штрафной изолятор или перевода в помещение камерного типа за допущенные нарушения. Предполагается, что подобные меры естественным образом будут способствовать исправлению осужденного. Другая часть опрошенных сотрудников придерживалась иного мнения и была убеждена, что рассматриваемый тип работы предполагает либо проведение бесед профилактического характера, в ходе которых субъект оперативно-розыскной деятельности пытается влиять на мировидение человека, либо предусматривает осуществление воспитательной работы с привлечением иных заинтересованных лиц (представителей религиозных конфессий, членов общественных организаций и т.д.). Все остальные формы воздействия вышеуказанные респонденты (представляющие вторую группу опрашиваемых сотрудников) не отрицают, однако считают их второстепенными. Как показали результаты интервьюирования, подобные

расхождения, прежде всего, связаны с тем, что нормы ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³ и ст. 84 УИК РФ, закрепляющие задачи оперативно-розыскной деятельности, рассматриваются оперативными сотрудниками совершенно по-разному. Первая группа респондентов убеждена, что они носят скорее предупредительный характер и ориентированы в большей степени на реализацию цели уголовно-исполнительного законодательства, направленную на предупреждение новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами. Вторая группа опрошенных сотрудников предполагает, что оперативно-розыскная деятельность в условиях исправительных учреждений имеет свою специфику и, прежде всего, должна решать задачи воспитательно-профилактического (исправительного) характера, которые имеют своим естественным результатом предупреждение совершения новых преступлений. Таким образом, формируются две формулы подхода к оперативно-профилактическому воздействию. Основное их отличие состоит в расположении слагаемых профилактики. Первая: предупреждение – для исправления. Вторая: исправление – для предупреждения. Ключевую роль играет первый элемент (слагаемое), так как определяет целенаправленность и всю внутреннюю сущность профилактики.

Однако условия закрытого социума предполагают необходимость использования оперативно-профилактического потенциала на другом уровне. Поэтому, стоит предложить универсальное уравнение профилактики, соединяющее в себе все вышеизложенные слагаемые, через устранение среди них элементов первенства. Оно может пониматься в качестве исправительно-предупредительной формулы профилактической деятельности оперативно-розыскных подразделений. Ее основной смысл заключается в том, что оперативные аппараты (в рамках УИС), не могут быть обособлены от других отделов и служб, выполняя в полной мере общие задачи, стоящие перед всеми сотрудниками УИС. Следовательно, целесообразно условно организовывать оперативные подразделения в информационный центр (с учетом имеющегося у них специфического ресурса), создающий обширную базу данных не только из сведений, полученных непосредственно оперативным путем, но также из информации, накапливаемой посредством взаимодействия с представителями иных служебных направлений. При таком подходе оперативная информация в большей степени становится объективной и многогранной (то есть предлагает различные варианты ее использования), что позволяет оперативным сотрудникам в рамках взаимодействия с другими структурными подразделениями коллективным образом вырабатывать и согласованно выбирать тактику, стратегию исправительного и предупредительного воздействия, формируя персональный вариант работы с индивидом и прогнозируя возможные негативные последствия.

Вышеуказанные идеи для их реализации в практической деятельности требуют внесения изменений в законодательную базу, содержащую нормы использования оперативно-розыскного ресурса в процессе достижения целей уголовно-исполнительного законодательства. Автором предлагается внести изменения в ст. 84 УИК РФ, и в качестве еще одной задачи оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях закрепить «оказание содействия отделам и службам УИС в достижении целей уголовно-исполнительного законодательства». Такая формулировка предполагает, во-первых, расширение возможностей субъекта оперативно-розыскной деятельности, так как моделирует постоянный взаимовыгодный обмен информацией между различными служебными направлениями, а во-вторых, приводит к пониманию взаимозависимости предупредительного и исправительного воздействия на осужденных, в качестве единого целого. Употребляемый в формулировке термин «содействие» наиболее полным образом отражает правовую природу возможности использования оперативно-розыскного потенциала (и его профилактической формы) в рамках взаимодействия с другими структурными подразделениями для исправления

³ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

осужденных, а значит и предупреждения совершения новых преступлений. Все вышеизложенное способно устранить из деятельности оперативных подразделений узконаправленный вектор работы, а также аналогичным образом трансформировать деятельность иных служебных направлений, которые посредством взаимодействия с оперативными аппаратами могут получать значительный массив сведений (общедоступного, то есть открытого характера), позволяющий им не только вырабатывать индивидуальный, в какой-то степени нестандартный подход в работе с конкретной личностью, но и решать самые разноплановые задачи, направленные на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства.

В конечном счете можно прийти к выводу, что предлагаемый термин «содействие» включает многоаспектные, разноплановые элементы использования информационного массива для оперативного обеспечения процесса реализации цели исправления осужденных и предупреждения с их стороны и со стороны иных лиц новых преступлений. Более того, определение в качестве одной из задач оперативно-розыскной деятельности в УИС оказания содействия другим отделам и службам в достижении целей уголовно-исполнительного законодательства приведет к естественной синергии стандартной предупредительной, профилактической функции оперативных подразделений и поставленных перед всем персоналом задач по исправительному воздействию. В дальнейшем это создаст основу для перспектив исследования и открытия новых путей модернизации не только оперативно-розыскной деятельности в УИС, но и иных служебных направлений, с учетом стратегических установок, отраженных в уголовно-исполнительном законодательстве, а также в основных положениях Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.

Список источников

1. Уваров И.А. Пенитенциарная профилактика как процесс исправления осужденных в условиях закрытого социума: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2022. 349 с.
2. Ваганов А.Б. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и ее профилактика: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 207 с.
3. Ишигеев В.С. Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2004. 331 с.
4. Патрушев Е.В. Насильственная преступность осужденных в местах лишения свободы и ее профилактика: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022. 255 с.
5. Пенитенциарная криминология: учеб. / С.В. Расторопов [и др.]; под ред. С.В. Расторопова. М.: ИНФРА-М, 2023. 193 с.
6. Еськова Л.К. Устрашение как важнейший элемент специальной превенции // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 4(239). С. 13–17.
7. Непомнящая Т.В., Степашин В.М. Проблемы назначения наказания. М.: Форум, 2012. 590 с.
8. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. 156 с.
9. Щербаков А.В. Воспитательно-профилактическая и социально-психологическая работа с осужденными как средство обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 2(201). С. 63–68.
10. Одинокоев К.В. Достижение целей уголовно-исполнительного законодательства через понимание деятельности исправительных учреждений в качестве исправительно-предупредительного процесса // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 6(277). С. 34–40.
11. Раскин К.С. Режим в исправительно-трудовых учреждениях и предупреждение преступлений среди заключенных // Вопросы исправительно-трудового права: сб. статей. М., 1957. Вып. 1. С. 45–78.

12. Хлыстов А.Н. Противодействие проявлениям организованной преступности в местах лишения свободы: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань: Академия ФСИН России, 2005. 220 с.
13. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Инфра-М-NORMA, 2001. 240 с.
14. Галахов С.С., Голубцова К.И. Организация индивидуальной оперативно-розыскной профилактики преступлений в отношении участников организованных групп в исправительных учреждениях // Научный портал МВД России. 2020. № 4(52). С. 92–97.
15. Горяинов К.К. Оперативно-розыскная деятельность в системе исполнения и отбывания уголовных наказаний // Общество и право. 2013. № 4(46). С. 154–157.
16. Овчинский А.С. Информация и оперативно-розыскная деятельность: монография / под ред. В.И. Попова. М.: ИНФРА-М, 2002. 415 с.

References

1. Uvarov I.A. Penitenciarnaya profilaktika kak process ispravleniya osuzhdennykh v usloviyakh zakrytogo sociuma: dis. ... d-ra yurid. nauk. N. Novgorod, 2022. 349 s.
2. Vaganov A.B. Kriminologicheskaya harakteristika penitenciarnoy prestupnosti i ee profilaktika: dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2012. 207 s.
3. Ishigeev V.S. Penitenciarnye prestupleniya: harakteristika, preduprezhdenie, otvetstvennost': dis. ... d-ra yurid. nauk. Krasnoyarsk, 2004. 331 s.
4. Patrushev E.V. Nasil'stvennaya prestupnost' osuzhdennykh v mestah lisheniya svobody i ee profilaktika: dis. ... kand. yurid. nauk. Kaliningrad, 2022. 255 s.
5. Penitenciarnaya kriminologiya: ucheb. / S.V. Rastoropov [i dr.]; pod red. S.V. Rastoropova. M.: INFRA-M, 2023. 193 s.
6. Es'kova L.K. Ustrashenie kak vazhnejshij element special'noj prevencii // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2022. № 4(239). S. 13–17.
7. Nepomnyashchaya T.V., Stepashin V.M. Problemy naznacheniya nakazaniya. M.: Forum, 2012. 590 s.
8. Noj I.S. Voprosy teorii nakazaniya v sovetskom ugovolnom prave. Saratov, 1962. 156 s.
9. Shcherbakov A.V. Vospitatel'no-profilakticheskaya i social'no-psihologicheskaya rabota s osuzhdennymi kak sredstvo obespecheniya bezopasnosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2019. № 2(201). S. 63–68.
10. Odinokov K.V. Dostizhenie celej ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva cherez ponimanie deyatel'nosti ispravitel'nyh uchrezhdenij v kachestve ispravitel'no-predupreditel'nogo processa // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. 2025. № 6(277). S. 34–40.
11. Raskin K.S. Rezhim v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdeniyah i preduprezhdenie prestuplenij sredi zaklyuchennykh // Voprosy ispravitel'no-trudovogo prava: sb. statej. M., 1957. Vyp. 1. S. 45–78.
12. Hlystov A.N. Protivodejstvie proyavleniyam organizovannoj prestupnosti v mestah lisheniya svobody: kriminologicheskij i ugovolno-pravovoj aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2005. 220 s.
13. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossijskoj kriminalistiki. M.: Infra-M-NORMA, 2001. 240 s.
14. Galahov S.S., Golubcova K.I. Organizaciya individual'noj operativno-rozysknoj profilaktiki prestuplenij v otnoshenii uchastnikov organizovannykh grupp v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2020. № 4(52). S. 92–97.
15. Goryainov K.K. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v sisteme ispolneniya i otbyvaniya ugovolnykh nakazaniy // Obshchestvo i pravo. 2013. № 4(46). S. 154–157.
16. Ovchinskij A.S. Informaciya i operativno-rozysknaya deyatel'nost': monografiya / pod red. V.I. Popova. M.: INFRA-M, 2002. 415 s.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Информация об авторе

К.В. Одиноков – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Россия, 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1).

Information about the author

K.V. Odinokov – Senior Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities of the Law Faculty of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Russia, 390000, Ryazan, Sennaya Street, 1).

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 343.237

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Ольги Валерьевны Шмыгиной «Угроза как способ совершения преступлений против собственности», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности

5.1.4 «Уголовно-правовые науки», выполненную на кафедре уголовного права и процесса Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Александр Викторович Шеслер

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, sofish@inbox.ru,
SPIN-код: 4155-2416

Аннотация. Дается характеристика диссертации О.В. Шмыгиной на тему: «Угроза как способ совершения преступлений против собственности», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки». Подчеркивается актуальность темы исследования, его научная новизна, достоверность сделанных выводов, а также положений, вынесенных на защиту, их доктринальная и практическая значимость.

Ключевые слова: преступления против собственности, психическое насилие, «чувствительная информация», угрозы, потерпевший

Для цитирования: Шеслер А.В. Отзыв официального оппонента на диссертацию Ольги Валерьевны Шмыгиной «Угроза как способ совершения преступлений против собственности», представленную на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки», выполненную на кафедре уголовного права и процесса Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 113–119.

The official opponent 's review of Olga V. Shmygina's dissertation «Threat as a method of committing crimes against property», submitted for the degree of Candidate of Law in the specialty 5.1.4 «Criminal law sciences», performed at the Department of Criminal Law and Process of the Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Alexander V. Shesler

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, sofish@inbox.ru, SPIN: 4155-2416

Abstract. The article describes O.V. Shmygina's dissertation on the topic: «Threat as a way of committing crimes against property», submitted for the degree of Candidate of Law in the specialty 5.1.4 «Criminal Law sciences». The relevance of the research topic, its scientific novelty, the reliability of the conclusions reached, as well as the provisions submitted for defense, their doctrinal and practical significance are emphasized.

Keywords: crimes against property, mental violence, «sensitive information», threats, victim

For citation: Shesler A.V. The official opponent 's review of Olga V. Shmygina's dissertation «Threat as a method of committing crimes against property», submitted for the degree of Candidate of Law in the specialty 5.1.4 «Criminal law sciences», performed at the Department of Criminal Law and Process of the Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 113–119.

Важность темы исследования сомнений не вызывает и традиционно была обусловлена тем, что преступления против собственности, совершаемые с помощью угрозы, посягают не только на имущественные отношения, но и на психическую неприкосновенность личности. В настоящее время актуальность данной темы возрастает в связи со стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, которые активно используются для доведения подобных угроз до потерпевшего и распространения информации, которая позорит потерпевшего или его близких, а также может причинить существенный вред их правам и законным интересам. Ключевая роль в противодействии таким преступлениям принадлежит мерам уголовно-правового воздействия, прежде всего, применению норм о преступлениях против собственности. Вместе с тем эффективность этого противодействия снижается из-за несовершенства редакции уголовного закона в части отражения в нем различных видов угроз, применяемых при совершении преступлений против собственности (прежде всего, из-за отсутствия законодательной дефиниции угроз, использования таких оценочных признаков, как «позорящие сведения», «существенный вред», «близкие»). Несвершенство редакции уголовного закона обуславливает сложности в квалификации исследованных преступлений, в основном при их отграничении от преступлений против личности, посягающих на психическую неприкосновенность личности или сопряженных с посягательством на нее, а также при их квалификации по совокупности с последними. Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточная научная проработка положений уголовного закона об угрозе как способе совершения преступлений против собственности. До сих пор в науке уголовного права отсутствует однообразный подход, который мог быть использован законодателем, к определению понятия угрозы, отнесению угрозы физическим насилием к разновидности насилия, соотношению таких понятий, как принуждение, понуждение, насилие и угроза. Кроме того, исследователи только приступают к разработке проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой угроз имущественного характера, которые связаны с виртуальными объектами и не подпадают под признаки действующей редакции ст. 163 Уголовного

кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ) о вымогательстве. Представляется, что диссертационное исследование О.В. Шмыгиной в значительной степени способствует решению возникших проблем.

Логичной представляется структура работы, которая состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

Во введении соискатель обосновывает актуальность темы исследования, показывает состояние научной разработки проблемы, определяет его объект, предмет, цели и задачи, указывает на методологию и методы исследования, его теоретическую, нормативно-правовую и эмпирическую основу, характеризует научную новизну исследования, формулирует основные положения, выносимые на защиту, обозначает теоретическую и практическую значимость исследования, указывает на степень достоверности и апробацию результатов исследования, их внедрение в учебный процесс, характеризует структуру работы.

В первой главе работы соискатель обращается к характеристике угрозы как уголовно-правовой категории. Анализ действующего российского уголовного законодательства позволяет сделать вывод о том, что эта категория является уголовно-релевантной и употребляется законодателем в четырех значениях, а именно: как уголовно-правовое последствие, способ воздействия на человека, форма насильственного посягательства, характеристика обстановки.

Правильным представляется вывод соискателя о том, что нельзя отождествлять угрозу, применяемую при совершении преступления, с психическим насилием. В работе отмечается, что психическим насилием является только такая угроза, которая состоит в угрозе применения физического насилия (угрозе убийством, причинением вреда здоровью, нанесением побоев и т.д.), так как она игнорирует волю потерпевшего. Шантаж (угроза распространить позорящие потерпевшего или его близких сведения, которые могут причинить существенный вред их правам и законным интересам или иной вред), имущественная угроза (угроза изъять, уничтожить или повредить имущество) соискателем не относятся к психическому насилию, так как они допускают проявление воли потерпевшего в определенных пределах. Соответственно этому выводу в работе содержится утверждение, что угроза применить физическое насилие характеризует принуждение потерпевшего к определенным действиям, шантаж и имущественная угроза – понуждение к ним.

Научный интерес представляет и является предметом научной полемики введение соискателем в научный оборот термина «чувствительная информация». Под ней в работе понимается информация негативного, социально-нейтрального либо, в ряде случаев, социально-положительного характера, которая в зависимости от контекста ее передачи адресату и его субъективного восприятия данной информации при ее распространении и других противоправных действиях с ней представляет угрозу правам и законным интересам адресата, его близких либо иных лиц, а также способна причинить указанным лицам моральный вред и (или) имущественный ущерб. Соискатель считает ее интегративной сущностной характеристикой угрозы как способа совершения преступлений против собственности, которая позволяет четко определить реальность угрозы, исходя из ее содержания и восприятия потерпевшим.

Во второй главе диссертации соискатель выделяет виды угроз в качестве способа совершения преступлений против собственности и характеризует их содержание. В зависимости от информационного содержания угроз в работе выделены и рассмотрены три разновидности: угроза информацией насильственного характера, угроза информацией имущественного характера, угроза информацией компрометирующего характера. Особое внимание обращено на сопряженность имущественных требований с кибернасилием (кибербуллинг, троллинг,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20 февр. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

внутригрупповым кибервандализмом и др.), которые не всегда совпадают с угрозами, охватываемыми вымогательством (например, угроза распространить сведения, которые не позорят определенное лицо, не причиняет вред его правам и законным интересам, однако распространение которых не является для него желательным, угроза уничтожить виртуальные игровые объекты и т.д.). Отдельное внимание в работе уделено характеристике шантажа как разновидности угрозы при предъявлении имущественных требований. Прежде всего, в работе обращается внимание на угрозы распространения нежелательной для определенного лица информации в виртуальной среде, которые соискатель именуется скрытым шантажом. Анализом примеров из практики автор доказывает, что угроза уничтожения или повреждения чужого имущества является не только способом совершения вымогательства, но и иных преступлений против собственности: насильственного грабежа и разбоя, угона транспортного средства с применением насилия и даже мошенничества.

В третьей главе диссертации соискателем рассматриваются вопросы квалификации угрозы как способа совершения преступлений против собственности, которые он условно делит на две группы: традиционные вопросы, связанные с уголовно-правовой оценкой угроз неопределенной и комбинированной информацией, вопросы квалификации угроз информацией насильственного, имущественного и компрометирующего характера, возникающие в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий. В работе отмечается, что для установления содержания и реальности угрозы неопределенного характера необходимо учитывать информационный фон, используемый при выражении угрозы (например, информацию об актах терроризма при доведении угрозы до потерпевшего с использованием дрона, с которого сбрасывается записка с угрозой и требованием передачи денег).

Соискатель обосновывает новое качество общественной опасности угроз как способа совершения преступлений против собственности в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий, которое выражается, прежде всего, в появлении новых, технологически и тактически изолированных форм выражения и реализации такой угрозы. Безусловно, это требует нового подхода к квалификации таких угроз, в частности, действий лиц, требующих вознаграждение с потерпевших за прекращение дальнейшего распространения негативных сведений в телеграмм-канале, например за удаление постов или установку блоков на негативные публикации.

В заключении диссертации сформулированы основные выводы, предложения и рекомендации. В приложениях к работе в виде диаграмм приводятся статистические данные о зарегистрированных преступлениях против собственности, совершенных с помощью угроз, обобщенные результаты изученной соискателем судебной практики об этих преступлениях, обобщенные результаты проведенного соискателем анкетирования судей, сотрудников органов внутренних дел, адвокатов о содержании угроз как способа совершения преступлений против собственности.

К числу принципиально новых положений, полученных лично соискателем, позволяющих определить исследование как научно-квалифицированную работу, содержащую решение задач, имеющих существенное значение для теории и практики, следует отнести:

– обоснование нового качества общественной опасности угроз как способа совершения преступлений против собственности в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий, которое выражается, прежде всего, в появлении новых, технологически и тактически изолированных форм выражения и реализации такой угрозы;

– введение в научный оборот термина «чувствительная информация», под которой понимается информация негативного, социально-нейтрального либо, в ряде случаев, социально-положительного характера, которая в зависимости от контекста ее передачи адресату и его субъективного восприятия данной информации при

ее распространении и других противоправных действиях с ней представляет угрозу правам и законным интересам адресата, его близким либо иным лицам, а также способна причинить указанным лицам моральный вред и (или) имущественный ущерб;

– выделение трех разновидностей угроз, выступающих способом совершения преступлений против собственности, а именно: угрозы информацией насильственного характера, угрозы информацией имущественного характера, угрозы информацией компрометирующего характера;

– аргументирование сопряженности имущественных требований с кибернасилием (кибербуллинг, троллинг, внутригрупповым кибервандализмом и др.), которые не всегда совпадают с угрозами, охватываемыми вымогательством (например, угроза распространить сведения, которые не позорят определенное лицо, не причиняет вред его правам и законным интересам, однако распространение которых не является для него желательным, угроза уничтожить виртуальные игровые объекты и т.д.);

– предложения об учете информационного фона, используемого при выражении угрозы для установления содержания и реальности угрозы неопределенного характера (использование информации о чрезвычайных происшествиях, террористических актах, вооруженных нападениях, эпидемиях, эпизоотиях, массовых панических настроениях, а также различной социально значимой дезинформации).

Положительной оценки заслуживает эмпирическая база исследования, которая включает 346 судебных решений по преступлениям против собственности (ст. 161, 162, 163, 166 УК РФ), результаты проведенного опроса 171 эксперта (из них 32 – судьи районных судов, 57 – сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, 82 – адвокаты), результаты официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Главного информационно-аналитического центра МВД России о совершенных преступлениях против собственности, сопряженных с угрозой.

Объем и характер представленных эмпирических данных в диссертационной работе обеспечил репрезентативность результатов исследования и является основанием для вывода об их обоснованности и достоверности.

Заявленная тема раскрыта, сформулированные автором положения и выводы убедительны и обусловили теоретическую и практическую значимость полученных в ходе исследования результатов.

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в семи научных статьях, опубликованных в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Диссертация оформлена с учетом требований, установленных для данного вида работ. Содержание диссертации соответствует исследуемой направленности и паспорту научной специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки».

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о завершеном и самостоятельном научном исследовании.

Вместе с тем в тексте диссертации содержатся положения, по поводу которых необходимо сделать следующие замечания.

1. Объектом критики является введение соискателем в научный оборот термина «чувствительная информация» (с. 12, 13, 54–61, 125). Соискатель полагает, что наличие этого термина в уголовном законе и предложенное в работе его определение послужит интегративной сущностной характеристикой угрозы как способа совершения преступлений против собственности, а также позволит четко определить реальность угрозы, исходя из ее содержания и восприятия потерпевшим. Действительно, термин, интегрирующий все виды сведений, с помощью которых виновный воздействует на потерпевшего посредством угрозы, прежде всего при вымогательстве, необходим. Однако вряд ли такая необходимость будет достигнута

заменой одних оценочных признаков, используемых законодателем при характеристике подобной угрозы («позорящие сведения», «существенный вред»), содержание которых правоприменитель в силу обширной судебной практики раскрывает в целом в соответствии с «духом» и «буквой» закона, другим оценочным признаком («чувствительная информация»). Данный термин в истории отечественного уголовного законодательства не употреблялся, не интегрирован в терминологию действующего уголовного законодательства, его содержание в работе определяется через термины, также носящие оценочный характер и нуждающиеся в разъяснении («негативная», «социально-нейтральная», «социально-положительная», «близкие», «субъективное»). Подобный подход не позволит правоприменителю четко определить реальность угрозы, из чего пытается исходить соискатель, вводя в научный оборот термин «чувствительная информация». Вместе с тем попытки соискателя выработать термин, интегрирующий все случаи угроз как способа совершения преступлений против собственности в виде распространения информации, которая может причинить существенный вред потерпевшему, обоснованы. Это связано с тем, что употребляемая сегодня в уголовном законе терминология не в полной мере охватывает угрозы, которые сопровождают требования к потерпевшему передать принадлежащее ему имущество, право на него, выполнить действия имущественного характера. Например, к такой угрозе не относится угроза сообщить в полицию сведения о том, что конкретное лицо является «вором в законе» и совершает действия, соответствующие такому положению. Это лицо не может быть потерпевшим от вымогательства. Подобная информация не позорит данное лицо (не порочит его честь и достоинство, деловую репутацию), ее распространение не причиняет вред его правам и законным интересам (нахождение в положении «вора в законе» не входит в правовой статус данного лица). Соответственно требования о совершении действий, указанных в ч. 1 ст. 163 УК РФ, под угрозой распространения подобной информации преступления не образует. Вместе с тем подобная угроза может понудить «вора в законе» выполнить требования угрожающего лица, чтобы избежать уголовной ответственности в соответствии со ст. 210.1 УК РФ за занятие высшего положения в преступной иерархии. Полагаем, правовой пробел в законодательстве обеспечит введение в текст ст. 163 УК РФ термина «шантаж», который охватит все виды угроз распространить нежелательные для определенного лица сведения. Законодатель уже использует именно этот термин применительно к другим преступлениям (ст. 133, 302, 309 УК РФ и т.д.) вместо словосочетания «под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». Очевидно, что нет смысла в использовании термина «шантаж» в уголовном законе как равнозначного этому словосочетанию. Он является более широким по содержанию, включающим в себя все виды угроз распространить нежелательные для определенного лица сведения.

2. В более обстоятельной аргументации нуждается позиция соискателя по поводу того, что не содержит признаков грабежа требование одного лица к другому о незаконной передаче имущества под угрозой блокирования определенной компьютерной информации (с. 80–83) или продолжения совершаемых вредоносных компьютерных атак (с. 115–116). Соискатель обосновывает свою позицию лишь ссылкой на аргументы, содержащиеся в апелляционном и кассационном определениях («грабеж предполагает нахождение и преступника, и иных вышеуказанных лиц в одном месте», «завладение имуществом при грабеже происходит одновременно с высказанной угрозой либо сразу после нее», «непосредственное изъятие и завладение имуществом виновным не имело места, его требования были направлены на получение требуемого имущества в будущем»), которые были отменены Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Вместе с тем подобные аргументы, содержащиеся в отмененных решениях судов, использовались судебной практикой лишь при разграничении грабежа и вымогательства, сопряженных с физическим насилием или

угрозой его применения. В иных случаях незаконные требования передачи имущества должны квалифицироваться в зависимости от характера угроз, которыми подкрепляются эти требования. Если угрозы не выражаются в высказываниях уничтожить или повредить имущество либо не носят характер шантажа, то они представляют собой способ совершения открытого хищения имущества, то есть грабежа. Полагаем, что суды, решения которых отменены, не учитывают современные криминологические реалии, связанные с развитием информационных технологий и их влиянием на способы совершения традиционных преступлений.

3. Недостаточно аргументированной представляется предложение соискателя квалифицировать как вымогательство действия лиц, требующих вознаграждение с потерпевших за прекращение дальнейшего распространения негативных сведений в телеграмм-канале, в частности за удаление постов или установку блоков на негативные публикации (с. 118–122). На взгляд авторов, подобная угроза является способом совершения грабежа, а не вымогательства, так как негативные сведения о потерпевшем уже распространены, и угроза состоит в том, что такие сведения не будут удалены.

Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования и могут лишь послужить предметом научной дискуссии.

Вывод: диссертация Ольги Валерьевны Шмыгиной «Угроза как способ совершения преступлений против собственности» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития юридической науки и практики, что соответствует требованиям Порядка присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» от 30 апреля 2025 г. № 02-763, а Ольга Валерьевна Шмыгина заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки».

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 18.02.2026.

The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 18.02.2026.

Информация об авторе

А.В. Шеслер – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (Россия, 654066, Кемеровская область – Кузбасс, г. Новокузнецк, Октябрьский пр., 49).

Information about the author

A.V. Shesler – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, 654066, Kemerovo Region, Kuzbass, Novokuznetsk, Oktyabrsky Ave., 49).

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ПРАВДА И ЗАКОН»

Научно-практический журнал «Правда и закон» публикует **оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы** по следующим отраслям науки в соответствии с Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. № 1586 «Об утверждении правил формирования перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» и Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесение изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093»:

Шифр	Наименование групп научных специальностей, наименование научной специальности	Наименование отраслей науки, по которым присуждается ученая степень
5.1	Право	
5.1.1	Теоретико-исторические правовые науки	Юридические
5.1.2	Публично-правовые (государственно-правовые) науки	Юридические
5.1.3	Частноправовые (цивилистические) науки	Юридические
5.1.4	Уголовно-правовые науки	Юридические
5.8	Педагогика	
5.8.2	Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)	Педагогические

Журнал зарегистрирован в Научной Электронной библиотеке «РИНЦ».

Журнал включен в действующий Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (ВАК РФ).

ОСНОВНЫЕ РУБРИКИ ЖУРНАЛА:

- Обеспечение национальной безопасности: теория, законодательство, практика, политика, история.
- Предупреждение преступлений и иных правонарушений для обеспечения национальной безопасности.
- Обеспечение национальной безопасности в экстремальных ситуациях.
- Искусственный интеллект в обеспечении национальной безопасности и противодействие киберпреступности.
- Правовое положение человека при обеспечении национальной безопасности.
- Обеспечение национальной безопасности: международные стандарты и зарубежный опыт.
- Обеспечение национальной безопасности в деятельности Следственного комитета Российской Федерации и иных правоохранительных органов.
- Научная и образовательная жизнь.
- Интервью, персона.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ:

- К рассмотрению принимаются научно-теоретические, научно-практические и экспериментальные работы по отраслям юридических, психологических и педагогических наук.
- Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Не принимаются статьи, представляющие собой параграфы или главы из уже опубликованных авторских монографий.
- Содержание статьи должно соответствовать тематике рубрик журнала.

- Статья должна являться законченной научной работой, содержащей научную новизну и / или практическую значимость, обоснование выдвинутых положений.

ПРАВИЛА И ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ

Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте (e-mail): rio@skspba.ru) *.rtf или *.doc текстового редактора Word и на бумажном носителе.

Рекомендованный объем публикации – от 0,5 до 1 п.л., что составляет не менее 8 (20 тыс. знаков) и не более 16 (40 тыс. знаков) страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже техническими требованиями.

Статья должна быть представлена одним файлом, названным по фамилии автора (например, Иванов-статья.doc).

Для каждого автора должны быть указаны имя, фамилия и отчество (полностью), ученые степени и звания, должность и место работы, почетные звания, почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты для контактов.

Название, аннотация статьи, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

Обязательно наличие пристатейных библиографических списков у всех статей в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

Каждая представленная статья должна иметь личную подпись автора / авторов, заверенную должным образом кадровым аппаратом по основному месту их работы. Рукопись подписывается автором на последней странице. Статьи магистрантов и аспирантов (адъюнктов) должны сопровождаться отзывом научного руководителя.

Автором / авторами собственноручно подписывается, направляемая в редакцию, рукопись статьи с удостоверяющим текстом: *«Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией. Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем».*

Все статьи проходят обязательную проверку по системе анализа текстов на наличие заимствований «AntiPlagiat.ru». Доля оригинального авторского текста должна составлять **не менее 70 %**.

В соответствии с Требованиями к рецензируемым научным изданиям для включения в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденными Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 июля 2014 г. № 793, редакция журнала «Правда и закон» осуществляет двойное слепое рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Рецензирование статьи осуществляется в течение 30 (тридцати) дней.

Рецензия направляется редакцией на электронный адрес автора. Автору не сообщаются сведения о рецензенте.

Доработанная (исправленная) статья повторно направляется редакцией на рецензирование тому же рецензенту. Датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения автором доработанной статьи.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, с сохранением научного содержания авторского варианта. Редакция оставляет за собой право сокращать и исправлять принятые работы.

Авторский гонорар не выплачивается. Рукописи авторам не возвращаются.

Плата за опубликование статей не взимается.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Статья должна быть оформлена в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021.

Требования к объему статьи:

Объем 8–16 страниц авторского текста (20 тыс. – 40 тыс. знаков с пробелами печатного текста), включая название статьи, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), библиографический список, таблицы и рисунки.

Требование к оформлению печатного текста:

- Формат страницы – А4, книжная ориентация.
- Поля: верхнее и нижнее поле: 2 см; левое поле: 3 см; правое поле: 1,5 см.

- Шрифт: Times New Roman, цвет шрифта: чёрный, кегель: 14, абзацный отступ устанавливается в меню «формат-абзац-первая строка (отступ 1,25 мм)», выключку устанавливается «по ширине», междустрочный интервал – полуторный.

- Форматирование текста: запрещены любые действия над текстом («красные строки», центрирование, отступы, переносы в словах, уплотнение интервалов). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел».

- Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная (общая). Подстрочные библиографические ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5.

- Аббревиатуры и сокращения при первом их употреблении в тексте должны быть расшифрованы, а правовые акты – содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования правовых актов может быть приведен при первом употреблении в постраничной сноске. Обязательно указание источника цитат, фактических и цифровых данных.

- Рисунки/иллюстрации: формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей (600 dpi). Иллюстрации нумеруются, если их количество больше одной. Иллюстрации должны быть направлены в редакцию отдельными файлами в максимально возможном (доступном автору) качестве. Иллюстрации также должны быть включены в текст статьи для определения редакцией места и порядка размещения иллюстраций.

- Таблицы: допускаются только вертикальные таблицы.

Обязательные реквизиты:

- Код универсальной десятичной классификации (УДК);

- Шифр и наименование научной специальности;

- Фамилия, имя, отчество автора/соавторов (полностью, не более трех; указываются на русском и английском языках);

- Ученая степень, ученое звание (указываются на русском и английском языках);

- Место работы, должность (указываются на русском и английском языках);

Указывают полное наименование организации (в скобках – сокращённое).

Примечание: соискатели и аспиранты заочной формы обучения указывают основное место работы и должность.

- Адрес места работы (указываются на русском и английском языках);

- Контактные телефоны, адрес электронной почты (возможно указание телефона и электронного адреса места работы (кафедры, института и т.п.) для связи с автором), SPIN-код;

- Статья аспиранта, адъюнкта, соискателя ученой степени, магистранта должна сопровождаться отзывом научного руководителя;

- Аннотация (на русском и английском языках), примерный объем 100–200 слов;

- Ключевые слова (на русском и английском языках), примерный объем 5–10 слов или устойчивых словосочетаний;

- Список источников (не менее 10);

- Транслитерация списка источников (транслитерацию русского текста в латиницу можно сделать с помощью программы на сайте <http://www.translit.net>).

Требование к указанию научной отрасли:

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с Утвержденной Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесение изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Научная специальность - 0.0.0.
УДК 0000

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Иван Иванович Иванов^{✉1}, Петр Петрович Петров²

¹Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия

²Университет ФСИН России, Пушкин, Санкт-Петербург, Россия

¹Ivanov@mail.ru[✉], SPIN-код: 0000-1111

²Petrov@mail.ru, SPIN-код: 0000-2222

Аннотация. 100–200 слов.

Ключевые слова: 5–10 слов

Для цитирования: Иванов И.И., Петров П.П. Название статьи // Правда и закон. 2022. № 3(21). С. 25–30 (оформляется редакцией).

TITLE OF THE ARTICLE

Ivan I. Ivanov^{✉1}, Petr P. Petrov²

¹SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia

²University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pushkin, St. Petersburg, Russia

¹Ivanov@mail.ru[✉], SPIN: 0000-1111

²Petrov@mail.ru, SPIN: 0000-2222

Abstract. 100–200 words.

Keywords: 5–10 words

For citation: Ivanov I.I., Petrov P.P. Title of the article // Truth and Law. 2022. № 3(21). P. 25–30 (formed by the editors).

Текст статьи

Список источников

1. Источник.
2. Источник.

References

1. Istochnik.
2. Istochnik.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 22.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 22.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой ... Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96);

П.П. Петров – кандидат юридических наук, начальник кафедры ... юридического факультета Университета ФСИН России (Россия, 196602, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, 34).

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department ... of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96);

P.P. Petrov – Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department ... of the Law Faculty of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, 196602, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya St., 34).

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

[16+]

Научно-практический журнал

ПРАВДА И ЗАКОН

№ 1(35)/2026

Главный редактор
Скиба Андрей Петрович
доктор юридических наук, профессор

Подписной индекс в электронном каталоге АО «Почта России»: ПО 950

Регистрационный орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-69137

**Редакция принимает к рассмотрению материалы, отвечающие
вышеизложенным требованиям к оформлению рукописей
и соответствующие профилю и научному уровню журнала**

Адрес редакции научно-практического журнала «Правда и закон»:

Россия, 190000, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 96,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета
Российской Федерации»

телефон для справок: +7(812)318-22-55, e-mail: rio@skspba.ru

Подписано в печать 27.03.2026   Вышел в свет 31.03.2026   Формат 60×84_{1/8}

Печать цифровая

Объем 15,5 п.л.

Тираж 50 экз.

Свободная цена

Отпечатано в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96